

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 2 (54)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / PHILOSOPHICAL JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.
председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.
заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук,
профессор, академик РАО

Агранат Д. Л.
заместитель председателя

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жукоцкая А. В.
главный редактор

начальник департамента философии и социальных наук,
профессор Института гуманитарных наук МГПУ,
доктор философских наук, профессор

Черненко С. В.
зам. главного редактора

заместитель начальника департамента, профессор
Института гуманитарных наук МГПУ,
кандидат философских наук, доцент

Осмоловская С. М.
ответственный секретарь

доцент, кандидат социологических наук,
доцент Института гуманитарных наук МГПУ

Ананишин В. М.

доктор социологических наук, профессор
департамента философии и социальных наук МГПУ

Кожевников С. Б.

профессор, доктор философских наук,
профессор Института гуманитарных наук МГПУ

Бирич И. А.

профессор, доктор философских наук,
доцент Института гуманитарных наук МГПУ

Мамедова Н. М.

профессор кафедры истории и философии Российского
экономического университета им. Г. В. Плеханова,
доктор философских наук, профессор

Мапельман В. М.

профессор, доктор философских наук,
профессор Института гуманитарных наук МГПУ

Хилханов Д. Л.

профессор, доктор социологических наук,
профессор Института гуманитарных наук МГПУ

Оганисян А. О.

профессор кафедры философии и логики им. академика
Георга Брутяна Армянского государственного педагогического
университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук

Чжан Байчунь

профессор Института философии Пекинского педагогического
университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2078-9238

© ГАОУ ВО МГПУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	5
---------------------	---

Социальная философия

<i>Стожко Д. К., Стожко К. П.</i> Новая реальность: социально-философское измерение	7
<i>Карулина Т. Б.</i> Проблема современного прочтения утопии: живы ли прежние конструкции?	22
<i>Плужникова Н. Н., Саенко Н. Р.</i> Кибердоги и парадоксы техники: между образом и реальностью	35

История идей и современность

<i>Опенков М. Ю., Тетенков Н. Б.</i> Когнитивные (парадигмальные) установки в современных политологических исследованиях	48
<i>Шишков Д. Х., Волкова Е. Ю., Колесников В. А.</i> Философия и мозг. Межполушарная асимметрия мозга в онтологии, гносеологии и прикладной философии.....	63

Философия культуры

<i>Меньчиков Г. П., Краснов А. С.</i> Об онтологической сущности культуры (неоклассический дискурс).....	78
<i>Виноградова В. В.</i> Понятие красоты в философии русского космизма	93
<i>Понизовкина И. Ф.</i> Технологии XXI века как угроза здоровью и развитию человечества	105

Исследования молодых ученых

<i>Фалько Е. А.</i> Информационный детерминизм в российской журналистике и медиасуверенит	115
--	-----

Информация для авторов	123
------------------------------	-----

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue	5
-----------------------------------	---

Social Philosophy

<i>Stozhko D. K., Stozhko K. P.</i> New reality: social and philosophical dimension	7
<i>Karulina T. B.</i> The problem of modern reading of utopia: are previous constructions alive?	22
<i>Pluzhnikova N. N., Saenko N. R.</i> Cyberdogs and technical paradoxes: between image and reality.....	35

The History of Ideas and Modernity

<i>Openkov M. Yu., Tetenkov N. B.</i> Cognitive (paradigmatic) attitudes in modern political science research.....	48
<i>Shishkov D. Kh., Volkova E. Yu., Kolesnikov V. A.</i> Philosophy and the brain. Hemispheric asymmetry of the brain in ontology, epistemology and applied philosophy	63

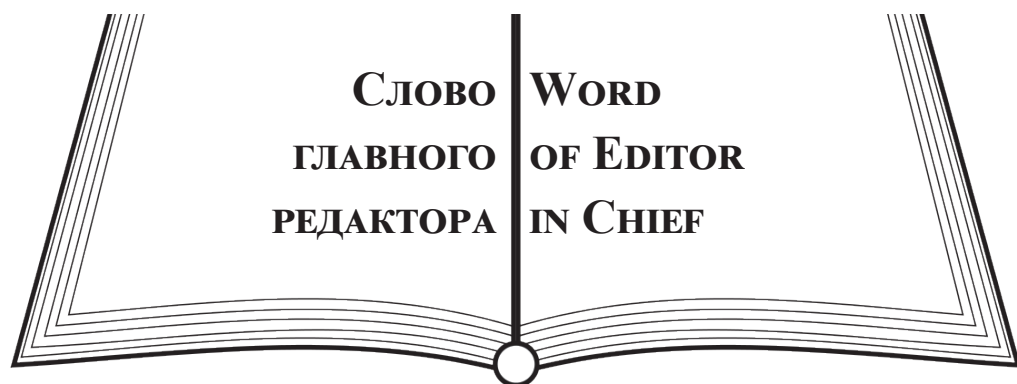
Philosophy of Culture

<i>Menshikov G. P., Krasnov A. S.</i> On the ontological essence of culture (neoclassical discourse)	78
<i>Vinogradova V. V.</i> The concept of beauty in the philosophy of Russian cosmism.....	93
<i>Ponizovkina I. F.</i> Technologies of the XXI century as a threat to human health and development.....	105

Research by Young Scientists

<i>Falko E. A.</i> Information determinism in Russian journalism and media sovereignty.....	115
---	-----

Information for authors	123
-------------------------------	-----

Задачи номера

Борьба идей и представлений лежит в основе любых философских исследований. Как правило, философское осмысление какого-либо феномена содержит оценку имеющихся в науке представлений о рассматриваемой проблеме, ее осмысление с точки зрения онтологии, эпистемологии, социально-философской направленности, этики, ее антропологическое измерение. Все это важно для того, чтобы понять и оценить многие происходящие изменения в нашей действительности.

Например, мы пользуемся уже давно устоявшимся термином «новая реальность». Но какой смысл вкладывается в это предельно общее понятие? Очевидно, что во многом он будет зависеть от контекста. Если мы говорим о многополярном мире, то это понятие будет носить политический коннотат, а если используем понятие в контексте новых цифровых технологий, то философам не обойтись без антропологического подхода к анализу

феномена новой реальности. Процесс формирования и развертывания новой реальности в современных условиях требует не только комплексного анализа феномена, но и дискуссий о сущности и характере новой реальности, ведущихся в современной науке. Именно в этом дискуссионном поле наши авторы рассматривают многие актуальные феномены и проблемы современности: феномен утопии, утопических идей, выражающих надежду на лучшее будущее общества и человека; исследовательские парадигмы современной политической философии; междисциплинарный подход к анализу когнитивных процессов, их связь с культурой, современными технологиями, вызывающими не только восторг, но и серьезные опасения; парадоксы техники, порой стирающие границы между реальностью и образом; информационный детерминизм — перегруженность социального пространства информацией, которая зачастую не несет смысла, нужного

человеку, а предлагает лишь симулякры смыслов и феноменов, нуждающихся в глубоком осмыслении. Все перечисленные дискуссионные проблемы говорят о необходимости

их философского осмысления, критического анализа с целью их адекватного понимания и использования в реальной жизни.

Научно-теоретическая статья

УДК 304.5

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-7-21

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Дмитрий Константинович Стожко

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия,
d.k.stozhko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>

Константин Петрович Стожко

Уральский государственный аграрный университет,
Екатеринбург, Россия,
kostskp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>

Аннотация. Актуальность социально-философского изучения феномена новой реальности обусловлена формированием многополярного мира, трансформацией ценностных систем и общественных отношений в условиях геополитического кризиса и перехода к новому технологическому укладу. Целью исследования является оценка имеющихся в современной науке представлений о новой реальности и ее социально-философское и антропологическое осмысление. В исследовании использованы методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, герменевтики, структурно-функционального анализа. Объектом исследования является сущность, структура и содержание понятия «новая реальность», предметом исследования — процесс формирования и развертывания новой реальности в современных условиях. В результате проведенного исследования дан комплексный анализ ведущейся в современной науке дискуссии о сущности и характере новой реальности. Выявлены две основные тенденции (центробежная и центростремительная) в ее формировании и развитии. Показана токсичность (феномен расчеловечивания) процессов формирования новой реальности в условиях растущей турбулентности и усугубляющегося глобального геополитического кризиса, а также фронтирный характер формирования нового человека, обусловленный столкновением цивилизаций. Выделена и рассмотрена

модель *абыюза* — общественных отношений, в которых вместо партнеров присутствует новый социальный регулятор «агрессор – жертва». В качестве выводов сформулированы положения о необходимости предметного и последовательного исследования взаимосвязи феномена новой реальности и научно-технического прогресса, а также изучения данного нарратива в системе современного образования в целях мировоззренческой и профессиональной подготовки будущих специалистов к новым условиям осуществления хозяйственной деятельности в системе трансформирующихся общественных отношений.

Ключевые слова: духовная реальность, многополярный мир, модель абыюза, новая реальность, новый человек, расчеловечивание, фронтирный характер, ценности

Для цитирования: Стожко Д. К., Стожко К. П. Новая реальность: социально-философское измерение // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 7–21. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-7-21>

Scientific and theoretical article

UDC 304.5

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-7-21

NEW REALITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DIMENSION

Dmitry K. Stozhko

Ural State University of Economics,

Yekaterinburg, Russia,

d.k.stozhko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>

Konstantin P. Stozhko

Ural State Agrarian University,

Yekaterinburg, Russia,

kostskp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>

Abstract. The relevance of the socio-philosophical study of the phenomenon of the “new reality” is due to the formation of a multipolar world, the transformation of value systems and social relations in the context of a geopolitical crisis and the transition to a new technological order. The aim of the study is to assess the existing in modern science ideas about the “new reality” and its socio-philosophical and anthropological understanding. The study used the methods of induction and deduction, analysis and synthesis, hermeneutics, structural and functional analysis. The object of the study is the essence, structure and content of the new reality, the subject of the study is the process of formation and deployment of the new reality in modern conditions. As a result of the study, a comprehensive analysis of the ongoing discussion in modern science about the essence and nature of the new reality is given. Two (centrifugal and centripetal) main trends in its formation and development are revealed. The toxicity (phenomenon of dehumanization) of the processes of formation of the new reality in the conditions of growing turbulence and aggravating global

geopolitical crisis is shown, and also the frontier character of formation of the “new man” is caused by the current “clash of civilizations”. The model of abuse is identified and considered – social relations in which instead of partners there is a “new” social regulator “aggressor – victim”. As an introduction, the provisions on the need for a substantive and consistent study of the relationship between the phenomenon of the new reality and scientific and technological progress, as well as the study of this narrative in the system of modern education for the purpose of ideological and professional training of future specialists for the new conditions of implementation of economic activity in the system of transforming social relations are formulated.

Keywords: spiritual reality, multipolar world, model of abuse, new reality, new man, dehumanization, frontier character, values

For citation: Stozhko, D. K., & Stozhko, K. P. (2025). New reality: social and philosophical dimension. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 7–21. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-7-21>

Введение

Актуальность изучения вопросов, связанных с формированием так называемой новой реальности в современных условиях, обусловлена многими причинами. Среди них особое место занимает вопрос о судьбе самого человечества, которое находится в ситуации растущего противостояния коллективного Запада, в первую очередь англосаксонской цивилизации, с одной стороны, и других динамично развивающихся центров мирового развития (Россия, Китай, Иран, глобальный Юг), с другой стороны. Современный мир меняется. Формирующийся многополярный мир, который приходит на смену прежнему однополярному мироустройству, сменившему в свое время (после распада мировой социалистической системы) двухполярную модель мира, вызывает значительный интерес у исследователей, особенно в связи с его характером, достоинствами и недостатками, способами и перспективами становления и т. д. Целью исследования является оценка имеющихся в современной науке представлений о новой реальности и ее социально-философское и антропологическое осмысление.

Методы и методология

В исследовании использованы методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, герменевтики, структурно-функционального анализа. Объектом исследования является сущность, структура и содержание понятия «новая реальность», предметом исследования — процесс формирования и развертывания новой реальности в современных условиях.

Обсуждение и дискуссии

Понятие «новая реальность» было впервые употреблено российскими художниками А. В. Летуловым (1882–1943), П. Кузнецовым (1878–1968) и Э. М. Белютиным (1925–2012). Не является случайным само появление и использование данного понятия в сфере искусства, поскольку искусство — это область креативного действия, творчества, в которой принципиально новое творение само по себе уже представляет новую реальность. А тем самым и способ создания этого нового также оказывается новой реальностью, поскольку нельзя старыми способами и методами создавать принципиально новые произведения, как нельзя вдохнуть даже самыми современными способами и методами новую жизнь в старые меха. Именно в искусстве новое представляется не как нечто очередное, повторное, сменяющее прошлое, а как нечто такое, чего никогда прежде не было. Конечно, искусство создает и реплики, имитации, копии, но его главная цель состоит в создании оригинала, шедевра. И в этом смысле искусство весьма близко науке с ее пониманием нового как открытия, хотя, чего никак нельзя отрицать, существует и такой аспект науки, как представление нового как хорошо забытого старого.

Последнее обстоятельство объясняется циклическим характером развития всей хозяйственной деятельности человека в ее широком понимании (духовное и материальное производство) и всей системы общественных отношений, действием известного диалектического закона спиралевидного развития, в соответствии с которым развитие происходит от низших форм к высшим, движение осуществляется по спирали: через противоречия, отрицание отрицания, повторение предыдущих этапов, но на более высокой ступени развития.

Само понятие «новая реальность» первоначально обозначало отход от механического восприятия окружающей человека реальности и обращение к реальности его внутреннего мира, его духовности. Но постепенно она стала интерпретироваться то как «жизнь соло» [Кляйненберг, 2014], то как «новая рациональность» и «новая нормальность» [Серль, 2004], то как «общество риска» [Бек, 2000], то как «общество спектакля» [Дебор, 2022], то как «общество тюрьмы» [Фуко, 2019], то как «деконструкция глобализма» [Деррида, 2004] или даже «абсурд» [Камю, 2023]. Во второй половине XX в. активно развивались теории информационного общества (Ю. Хаяши). Среди тех, кто рассматривал это общество в контексте новой реальности, можно назвать З. Баумана, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Э. Гидденса, Дж. Мартина, М. Кастельса, Дж. Нейсбитта, Э. Тоффлера, Ю. Хабермаса, Г. Шиллера и др. Их вклад в развитие концепций информационного общества достаточно обширен [Ижболдин, 2011; Уэбстер, 2004].

Так, Ж. Бодрийяр, в частности, предложил рассматривать новую реальность через понятие «общество потребления», в котором культ потребления стал основой не только личностного, но и общественного развития. Тем самым он, по сути, сформулировал идею о трех координатах новой реальности: новая личность, новое общество и новые ценности [Бодрийяр, 2023]. Такое

трехмерное теоретико-методологическое пространство в исследовании новой реальности в полной мере позволяет провести ее серьезную реконструкцию и репрезентацию. В свою очередь, Э. Тоффлер назвал наступающую новую реальность праптопией и охарактеризовал ее как «совершенно новый образ жизни не только для человека, но и для всей планеты» [Тоффлер, 1999, с. 568].

Дж. Нейсбит, развивая представления М. Кастельса о сетевом обществе как обществе, социальная структура которого состоит из сетей, работающих на основе информационных и коммуникационных технологий, основанных на микроэлектронике [Castells, 2004], трактовал новую реальность как развитие социальных сетей, которые «прорезают все общество, создавая поистине междисциплинарный подход к людям и вопросам» [Нейсбит, 2003, с. 280].

В новых условиях исследователи снова, уже в который раз, обращаются к понятию «новая реальность», но уже в совершенно ином контексте, учитывая кризис современного глобализма, современный геополитический, макроэкономический, экологический кризисы, а также экзистенциальный кризис личности, обусловленный глубинной трансформацией, а отчасти и деградацией традиционных ценностей, кризисами в философии и образовании, последствиями новой промышленной революции (компьютеризация, автоматизация, роботизация, цифровизация, внедрение искусственного интеллекта и т. д.), переходом к новому технологическому укладу и т. д.

В связи с этим нет ничего странного в том, что в научном дискурсе вновь стал актуальным термин «новая реальность». Он имеет много форматов, его используют то как термин «новая социальная реальность» (Ю. А. Зубок, С. Г. Карапетова, С. В. Климовицкий, Г. В. Осипов, А. Н. Пинчук и др.), то как «дополненная реальность» (Ю. С. Белов, В. В. Биткин, Ю. А. Маслова, А. А. Непалкова, Т. А. Никулина и др.), то как «нереальная реальность» (А. Канин, В. Кулигин, К. Ровелли и др.), то как «реальность телеприсутствия» (Н. В. Авербух, Л. М. Андрюхина, В. Ю. Ключников, А. А. Щербинин и др.) или как «виртуальная реальность» (Ю. М. Баяновский, А. Е. Войскунский, Ю. П. Зинченко, Г. Я. Меньшикова, А. М. Черноризов и др.) и т. д.

Отметим, что феномен новой реальности в истории российской философской мысли связывают с работами академика И. Т. Фролова (1929–1999). Важнейшим субъектом новой реальности И. Т. Фролов считал нового человека, которого он представлял как социальный идеал будущего, как всесторонне развитую и гармоничную личность. Такая постановка проблемы отражала прежнюю теоретико-идеологическую направленность советской философии, но, к глубокому сожалению, сегодня не отражает объективную реальность. То, что случилось после развала единой страны — Советского Союза, — перехода к капиталистическим (рыночным) экономическим отношениям, этнические, военные и социальные конфликты и т. д., не вписывается в те перспективы новой реальности, о которых когда-то писал И. Т. Фролов.

Вместе с тем было бы неправильным приписывать ту интенцию новой реальности, о которой рассуждал И. Т. Фролов, исключительно советской философии;

она имеет гораздо более глубокие корни [Фролов, 1983, с. 261–262]. Таким образом, можно сделать несколько предварительных замечаний к вопросу о постановке проблемы «новой реальности» в советской философии прошлого XX столетия.

Во-первых, такая постановка, сложившаяся к концу 70-х – середине 80-х годов XX века, носила преимущественно антропологический характер и рассматривалась сквозь призму нового человека как гармонически развитой личности. И здесь советская философия в вопросе о новой реальности постепенно стала отходить от идеологизированных представлений о ней как о коммунистическом обществе. Все более концентрируясь на антропологической проблематике, на самом человеке, а точнее, на новом человеке, человеке будущего. К концу XX века российская философская мысль в вопросах о новой реальности находилась в русле той философско-этической традиции, которая берет свое начало с эпохи Античности и в которой именно человек, его личность являются конституирующим началом реальности как таковой.

С древних времен люди конструировали образ человека. В диалоге «Государство» Платона, в поэме Гесиода «Золотой век», в «Этике» Аристотеля, в древнегреческих мифах об Элизиуме — Острове блаженных, в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского можно обнаружить разные суждения о том, каким виделся авторам этих сочинений человек. Культ красоты человеческого тела, здорового образа жизни и культ личной (персональной) свободы служили путеводной нитью в осмыслении древними авторами проблемы человека.

Таким образом, российская философская мысль возвращалась к философским первоисточкам, к натурфилософии древности с тем, чтобы почерпнуть в них новый импульс, новый заряд для репрезентации образа человека. Но, конечно, далеко не все философы встали на этот путь, многие обратились к западной философии, ее образцам нового человека, среди которых можно отметить концепты Э. Кассирера, Э. Фромма, М. Шеллера и др.

Постепенно в проблематике нового человека как ключевого компонента новой реальности сложилось множество самых разных моделей, среди которых назовем следующие: «богочеловек» (С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, Е. Трубецкой, В. С. Соловьев и др.); «добродетельный человек» (Аристотель, И. Кант, А. Смит и др.); «новый человек» (Д. Л. Андреев, Л. С. Выготский, А. В. Сухово-Кобылин, Н. Ф. Федоров и др.); «лишний человек» (А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев и др.); «совершенный человек» (Абдул-Карим аль Джили, Фома Аквинский, Дж. Джелли, Д. Хаксли и др.); «советский человек» (Ю. Левада, К. Менарт, Й. Новак и др.); «традиционный человек» (Марк Аврелий, Р. Генон, Г. Спенсер и др.); «сверхчеловек» (Ф. Ницше, А. Швейцер, Л. Троцкий и др.); «настоящий человек» (М. Бубер, Конфуций, Б. Н. Полевой и др.); «ноосферный человек» (Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский, П. Т. де Шарден и др.) и т. д. Сегодня наиболее распространенными и обсуждаемыми являются такие модели человека, как *Homo sapiens* (человек

разумный), Homo economicus (человек экономический), Homo socius (человек социальный), Homo responsibility (человек ответственный), Homo creativity (человек творческий).

Во-вторых, обращает на себя внимание изначально позитивное представление о новой реальности в российской философской литературе конца XX века, которое к настоящему времени стало в основном негативным, критическим. Такая метаморфоза связана не только с реальными энтропийными процессами в мире, усилением центробежной тенденции в развитии общества, его фрагментацией, раскалыванием на разные противоборствующие социальные силы, но и с забвением самого человека, расчеловечиванием, и совершенно неоправданной критикой гуманизма как философского направления в истории науки [Хиллута, 2022, с. 94].

Кроме того, определенную роль в смене оценок феномена «новой реальности» сыграл и набравший силу антисоветизм. «Термин “советский человек” стал обозначать нечто исключительно отрицательное, свойственное только русскому народу. При этом никто не хочет замечать, что на смену “советскому человеку” пришел еще более отвратительный современный, безликий, глобальный и массовый человек, не обремененный никакими моральными и социальными ограничениями, тем самым представляя собой полное вырождение человека вообще» [Щеглов, 2016, с. 154–155].

В-третьих, на текущее время сложилось большое количество теоретических конструкторов и в отношении самого современного общества, его понимания и интерпретации, начиная от отрицания самого факта его существования и заканчивая его одиозными вариантами. В этой связи можно отметить ставшее уже знаменитым высказывание М. Тэтчер, которая как-то заявила, что есть отдельные мужчины, отдельные женщины и есть семьи.

Среди используемых на сегодняшний день философских концептов понятия «современное общество» можно выделить такие дефиниции, как «индустриальное общество» (К. А. Сен-Симон), «постиндустриальное общество» (Д. Белл), «новое индустриальное общество» (Дж. К. Гэлбрейт), «одномерный универсум» (Г. Маркузе), «общество потребления» (Ж. Бодрийяр), «цифровое общество» (Р. Нил), «общество знания» (Н. Штерн), «общество риска» (У. Бек), «несовершенное общество» (М. Джилас), «виртуальное общество» (Г. Рейнгольд) и т. д.

Естественно, что в каждом конкретном случае проекция на новое общество как один из ключевых компонентов новой реальности мыслится разными авторами по-разному. Дж. К. Гэлбрейт связывал его появление с «революцией управляющей», Э. Тоффлер — с формированием «проктопии», Х. Арендт — с образованием «меритократии», М. Джилас — с формированием двухсекторной модели общественного устройства и т. д. При таком разнообразии теоретико-методологических подходов к постановке вопроса о новом обществе как ключевом элементе в представлениях о новой реальности отсутствует единый универсальный взгляд на нее как на реальность объективную. Имеющиеся ее концепты отражают до сих пор пока что субъективные взгляды их авторов.

Результаты исследования

Одной из наиболее очевидных характеристик в формировании новой реальности является единство и борьба двух основных тенденций социального развития: с одной стороны, это центростремительная тенденция к объединению, конвергенции, концентрации, кооперации, интеграции; с другой стороны, это центробежная тенденция к разъединению, фрагментации, расколотости, противостоянию. В рамках первой тенденции все более популярной становится идея солидарного человека (Э. Дюркгейм), в рамках второй тенденции — идея сверхчеловека (Ф. Ницше). Символичной в этой связи выглядит следующая оценка ситуации: «Все устремились к господству, тотальному доминированию, идея сверхчеловека нашла свое воплощение в умах и сердцах многих людей, которые забыли о том, что стать таковыми можно только лишь посредством подчинения себе подобных, по сути, сделав их рабами своих устремлений. Конечно, в прямом смысле сегодня такое обнаружить нельзя, все имеет другие очертания и заретушировано демократическими принципами и идеей защиты прав человека, но суть этого процесса предельно ясна и вполне очевидна» [Хилюта, 2022, с. 94]. И далее: «В современном обществе нет ничего устойчивого и определенного, как и в рисуемой им картине мира: реальность иллюзорна, но есть продукт игры воображения и порой он лопается, словно мыльный пузырь» [Хилюта, 2022, с. 95]. Очень похоже на правду, но на правду иллюзорную. Конечно, современное общество во многом — это общество спектакля, иллюзии, симуляции и т. д., в котором «спектакль одновременно представляет собой и само общество, и часть общества, и инструментарий унификации общества» [Дебор, 2022, с. 32]. Но заявлять, что в современном обществе нет ничего устойчивого и определенного, — явный перебор, поскольку, несмотря на глубинную трансформацию современных ценностей и различных ценностных систем, вечные, абсолютные ценности никто не отменял, даже в рамках известной культуры отмены. Да и сами общественные отношения как таковые, значительно изменившись, существуют и никуда не исчезли. Ведь «спектакль — это не совокупность образов, а общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [Дебор, 2022, с. 32].

Другое дело, что нестабильность и турбулентность в современном обществе неуклонно возрастают, развивается модель *абьюза* — общественных отношений, в которых вместо партнеров присутствует новый социальный регулятор «агрессор – жертва», принимающий форму спектакля, в котором есть режиссер, актеры и публика. Театрализация реальности просматривается хотя бы в том, что современная социальная конкуренция давно уже превратилась из триггера социально-экономического развития в его тормоз и обрела все признаки недобросовестной конкуренции. А слова и декларации представителей новых социальных элит все чаще расходятся с реальными делами и реальной политикой. Например, когда развитие демократии ведет к формированию диктатуры рынка, стремление к миру осуществляется через подготовку

к новой войне, а гармоничное развитие человеческой личности во все большей степени определяется инструментарием «одномерного тоталитарного универсума», в котором «господство под маской изобилия и свобод распространяется на все сферы частного и публичного существования, интегрирует всякую подлинную оппозицию и поглощает все альтернативы» [Маркузе, 1994, с. 25].

Развитие новой реальности происходит в условиях, которые оказались и намного сложнее и намного хуже (менее благоприятны), чем те, которые появились после Второй мировой войны и способствовали выводу мирового сообщества из режима холодной войны в режим разрядки напряженности. Неслучайно сегодня все чаще приходится слышать о новой, второй холодной войне, с которой люди связывают растущую токсичность всей системы общественных отношений и многие стороны своей жизнедеятельности. В этом как раз и состоит особенность той новой реальности, которая формируется и разворачивается буквально у нас на глазах.

Естественной защитной реакцией современного человека является стремление уйти от такой токсичности и модели абьюза, когда «современный человек замкнулся в себе, живет только для себя и в свое удовольствие... Иначе говоря, сегодня происходит расчеловечивание человека, он не хочет делать нравственного выбора, а предпочитает упростить жизненные ценности и подход к их пониманию» [Хиллута, 2022, с. 97–98]. Написано, возможно, слишком категорично и обобщенно, но общую тенденцию это утверждение вполне отражает.

Другой стороной процесса формирования новой реальности является ее виртуальный аспект. В самом деле, уже на стадии обучения в школе и вузе учащиеся сталкиваются с так называемыми иммерсивными технологиями, посредством которых создается искусственная реальность, достигается полное погружение в нее и эффект присутствия. В каком-то смысле это как раз и есть то экзистенциальное состояние вовлеченного присутствия, о котором когда-то писал лидер французского персонализма и яркий представитель экзистенциализма Э. Мунье, считавший, что «преобразование человека осуществляется по ту сторону самого человека» [Мунье, 1999, с. 55], в его вовлеченности в экзистенциальное пространство.

Обратимся к характеристике нового человека как атрибутивному признаку новой реальности. В действительности невозможно всерьез рассуждать о новой реальности, не признав тот факт, что новым в ней становится сам человек. Но что означает «новый человек»? Наиболее развернутое его описание дал Э. Фромм в книге «Иметь или быть?», в которой автор выделил двадцать основных признаков нового человека [Фромм, 2011, с. 258–261]. Однако, рассматривая этот образ нового человека в современных условиях, с учетом тех негативных последствий, к которым привела трансформация и даже деградация разных ценностных оснований человеческой жизнедеятельности, особенно системы традиционных ценностей, трудно не согласиться с мнением о том, что «если уж какую-то реальность и называть нереальной, так ту, что ждет нас в ближайшем будущем» [Пекелис, Антипов, 2017, с. 26].

Фронтирный характер формирования нового человека обусловлен нынешним столкновением цивилизаций Востока и Запада (С. Хантингтон) и, соответственно, западной и восточной моделей человека. Разные аксиологические характеристики, свойственные Востоку и Западу, пронизывали и до сих пор пронизывают все уровни духовной реальности: ноосферу, пневматосферу, семиосферу. Более того, эти ценности оказывают свое влияние через аксиологическую детерминацию деятельности людей и в социосфере, техносфере, биосфере, абитосфере и на иных уровнях человеческой онтологии. Они, эти ценности, представляют собой своеобразный духовный код нашей культуры и цивилизации, сохранение и укрепление которого при формировании нового человека, нового общества и новой системы ценностей становится условием нашего выживания и развития.

Представляется правомочным взгляд на процесс формирования новой реальности как на исторически очередное обращение разных цивилизаций и культур к вопросам собственной самоидентификации в условиях размывания национальной (этнической) и духовной (мировоззренческой) идентичности. «Сегодня характерной особенностью человека является мода на поиски самого себя» [Хиллута, 2022, с. 97]. В связи с этим отдельными авторами делается вывод о том, что по мере перехода к новой реальности в мире будут возрастать негативные процессы и явления, среди которых отмечаются глобальное потепление, неконтролируемый рост населения Земли, рост вероятности военных конфликтов, усиление глобального экономического неравенства, постоянно растущий поток мигрантов, распространение оружия массового поражения, ускоренное технологическое развитие в ущерб самому человеку, религиозная и идеологическая радикализация и др. [Осипов и др., 2014].

Возможно, и даже вполне вероятно, что общая напряженность взаимоотношений между разными культурами и цивилизациями в процессе формирования и развертывания новой реальности будет какое-то время усиливаться. Но это требует своего объяснения и проецирования на будущее. Одним из вариантов объяснения такой растущей напряженности является тот факт, что стремление отдельных цивилизаций к мировому доминированию (что, согласно Л. Н. Гумилеву, является пассионарностью новых развивающихся этносов) связано со стремлением насильственного распространения собственных ценностей и их навязывания другим цивилизациям и культурам. Стремление к такому насильственному навязыванию представляет собой попытку ассимиляции других наций и культур с целью их подчинения, что означало бы, например, для англосаксонской цивилизации конец истории в том ее смысле, о котором писал Ф. Фукуяма [Фукуяма, 2015]. Но такое насильственное распространение (навязывание) представляет само по себе абсолютное зло, которое разрушает традиционный внутренний мир человека, сложившийся в поле его собственной культуры. И тогда все происходит так, как это описывал еще И. А. Ильин [Ильин, 1998, с. 331].

Для того чтобы новая реальность не стала мировой тюрьмой (образ М. Фуко), в которой один гегемон будет «надзирать и наказывать», а все остальные будут его послушными «узниками» [Фуко, 2019], необходимо «сопротивление злу силой».

Под влиянием многолетней западной пропаганды так называемых общечеловеческих ценностей в нашем обществе постепенно сформировался особый тип человека-западника, который в условиях глобализации постепенно превратился в человека-космополита.

В современных условиях геополитического противостояния России и Запада началась обратная тенденция в развитии личности и общества, возрождение национальных ценностей, национального духа.

Новое общество как атрибут формирующейся в нашей стране новой реальности — это сплоченное, единое общество, ориентированное на свои национальные интересы, обладающее здоровым консерватизмом. Как справедливо отмечал Президент Российской Федерации В. В. Путин, «сейчас, когда мир переживает структурный слом, значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло. Именно в силу множащихся рисков и опасностей, хрупкости окружающей нас реальности»¹. Разумный консерватизм — это в первую очередь возвращение к нашим традиционным духовным ценностям, к нашей собственной культурной и этнической идентичности. Именно на этой основе может и должна развиваться новая реальность, в которой любые инновации и модернизации должны играть исключительно подчиненное, не самостоятельное значение. Никакой технологический детерминизм и никакая техносфера не в состоянии заменить того, что называется «самодержавием духа» народа [Иоанн митр., 2012]. Именно такое «духовное самодержавие» может служить стержнем новой реальности как конструктивной системы всей человеческой деятельности и всей системы общественных отношений.

Выводы

1. Трансформация современного общества и формирование нового человека в контексте разворачивающейся новой реальности происходят на фоне масштабной научно-технической революции, развития компьютерных технологий, информационных сетей, медиапространства, искусственного интеллекта и т. д. «Новая реальность создается средствами телекоммуникации» [Андрюхина, 2016, с. 60]. Взрывоподобно развивается современный Интернет и связанные с ним технологии. Вот почему особое значение представляет разработка и реализация политики здорового, разумного консерватизма в информационном

¹ Путин заявил о принципах здорового консерватизма в основе подходов России // Ведомости. 21 октября 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/10/21/892404-printsipah-zdorovogo-konservativizma> (дата обращения: 10.01.2025).

пространстве и санация этого пространства от токсичных накоплений последних десятилетий. В этом плане необходимо целенаправленное и последовательное формирование особой субкультуры самого Интернета, соответствующей вызовам времени и национальным интересам. Это позволит в определенном смысле регулировать и направлять процесс формирования и развертывания новой реальности, предупреждать многие риски, связанные с возможностью энтропии системы национальных интересов и национальных ценностей.

2. Особое значение в условиях растущей макроэкономической и социокультурной турбулентности приобретает сфера образования, которая оказывается все более тесно связанной и информационными технологиями, и киберпространством и которая на протяжении последних десятилетий оказалась переполненной разного рода смысловыми симулякрами и лексическими оксюморонами, искажающими подлинное аксиологическое пространство российской культуры и определяющими сравнительно низкое качество самого образования в нашей стране. За редким исключением качество учебной и воспитательной работы в большинстве современных российских вузов существенно формализовано, симулятивно и соответствует формату так называемого «общества спектакля» (Г. Дебор), в котором создается лишь иллюзия продуктивно-творческой активности, тогда как в реальности выпускаемые кадры обладают низкой конкурентоспособностью и лишены тех субъектных свойств, которые обеспечивают их востребованность. В связи с этим возникают многочисленные проблемы последующего трудоустройства молодых специалистов и их адаптации в сфере общественного производства. Таким образом, необходимо целенаправленно формировать нового человека как субъекта новой реальности, укрепляя его в системе традиционных ценностей, собственной культуры и национальных интересов.

3. Надежды на то, что трудоустройство всей массы молодых специалистов будет в ближайшем будущем осуществляться в индивидуальном формате, в рамках высокой собственной мобильности и в виртуальном пространстве, не выдерживают серьезной критики и не соответствуют реальной динамике развития названных характеристик. Рассматривать современное киберпространство (интернет-пространство, информационное пространство, медиапространство и т. д.) как альтернативное реальному физическому пространству (как это предлагал М. Кастельс) — это все равно что рассматривать тень человека в качестве альтернативы самому человеку. Но ясно же, что нет человека — нет и его тени.

4. Новая реальность — это своеобразный нарратив. Но в качестве такового он есть наше собственное представление о новой реальности, как и о реальности вообще, которое может совпадать, а может и не совпадать с объективной реальностью. Различать внутреннюю и внешнюю реальность необходимо, поскольку наши представления отнюдь не всегда и не во всем соответствуют ее внешней конкретности. Вместе с тем с теоретико-методологической точки зрения необходимо понимать, что новая реальность не может быть тотально

ритуализована или абсолютно отлична от прежних моделей реальности. «Полная ритуализация — это кома. Тотальное различие — это столпотворение. Нужна золотая середина» [Руднев, 2016, с. 27].

Новая реальность в ее радикальном формате никогда не будет альтернативой физической реальности, точно так же как и реальная жизнь людей никогда не будет заменена разного рода вымыслам и симуляциями. Следовательно, формирование нового общества и нового человека должно быть осмысленным, осознанным, целенаправленным, происходить на основе земных, традиционных, корневых ценностей родной культуры и строго в рамках своей родовой цивилизации. Всякое взаимодействие цивилизаций и культур должно отталкиваться именно от такой предпосылки. Из этого и необходимо исходить, конструируя и предлагая репрезентацию новой реальности в философском дискурсе.

Список источников

1. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / пер. с англ. А. Андреева. М.: Альпина-нон-фикшн, 2014. 279 с.
2. Серль Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса. М.: АСТ, 2022. 256 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 416 с.
6. Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм / пер. с фр. Д. Ольшанского // Космополис. 2004. № 2 (8). С. 125–140.
7. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе / пер. с фр. С. Великовского, Е. В. Головиной. М.: АСТ, 2023. 448 с.
8. Ижболдин В. А. Генезис концепции информационного общества // Социология власти. 2011. № 5. С. 105–110.
9. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова и Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект-Пресс, 2004. 400 с.
10. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: АСТ, 2023. 384 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 1999. 784 с.
12. Castells M. Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint // The network society: a cross-cultural perspective / ed. by M. Castells. Northampton, MA: Edward Elgar, 2004. P. 3–49.
13. Нейсбит Дж. Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2003. 380 с.
14. Фролов И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983. 350 с.
15. Хилюта В. Н. Человек и новая реальность: каков будет выбор? // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 94–99.
16. Щеглов А. П. Советский человек — социальный конструкт или биологический тип? // Вопросы национализма. 2016. № 4 (28). С. 143–156.

17. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
18. Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с фр. И. С. Вдовиной и В. М. Володина. М.: Республика, 1999. 559 с.
19. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М.: АСТ, 2011. 314 с.
20. Пекелис М. А., Антипов С. С. Старая философия и новая реальность // Философская школа. 2017. № 1. С. 22–31.
21. Осипов Г. В., Каропова С. Г., Климовицкий С. В. Новая социальная реальность как объект социального конструирования // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 246–258.
22. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 576 с.
23. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Эксмо-Пресс, 1998. 912 с.
24. Иоанн, митрополит. Самодержавие духа: очерки русского самосознания. М.: Алгоритм, 2012. 528 с.
25. Андрухина Л. М. Философия новой реальности: от телеприсутствия — к телебытию // Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы / ред. А. В. Логинов, О. Н. Томюк. Екатеринбург: Макс-Инфо, 2016. С. 59–64.
26. Руднев В. Новая модель реальности. М.: ВШЭ, 2016. 224 с.

References

1. Kleinenberg, E. (2014). *Going solo. New social reality. Alpina-non-fiction*. (In Russian).
2. Searle, J. (2004). *Rationality in action*. Progress-Tradition. (In Russian).
3. Beck, U. (2000). *Risk society. Towards another modernity*. Progress-Tradition. (In Russian).
4. Debord, G. (2022). *Society of the spectacle*. AST. (In Russian).
5. Foucault, M. (2019). *Supervise and the punish. The birth of prison*. Ad Marginem Press. (In Russian).
6. Derrida, J. (2004). Globalization. World. Cosmopolitanism. *Cosmopolis*, 2 (8), 125–140. (In Russian).
7. Camus, A. (2023). *Rebellious man. The myth of Sisyphus*. AST. (In Russian).
8. Izhboldin, V. A. (2011). Genesis of the concept of information society. *Sociology of Power*, 5, 105–110. (In Russian).
9. Webster, F. (2004). *Theories of the information society*. Aspect-Press. (In Russian).
10. Baudrillard, J. (2023). *Consumer society*. AST. (In Russian).
11. Toffler, E. (1999). *The third wave*. AST. (In Russian).
12. Castells, M. (2004). Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint. In M. Castells (Ed.), *The network society: A cross-cultural perspective* (pp. 3–49). Edward Elgar.
13. Naisbitt, J. (2003). *Megatrends*. AST. (In Russian).
14. Frolov, I. T. (1983). *Human Prospects. An Experience of a comprehensive problem statement, discussion, and generalization*. Politizdat. (In Russian).
15. Khiluta, V. N. (2022). Human and the new reality: What will be the choice? *Philosophy of Law*, 4 (103), 94–99. (In Russian).

16. Shcheglov, A. P. (2016). Soviet man — a social construct or a biological type? *Questions of Nationalism*, 4 (28), 143–156. (In Russian).
17. Marcuse, G. (1994). *One-dimensional man. A study of the ideology of the developed industrial society*. REFL-book. (In Russian).
18. Mounier, E. (1999). *Manifesto of personalism*. Republic. (In Russian).
19. Fromm, E. (2011). *To Have or to Be?* AST. (In Russian).
20. Pekelis, M. A., & Antipov, S. S. (2017). The old philosophy and a new reality. *Philosophical school*, 1, 22–31. (In Russian).
21. Osipov, G. V., Karepova, S. G., & Klimovitsky, S. V. (2014). New social reality as an object of social construction. *Social and Humanitarian Knowledge*, 6, 246–258. (In Russian).
22. Fukuyama, F. (2015). *The end of history and the last man*. AST. (In Russian).
23. Ilyin, I. (1998). *The path to obviousness*. Eksmo-Press. (In Russian).
24. John, Metropolitan. (2012). *Autocracy of the spirit: Essays on Russian self-consciousness*. Algorithm. (In Russian).
25. Andryukhina, L. M. (2016). Philosophy of the New Reality: from Telepresence to Telebeing. In A. V. Loginov, & O. N. Tomuk (Eds.), *Philosophy in the 21st century: Challenges, values, prospects* (pp. 59–64). Max-Info. (In Russian).
26. Rudnev, V. (2016). *New model of reality*. HSE. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Дмитрий Константинович Стожко — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Dmitry K. Stozhko — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

d.k.stozhko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>

Константин Петрович Стожко — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, главный научный сотрудник Института аграрно-экологических проблем и управления сельским хозяйством, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия.

Konstantin P. Stozhko — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Agrarian-Ecological Problems and Agricultural Management, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia.

kostskp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Аналитическая статья

УДК 141.81

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-22-34

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ УТОПИИ: ЖИВЫ ЛИ ПРЕЖНИЕ КОНСТРУКЦИИ?

Татьяна Борисовна Карулина

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,

Москва, Россия,

karulina.tb@misis.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0735-009X>

Аннотация. В публикации делается попытка показать связь подходов к типологии утопий в XX веке с восприятием этих типологий как вариантов решения проблем, социальных и политических, и определить место идей К. Э. Циолковского в этом типологическом многообразии. Рассматривая проект идеального, но возможного общества у Циолковского, автор выделил базовые элементы этого общества — алгоритмы и рецепты этих усилий по созданию наилучшего общества, опираясь на два, исчерпывающим образом описывающих это общество понятия: долг и польза, — когда долг жительства в идеальной общине (наилучшем обществе) идеального человечества лежит на каждом, польза же существует для всех.

Ключевые слова: долг, польза, проект идеального общества, община, алгоритмы, рецепты, утопия, идеология, типологии утопий.

Для цитирования: Карулина Т. Б. Проблема современного прочтения утопии: живы ли прежние конструкции? // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 22–34. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-22-34>

Analytical article

UDC 141.81

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-22-34

THE PROBLEM OF MODERN READING OF UTOPIA: ARE PREVIOUS CONSTRUCTIONS ALIVE?

Tatyana B. Karulina

National University of Science and Technology «MISIS»,

Moscow, Russia,

karulina.tb@misis.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0735-009X>

Abstract. The publication attempts to show the connection between approaches to the typology of utopias in the 20th century and the perception of these typologies as options for solving social and political problems, and to determine the place of K. E. Tsiolkovsky's body of ideas in this typological diversity. Considering Tsiolkovsky's project

© Карулина Т. Б., 2025

of an ideal but possible society, the author identified the basic elements of this society — the algorithms and recipes of these efforts to create the “best society”, relying on two concepts that exhaustively describe this society: duty and benefit, when the duty of living in an ideal community (the best society) of ideal humanity lies with everyone, while benefit exists for everyone.

Keywords: duty, benefit, project of an ideal society, community, algorithms, recipes, utopia, ideology, typologies of utopias.

For citation: Karulina, T. B. (2025). The problem of modern reading of utopia: are previous constructions alive? *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 22–34. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-22-34>

Будущее превратилось из надежды в угрозу.

Чак Поланик

Введение

Моя работа не касается всего наследия Циолковского, огромного по смыслам и направлениям, посвященного космической трансформации от несовершенного физически и интеллектуально человека до совершенного атома духа или эфирного тела (высшего состояния жизни). В сферу моего интереса попадает «промежуточное состояние», от возникновения общин до их роста, и регуляция жизни в них и между ними. *Целостное осмысление проблемы утопии и утопизма позволило увидеть особенности проектов Циолковского и выявить специфику его теоретических построений.* В последнее время на фоне растущего интереса к философии Циолковского (не только к его инженерным проектам и ракетостроению) и незатихающего (после Второй мировой войны) интереса к утопиям исследователи обратили внимание на один из самых интересных аспектов идейного наследия как всего русского космизма, так и наследия Циолковского — проекты идеального общества.

Проблемам утопии и утопизма как феномену XX века посвящено большое количество публикаций не только западных, но и отечественных исследователей (см.: [Mumford, 1922; Мангейм, 1929; Аинса, 1999; Нисбет, 2007; Claeys, 2004, 2011, 2016; Клеес, 2018; Дарендорф, 2002; Чаликова, 1994; Мапельман, 2019, 2023; Хорунжий, 2019, 2021; Халуторных, Максимова, 2021]). Начало интереса к утопическим идеям и концепциям русского космизма русских исследователей начинается с В. В. Зеньковского [Зеньковский, 1991] и В. А. Чаликовой [Чаликова, 1994].

Проблема конструируемых (конструирования) идеальных обществ может быть рассмотрена с нескольких позиций. Во-первых, идеальное общество как утопия, создаваемая исключительно как вербальная конструкция без расчета на реализацию. Неслучайно Томас Мор долго противился переводу на английский язык своей работы *Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus*,

de optimo rei publicae statu deque nova Insula Utopia («Поистине золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государстве и о новом острове Утопия»). Она была необходима автору либо как критика существующих порядков (как впоследствии и у Т. Кампанеллы), либо как проекты (или, скорее, нарративы), когда невыносимые условия жизни граждан противопоставлялись идеальному проекту, создававшемуся не для реализации, а для контраста («посмотрите, как это может быть организовано»). Во-вторых, идеальное общество как реальный проект наилучшего будущего устройства, который пытались реализовать (например, коммуны и ячейки социалистов-утопистов, воспитательные концепции Ж.-Ж. Руссо и пр.). Эти прекрасные варианты организации будущего создавались для счастья человека. Идеальность этих проектов в том, что авторы, конструирующие идеальное общество были уверены, что они лучше граждан знают, какое благо им будет обеспечено в наилучшем государстве. И мы получаем идеальное государство (уже не общество) в качестве идеологического, но не утопического проекта.

В России в конце XIX – первом десятилетии XX века возникает третий, неполитический вариант утопизма. Это вариант Константина Эдуардовича Циолковского [Циолковский, 2006], где в полностью неполитической, несоциальной, а в природной среде в процессе реализации естественных закономерностей (т. е. «точного знания о природе») идеальный проект общества выстраивается сам, при незначительных усилиях людей, но усилиях сознательно организуемых. Зародыш этого естественного общества — община хороших людей; число таких общин постоянно растет за счет просвещения граждан, и их увеличение представляется автору естественным процессом.

В это время разрабатываются идеальные проекты государства, сориентированные либо на прошлое (утопии неструктурированного, равного и одновременно справедливого общества), выступающее фоном для невыносимого настоящего, либо устремленные в отдаленное будущее, опять-таки отрицающее гнетущее, но возможно изменяемое настоящее (К. Э. Циолковский). Возникает вопрос: можно ли считать проект будущего общества, описываемый в работах К. Э. Циолковского, утопическим или он представляет собой вариант литературного творчества? Его утопичность спорна, ведь на его реализацию Циолковский отводит миллионы лет. Литературным произведением его назвать тоже нельзя: слишком детально философ описывает его составляющие и способы разворачивания.

Цели исследования

Прежде всего важно понять целостную концепцию Константина Эдуардовича Циолковского, собрав ее из многочисленных статей, больших работ и набросков, через отнесение ее к другим утопиям, проектам идеального общества или «миражам» (по словам самого Циолковского) и сопоставить

его теоретическую конструкцию с другими проектами или утопиями. Для этого важно:

- выделить специфические смысловые блоки в концепции проекта идеального общества Циолковского, определившие всю архитектуру его проекта;
- рассмотреть существующие современные типологии утопий и попытаться вписать концепцию Циолковского в одну из них или выделить для нее особое место.

Если идеология не выступает в качестве системы скрепления общества, она «не существует», так же как и государственные институты не заменяются возникшими на добровольной основе общинами, объединенными совместной жизнью, но при этом не связанными профессиональной или производственной деятельностью. Не функционирующая как для авторов проектов, так и для жителей общин идеология существует в виде программы просвещения или образования населения. Одновременно она включает в себя сценарий селекции неподходящих индивидов, который осуществляется с помощью институтов идеального общества, носящих народный, электоральный характер, поэтому не рассматриваемый как система идей, управляющих совместно живущими индивидами. При этом в идеальных государствах термин «государство» — это избегаемое слово, его обычно заменяют на понятия «община», «сообщество», «страна», «нация», «народ».

Для России (надо отметить, что проект Циолковского имеет отношение ко всей нашей планете) реализация проекта идеального общества основана:

- на существовании и открытии естественных законов, распространяющихся на развитие и функционирование общества, без учета всякой социальности;
- на развитии единиц (членов общины) социума как бы естественным порядком через образование и книги;
- на включении членов общины в ее социальную жизнь (без использования понятия и феномена «социальное») через управление ею (ротация и функционирование на разных ролях в общине в зависимости от характера и знаний каждого);
- на возложении на науку, а до определенного уровня развития человечества — на модифицированную религию, функций идеологии. Для Циолковского идеология — это «скрывающаяся» часть управления социумом, а открытая часть — это наука и рациональное, прежде всего естественное и техническое знание.

Община у Циолковского полностью лишена социальности. Она носит натуральный, природный характер, все взаимодействия и внутри, и вне общины основаны на со-вместности. Со-вместное житие в общегитии, пусть очень комфортном и устроенном согласно научным достижениям. Со-вместный труд (организуемый естественным путем). Со-вместное общинное существование, в котором есть выборы-ротация власти и в общине и над общинами. Со-вместное улаживание конфликтов (или сепарация несогласных) в рамках естественного (не дарвиновского, но ньютоновского), механического

разрешения всяческих проблем. Однако при необходимости «должно всегда иметь возможность вооружить несколько очередных воинов, послушных и здоровых для борьбы против зла. Также в случае неповиновения решению суда и т. д.» [Циолковский, 2006, с. 87]. В проекте будущего идеального мира, устроенного как соты, но иерархизированного от менее совершенных общин (по качеству состоящих в нем общинников) к более совершенным, процесс направленного позитивного преобразования «естественен, природен». Его природный характер объясняет возможность его редуцировать и объяснять, а следовательно, природа сама все организует.

Проблема реализации (и существования) проекта идеального общества могла бы быть ограничена базовыми ценностями, разделяемыми членами общин, либо принятыми в межобщинных отношениях. Однако изгнание из идеального общества социального и социальности эту проблему превращает в несуществующую, ибо ценности связаны и с обыденной жизнью общинников, функционируя и на базовом уровне. Противоречащее им поведение приведет либо к изгнанию из общины, либо к жесткому постоянному контролю, добирающемуся до всех сторон жизни человека, даже не считающихся негативными или опасными. Все направлено на улучшение жизни общины и, следовательно, каждого ее члена, а как будет лучше всем, знают авторы проектов или главы общин.

Авторы идеальных проектов, которых можно сгруппировать вокруг утопии Т. Мора, полагали, что «контроль во благо» реализует лучшие возможности проектов такого рода, и «Миражи будущего общественного устройства» К. Э. Циолковского [Циолковский, 2006], по сути дела, завершали идейный строй, начатый Т. Мором. Обещая людям счастье, никто из этих авторов не говорил о свободе, праве на выбор, несогласии с большинством, все сосредоточились на равенстве, иногда на справедливости, еще реже на контроле за мыслями, но все это описывалось в воображаемых проектах. Европейские (и не только) государства, еще не столкнувшиеся с реальными возможностями контроля над сознанием, еще не видевшие опасностей и последствий такого рода контроля, только задумывались над возможными его формами и плохо представляли себе как пластичность самого сознания, так и реальные пути его контролирования. При этом появившееся огромное число литературных и философских публикаций, описывающих строительство идеальных обществ, позволило по-иному взглянуть на тот океан проектов, которые к середине XX века нашли своих читателей. Они вольно или невольно привели их в ужас, разделив на сторонников равенства (и разных степеней несвободы) и сторонников свободы, настаивающих на иных ценностях, включающих ответственность и возможность свободы выбора.

Первая цель: выделить специфические смысловые блоки в концепции проекта идеального общества К. Э. Циолковского, определившие всю конструкцию его проекта. Теоретическое наследие Циолковского, посвященное проектам развития человечества, построено на трех больших смысловых

блоках: алгоритм и рецептурность; сепарация и просвещение; долг и польза. Алгоритм и рецептурность существуют для внешнего по отношению к образующему общины человечества мира, стоящего над общинной земной жизнью и ориентирующего развитие социума в соответствии с естественно-научными закономерностями и направленной эволюцией.

Сепарация и просвещение касаются управления и организации непосредственного существования общины (общин), устройства жизни ее членов и избавления от недостойных (если они для нее бесполезны). Это может быть удаление из общины, запрет на деторождение, наблюдение (контроль) за общинниками выборными главами общины и самими общинниками для выделения лучших, способных занять место ее главы. Просвещение, по мысли Циолковского, возможно как через книги и с помощью учителей, так и в процессе наблюдения за жизнью членов общины для получения от них знаний и приобретения навыков ремесла.

Долг и польза — это этические категории, выступающие основой жизни внутри общины. Это тот «клей», который создает и скрепляет общину. Циолковский предлагает три его уровня: космический (организация «всекоsmической жизни»), всепланетный (возможность развития общины от одной до охвата ими всего земного человечества) и внутриобщинный (уровень обычной каждодневной жизни).

Идеальное устройство жилья, идеальный быт, идеальная гигиена (в том числе и одежда), нормированный труд и нормированный досуг общинников превращают их в идеальных членов общины, полностью лишенных субъективности, похожих на шахматные фигуры на доске, когда игроков интересует только их путь. Прекрасный, новый, абсолютно стерильный мир предполагает и наличие таких общинников, в систему идей которых на раннем этапе становления общины наряду с научными представлениями входит и подкорректированное и рационализированное «христианство». Впоследствии религиозный элемент будет вытеснен. Регламентируются и отрицательные качества общинников. Исправлению, контролю и сепарации подвергнутся общинники с отрицательными качествами, но полезные для общины, талантливые и творческие в разных областях.

Человек «мечтает не только завоевать свою Солнечную систему, но и посетить иные. Цель — ликвидировать безболезненно все несовершенное (зачаточное) и заселить планеты своим совершенным поколением... Не лучше ли бы было, если бы Земля прямо была заселена сознательными существами. Тогда не было бы этого хвоста страданий и безумия... Итак, разум и могущество высших существ, зародившихся на высших планетах, ликвидируют зачаточную жизнь на иных планетах и заселяют их своим потомством. Подобно этому огородник выпалывает на своем огороде сорные травы и сажает на нем полезные овощи» [Циолковский, 1928, с. 9–10]. Право на насилие декларируется так «обычно», т. е. несовершенные существа лишены человеческих качеств не в силу аморальной позиции автора, а в силу его стремления к совершенству и движению человечества вперед.

Вторая цель: рассмотреть некоторые современные типологии утопий и попытаться вписать концепцию К. Э. Циолковского в одну из них или выделить ее специфическое место.

Мой анализ касается:

- утопий, создающих «реальное пространство»: «убежать» или «изменить» Льюиса Мамфорда и «законсервировать» или «изменить» Карла Мангейма (онтологизированные);
- «утопий, осознающих пространство»: «плохо», «хорошо», «критикуемо» Грегори Клееса (гносеологизированные);
- «утопий, когда их существование и осознание не является значимым»: «каким образом или что построили» Виктории Атомовны Чаликовой (результатирующие);
- «утопий как средства влияния на социум и его проекты» Ольги Николаевны Халуторных (инструментализированные);
- «утопий, когда их анализируют с разных оснований» Алексея Валентиновича Хорунжего (аксиологизированные).

Обращение к типологии утопий и «идеальных проектов», как мне кажется, следует начать с работы Льюиса Мамфорда «История утопий», в которой типология утопий основывается на требованиях «убежать» или «изменить»: «бегство или компенсация; она стремится к немедленному освобождению от трудностей или разочарований нашей судьбы» и «обеспечить условия для нашей жизни: освобождение в будущем. Утопии, соответствующие этим двум функциям, я буду называть утопиями побега и утопиями реконструкции. Первая оставляет внешний мир таким, какой он есть, вторая стремится его изменить, так что можно иметь с ним общение на своих условиях» [Mumford, 1922, p. 15].

В 1929 году выходит книга Карла Мангейма «Идеология и утопия». Для Мангейма «идеология» и «утопия» скорее не теоретические конструкты отдельных авторов, а продукт мышления, рассматриваемый через его социальный характер, когда производящим оказывается не одинокий автор, живущий вне социальности, а социальные группы, вставленные в общественный процесс. «В слове “идеология” имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его. Понятие утопического мышления отражает противоположное открытие, также сделанное в ходе политической борьбы, а именно: определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание. Их мышление не способно правильно диагностировать действительное состояние общества. <...> Их мышление никогда не бывает направлено на диагноз ситуации; оно может служить только руководством к действию» [Мангейм, 1929, с. 22]. Выступая как разные интеллектуальные позиции на состояние и анализ общества, идеология и утопия все более сливаются друг с другом, происходит «опрозрачивание» утопий и распад утопии

как целостного представления о лучшем будущем, превращаясь в парламентскую практику, основанную на «возможных точках зрения» [Мангейм, 1929, с. 128]. Сами же утопии и идеологии трансцендентны настоящему и сохраняются в прослойке интеллектуалов.

С выходом из печати небольшой публикации «Утопия и утопизм: история осмысления понятий» Грегори Клееса, исследователя, выпустившего по проблеме утопий и утопизма уже более 20 серьезных трудов, в качестве нового варианта типологии после сорока лет перерыва возвращается ее классический вариант. Автор обращается в ней к типологии Лаймана Тауэра Сарджента (Lyman Tower Sargent), выделившего позитивные и негативные утопии, дополняя ее еще одним видом — критическими утопиями. «Утопизм — социальное мечтание. Утопия — несуществующее общество, детально описанное и, как правило, помещенное в определенные пространственно-временные рамки. <...> Эвтопия, или позитивная утопия, и «дистопия, или негативная утопия, — несуществующее общество, детально описанное и, как правило, помещенное в определенные пространственно-временные рамки, которое современным автору читателем должно восприниматься как значительно менее благополучное, чем то, в котором он на самом деле живет» (цит. по: [Клеес, 2018, с. 149]).

В. А. Чаликова была, вероятно, первой среди отечественных исследователей, кто ввел в русскоязычный научный оборот начиная с 80-х годов XX века значительное число неизвестных в СССР авторов современных утопий. В книге «Утопия и свобода» Чаликова предлагает свою типологию утопий: «утопические проекты, вдохновленные верой в возможность онтогенетической мутации (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Т. К.), в способность евгеники вывести биологически новый тип человека; “духовные” утопии, христианские по генезису... *теократические модели*... плод глубокого кризиса формальной демократии; *проекты усовершенствования “демократической игры”* с помощью электронных коммуникаций; *программы радикальной перестройки отношений человечества* и физической среды — экологические и социально-этологические утопии, переводящие проблему общественного развития в план естественной истории; усиленное галлюциногенами эйфорическое визионерство контркультуры... редкие анахронистские пасторальные утопии и поток *антиурбанистических дистопий*...» [Чаликова, 1994, с. 80]. И далее: «Поле современной утопической мысли лежит таким образом между двумя источниками, из которых она родилась и в которые обречена впадать, каковы бы ни были ее взлеты и зигзаги, — *между религией и реформаторской деятельностью*» [Чаликова, 1994, с. 103].

Следует остановиться на еще двух типологиях, которые могут показать другой пример отношения к утопическим проектам [Хорунжий, 2019, 2021; Халуторных, Максимова, 2021]. Это не первые работы исследователей, но в них предложены интересные варианты классификаций утопий (прежде всего русских философов).

А. В. Хорунжий предлагает сгруппировать утопические проекты по разным основаниям: уровню продуцирования; степени подлинности; социокультурному наполнению идеала; направленности критического действия; типу предлагаемого развития общества, на основе выделяемых групп утопий. В итоге утопия может быть народной, литературно-теоретической, официальной (административной); утопией, полуутопией, квазиутопией; романтической; теократической, технократической; утопией бегства, утопией реконструкции; утопией эволюции; утопией катастрофы.

Публикации О. Н. Халуторных посвящены утопиям русских космистов, но ее функционалистский подход к утопиям допускает, что подобный акцент может быть характеристикой не только утопий русских космистов. Халуторных пишет о трех функциях утопий: прогностической, моделирующей и детерминирующей. Однако все они интересуют автора с определенной точки зрения: «утопия моделирует желаемую конструкцию общественного устройства, и влияние утопии характеризуется возможностью создания для развивающейся системы жестких детерминирующих рамок» [Халуторных, Максимова, 2021, с. 51]. Именно поэтому у утопии есть способность «к формированию новой мировоззренческой парадигмы; возможность воплощения прикладных концептов, составляющих утопию; способность утопии к сокращению количества вариантов развития социальной системы [Халуторных, Максимова, 2021, с. 51].

Затронутые в работе типологии были построены исходя из разных возможностей (биологических или духовных) человека, из разных типов и форм политических режимов, трансформаций взаимоотношений человека и природы, из разных форм бегства (из времени, пространства, места) и из разных вариантов приспособления, функций и результатов построения утопий. Все они укладываются в «Идеологию и утопию» Мангейма, онтологизировавшего феномен мышления и представившего в нем утопию и идеологию как формы мышления и действия через «изменить» и «сохранить». Все утопии попадают в «изменить», затем измененное — в «сохранить» в достигнувшем «блаженного» места, времени или состояния. Превращение утопий, в том числе литературных, в теоретические (по Мангейму, идеологические) конструкты, имеет как позитивный, так и негативный смысл. Так, дорабатывая и додумывая высказанные авторами идеи, особенно по мере приближения человечества к ожидаемому будущему, оно яснее видит перспективы сверхконтроля (как будущего, выстраиваемого по плану «тех, кто знает как», сверху), с необходимостью прибегать к насилию, по мере того как опыт проживания определенных режимов уже виделся и проживался людьми. С негативной же позиции — это доведенные до абсурда предлагаемые идеи и концепции, при модернизации и проигрывании которых в качестве реальных сценариев мы получаем злодеев-проектировщиков уже виденных нами и опасных для людей режимов, которые можно реализовать в соответствии с предлагаемой инструкцией. «Технологический и технократический рай» ее содержит, его авторы

уже построили такой мир в своих книгах, не сообщив механизма достижения всеобщего счастья, а показав только результат. Процесс реализации проекта фактически заменен галереей картинок будущего идеального общества, а поэтому спокойно-бесконфликтного.

«Попытка осуществить, материализовать утопию неотвратимо должна была столкнуться с тем, что для реализации замысла, воображенного — и воображаемого — мира, нужен и воображаемый человек, коим тот мир будет заселен. Но мир уже существует. И заселен людьми, неисчерпаемое разнообразие которых мешает умозрительным преобразованиям. И потому приходится не мир приспособлять к человеку, но человека приспособлять к миру: переделывать, обтесывать, сортировать etc. Человек должен, обязан соответствовать миру, а не наоборот. И террор, в основе коего — всегда — идея совершенствования мира, становится неизбежен» [Русская антиутопия, 2014, с. IX].

Заключение

Насколько необходимо постоянное возвращение к великим идеям, если они не являются современными и показали невозможность своей реализации (пока)? К. Э. Циолковский отводил миллионы лет на разворачивание космической эволюции, и, возможно, мы не понимаем, что на этом пути сделаны лишь первые шаги. Скорее всего, постоянное возвращение к утопическим проектам и живучесть утопизма прежде всего связаны с людьми, с авторами проектов идеального общества, невольными их обитателями, оперирующими плохим, слабым и корыстным материалом, «кривыми горбылями» (И. Кант), с которыми им приходится работать.

«Эти антиутопические критики упустили из виду тот факт, что одним из главных факторов, обуславливающих любое будущее, являются установки и убеждения, которые люди имеют по отношению к этому будущему, — что, как сказал бы г-н Джон Дьюи, в любом суждении о практике вера человека в гипотезу — это одна из вещей, которая влияет на ее реализацию» [Mumford, 1922, p. 299].

Многочисленные современные попытки понять утопические проекты, классифицировав их, могут дать нам намного больше, чем сами утопии или проекты идеальных обществ. Они способны показать нам наши страхи и наши надежды, дать понять, что люди хотят от таких наивных и недостижимых проектов, почему спустя пятьсот лет после выхода «Золотой книжечки...» не прекращается интеллектуальная работа над ней. А ведь «Утопия» была написана для узкого круга друзей автора, но почему-то критики и почитатели постоянно возвращаются к ней. Различая бытийный (онтологический) план утопий, наверное, во многом уже устаревший и непонимаемый, мы получаем возможность собрать воедино идеи. Проговаривая складывающиеся «миражи», мы понимаем и хотим понять себя, все расширяем и расширяем как саму

классификационную базу, внося туда те утопии, которые, реализуясь в свое время, казались весьма успешными, выходя «на специфический тип оценки и прогнозирования тех или иных тенденций общественного развития» [Чаликова, 1994, с. 91].

Возможно, поэтому необходимо помнить Мангейма: «если уничтожение идеологии представляет собой кризис лишь для определенных социальных слоев и возникшая благодаря выявлению идеологии объективность служит для большинства средством достигнуть более ясного понимания самих себя, то полное исчезновение утопии привело бы к изменению всей природы человека и всего развития человечества», потому что «наиболее важные изменения духовной структуры тесно связаны с преобразованием утопического элемента и не могут быть поняты в отрыве от него» [Мангейм, 1929, с. 133].

И постоянно возвращаясь к утопиям, проектам наилучшего общества, перечитывая и «перепонимая» их, мы приходим к вопросам, которые для нас важны: чего мы боимся в настоящем, что мы хотим от будущего и как должно и как не должно поэтому действовать?

Список источников

1. Mumford L. The story of utopias. New York: Bony and Liveright, Publ., 1922. 332 p.
2. Мангейм К. Идеология и утопия. 1929. 160 с. URL: https://royallib.com/book/manngeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html
3. Аинса Ф. Реконструкция утопии / пер. с фр. Е. Гречаной, И. Стаф. М.: Наследие, 1999. 207 с.
4. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. [под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова]. М.: ИРИСЭН, 2007. 555 с.
5. Claeyes G. Nach dem Fortschritt: Die Geschichte des politischen Denkens und die Schaffung einer grünen Utopie // Die Unruhe der Kultur. Potentiale des Utopischen / Herausgegeben von Jörn Rüsen, Michael Fehr und Annelie Ramsbrock. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2004. P. 143–162.
6. Claeyes G. Searching for utopia: The history of an idea. London: Thames & Hudson, 2011. 224 p.
7. Claeyes G. Utopia at five hundred: Some reflections // Utopian Studies. 2016. Vol. 27. № 3. P. 402–411. https://doi.org/105325/utopianstudies.27.3.0402_
8. Клеес Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // Практики и интерпретации. 2018. Т. 3. № 3. С. 148–160. <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-148-160>
9. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии / пер. с нем. Б. М. Скуратова, В. Л. Близнекова. М.: Праксис, 2002. 534 с.
10. Чаликова В. А. Утопия и свобода. М.: Весть – ВИМО, 1994. 184 с.
11. Мапельман В. М. Прогресс социальный и научно-технический в трудах К. Э. Циолковского // Научное наследие и развитие идей К. Э. Циолковского: материалы 54-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Ч. 2. Калуга: Эйдос, 2019. С. 111–114.
12. Мапельман В. М. К. Э. Циолковский: самооценка философского творчества // Идеи К. Э. Циолковского в теориях освоения космоса: материалы 58-х Научных

чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Ч. 2. Калуга: Эйдос, 2023. С. 8–10.

13. Хорунжий А. В. «Идеальный строй жизни»: социальная утопия К. Э. Циолковского // Утопические проекты в истории культуры: материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «“Город Солнца”: в поисках идеального локуса» / редкол.: Т. С. Паниотова (отв. ред.) и др. Ростов н/Д: ЮФУ, 2019. С. 36–39.

14. Хорунжий А. В. Меритократия в трудах К. Э. Циолковского в контексте становления информационного общества // К. Э. Циолковский и прогресс науки и техники в XXI веке: материалы 56-х Научных чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Ч. 1. Калуга: Эйдос, 2021. С. 100–108.

15. Халуторных О. Н., Максимова М. В. О прогностических и моделирующих функциях социальных утопий русских космистов // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 50–57. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-2-50-57>

16. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. 134 с.

17. Циолковский К. Э. Миражи будущего общественного устройства. М.: Самообразование, 2006. 345 с.

18. Циолковский К. Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга: Издание автора, 1928. 24 с.

19. Русская антиутопия: антология / сост. В. Г. Перельмутер. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2014. 636 с.

References

1. Mumford, L. (1922). *The story of utopias*. Bony and Liveright, Publ.
2. Mannheim, K. (1929). *Ideologie und Utopie*. https://royallib.com/book/manng-eym_karl/ideologiya_i_utopiya.html (In Russian).
3. Ainsa, F. (1999). *Reconstruction of utopia*. Heritage. (In Russian).
4. Nisbet, R. (2007). *History of the idea of progress*. IRISEN. (In Russian).
5. Claeys, G. (2004). Nach dem Fortschritt: Die Geschichte des politischen Denkens und die Schaffung einer grünen Utopie. In von Jörn Rüsen, Michael Fehr und Annelie Ramsbrock (Eds.), *Die Unruhe der Kultur: Potentiale des Utopischen* (pp. 143–162). Velbrück Wissenschaft.
6. Claeys, G. (2011). *Searching for utopia: The history of an idea*. Thames & Hudson.
7. Claeys, G. (2016). Utopia at five hundred: Some reflections. *Utopian Studies*, 27 (3), 402–411.
8. Claeys, G. (2018). Utopia and utopism: History of the concepts' understanding. *Practices and Interpretations*, 3 (3), 148–160. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-148-160>
9. Dahrendorf, R. (2002). *Paths from utopia (Pfade aus Utopia: Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie)*. Works on the theory and history of sociology. Praxis. (In Russian).
10. Chalikova, V. A. (1994). Utopia and freedom. Vest – VIMO. (In Russian).
11. Mapelman, V. M. (2019). Social and scientific-technical progress in the works of K. E. Tsiolkovsky. In *Scientific heritage and development of K. E. Tsiolkovsky's ideas: materials of the 54th Scientific readings in memory of K. E. Tsiolkovsky* (part 2, pp. 111–114). Eidos. (In Russian).

12. Mapelman, V. M. (2023). K. E. Tsiolkovsky: self-assessment of philosophical creativity. In *K. E. Tsiolkovsky's Ideas in space exploration theories: materials of 58 Scientific readings devoted to the development of scientific heritage and the development of K. E. Tsiolkovsky's ideas* (part 2, pp. 8–10). Eidos. (In Russian).
13. Khorunzhiy, A. V. (2019). «The ideal way of life»: the social utopia of K. E. Tsiolkovsky. In T. S. Paniotova (Ed.), *Utopian Projects in the History of Culture: materials of the II All-Russian (with international participation) scientific conference "Utopian projects in the history of culture" on the theme "The City of the Sun: in search of an ideal locus"* (pp. 36–39). UFU. (In Russian).
14. Khorunzhiy, A. V. (2021). Meritocracy in the works of K. E. Tsiolkovsky in the context of the formation of the information society. *K. E. Tsiolkovsky and the progress of science and technology in the XXIst century: materials of 56 Scientific readings devoted to the development of scientific heritage and the development of K. E. Tsiolkovsky's ideas* (part 1, pp. 100–108). Eidos. (In Russian).
15. Khalutornykh, O. N., & Maksimova, M. V. (2021). On the prognostic and modeling functions of the social utopias of Russian cosmists. *Society and Power*, 2 (88), 50–57. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-2-50-57>
16. Zenkovsky, V. V. (1991). *History of Russian philosophy* (vol. 2, part 1). Ego. (In Russian).
17. Tsiolkovsky, K. E. (2006). Mirages of the future social structure. Self-Education. (In Russian).
18. Tsiolkovsky, K. E. (1928). *Will of the universe. Unknown intelligent forces*. Author's edition. (In Russian).
19. Perelmuter, V. G. (Comp.) (2014). *Russian dystopia: Anthology*. B.S.G.-Press. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Татьяна Борисовна Карулина — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальных наук и технологий Института базового образования, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия.

Tatyana B. Karulina — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Technologies at the College of Basic Professional Studies, National University of Science and Technology «MISIS», Moscow, Russia.

karulina.tb@misis.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0735-009X>

Научно-исследовательская статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-35-47

КИБЕРДОГИ И ПАРАДОКСЫ ТЕХНИКИ: МЕЖДУ ОБРАЗОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Наталья Николаевна Плужникова

Московский политехнический университет,

Москва, Россия,

pluzhnikova@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

Наталья Ряфиковна Саенко

Московский политехнический университет,

Москва, Россия,

rilke@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9422-064X>

Аннотация. Цель статьи — анализ причин и препозиций выбора образа собаки как основы целого направления в рамках анималистической роботизации, а именно создания роботов-собак, или кибердогов. Путем сравнительно-исторического анализа исследованы в диахронии различные культурные компоненты, положенные в основу такого рода решений; при этом акценты смещены в сторону культуры электронных устройств, в значительной степени фундируемой современной роботизацией всех сфер жизни человека.

В статье последовательно проанализированы культурно-исторические формы репрезентации отдельных составляющих образа собаки в мышлении и языке, даны психологические особенности восприятия человеком этого образа в рамках процесса взаимодействия с самой собакой, а также с ее роботизированным аналогом. В заключение предпринята попытка выйти за рамки технико-технологического измерения проблемы в общий горизонт проблем роста современной культуры. Двойственность восприятия образа собаки в качестве культурного образа и определенного технического устройства имеет широкий социокультурный контекст.

Авторы приходят к выводу, что парадоксальность образа собаки связана с амбивалентным характером современной техники, построенным на разграничении образа и реальности, что находит свое выражение в том, что современные роботизированные устройства приобретают эмоциональные, эстетические и художественные формы выражения.

Ключевые слова: философия техники, техника, общество, роботы, кибердоги, споты, искусственный интеллект

Для цитирования: Плужникова Н. Н., Саенко Н. Р. Кибердоги и парадоксы техники: между образом и реальностью // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 35–47. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-35-47>

Scientific research article

UDC 101.1:316

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-35-47

CYBERDOGS AND TECHNICAL PARADOXES: BETWEEN IMAGE AND REALITY

Natalya N. Pluzhnikova

Moscow Polytechnic University,

Moscow, Russia,

pluzhnikova@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

Natalya R. Saenko

Moscow Polytechnic University,

Moscow, Russia,

rilke@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9422-064X>

Abstract. The purpose of the article is to analyze the reasons and prepositions for choosing the image of a dog as the basis for an entire direction within the framework of animalistic robotization, namely, the creation of robotic dogs, or cyberdogs. By means of comparative historical analysis, various cultural components underlying such decisions are examined in diachrony, with the emphasis shifted towards the culture of electronic devices, largely funded by the modern robotization of all spheres of human life. The article consistently analyzes the cultural and historical forms of representation of individual components of the image of a dog in thinking and language, gives psychological features of human perception of this image within the framework of the process of interaction with the dog itself, as well as with its robotic analogue. In conclusion, an attempt is made to go beyond the technical and technological dimension of the problem into the general horizon of problems of the growth of modern culture. The duality of the perception of the image of a dog as a cultural image and a certain technical device has a broad socio-cultural context. The authors come to the conclusion that the paradoxical nature of the image of a dog is connected with the ambivalent nature of modern technology, built on the distinction between image and reality, which is expressed in the fact that modern robotic devices acquire emotional, aesthetic and artistic forms of expression.

Keywords: philosophy of technology, technology, society, robots, cyberdogs, spots, artificial intelligence

For citation: Pluzhnikova, N. N., & Saenko, N. R. (2025). Cyberdogs and technical paradoxes: between image and reality. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 35–47. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-35-47>

Введение

Тенденции роботизации в условиях современного развития технологий и тех возможностей развития современной электронной культуры во все большей степени определяются выбором культурного субъекта. Таким культурным объектом сегодня становится близкий человеку

представитель животного мира — собака. Собака считается одним из самых первых (если не вообще самым первым) из животных, прирученных человеком (*Canis Familiaris* — *лат.* «собака домашняя» [Лоренц, 1995, с. 2–3]).

Собака — это архетипический образ, который проявляет себя во многих культурах. Собака сопровождала человека в древности, Античности, периоды Нового и Новейшего времени на протяжении всего его исторического антропогенеза. Собака была с человеком везде и всюду: и в горе, и в радости, и в суровые годы военных баталий, и в мирное время.

Мифологические образы псов соединяют в себе функции охраны, с одной стороны, и проводника в мир мертвых — с другой. Пограничная функция и у славянского образа крылатого пса Семаргла: он живет среди людей, охраняет всходы их посевов, но он же огненный пес, соединяющий верх и низ. Двойственность и архетипическая амбивалентность сохранились в символе собаки, даже пережив в культуре долгий и интенсивный период укоренения положительного образа собаки, транслирующего смыслы верности, дружелюбия, охраны, помощи, поиска и т. д.

Большинство памятников животным, поставленных человеком, это памятники собаке [Марек, 1998, с. 21, 54]. Этот факт указывает на реальное и символическое место собаки в культурном универсуме человека.

Представители рода *Canis Vulgaris* (*лат.* «собака обыкновенная») жили, живут и будут жить под одной крышей с человеком в статусе полноправного члена человеческого коллектива — команды, бригады, группы, семьи, — члена, выполняющего достаточно большое количество доступных собачьему пониманию функций и служащего человеку в самом широком понимании значения этого слова. Если рядом с *Homo Naturalis* (*лат.* «человек естественный») на протяжении многих веков идет по жизни *Canis Naturalis* (*лат.* «собака естественная»), то почему рядом с *Homo Artificialis* (*лат.* «человек искусственный», т. е. фактически «киборг», «робот». — *Н. П.*) не может идти по жизни *Canis Artificialis* (*лат.* «собака искусственная»)? Тем более что собака естественная вполне и исчерпывающе доказала свою преданность человеку — этому творцу современной робототехники, — тысячекратно и тем самым заслужила право быть воплощенной и перевоссозданной искусственно на самом высоком техническом и технологическом уровне.

Современное развитие сферы электроники и робототехники позволяет человеку продуктивно решить задачу создания *Canis Artificialis* уже сегодня. И такого рода четвероногие киборги уже созданы и успешно функционируют.

Однако в то же время внутри системы взаимодействия «человек – собака» с добавлением предикации «искусственная собака», «электронная собака», «кибердог», «спот» возник целый ряд проблем социально-психологического и культурно-философского характера принципиально нового свойства, что, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Цель настоящего исследования связана с его актуальностью и определяется как комплексный анализ психологических и культурных факторов, препозиций

и особенностей выбора образа собаки для создания новой технической (роботизированной) формы ее репрезентации в современном обществе и культуре.

Содержание исследования

Понятие «кибердог» (*cyberdog* — *англ.* «кибернетическая собака», или «собака-киборг»), обозначающее кибернетические механические устройства в форме собаки, вследствие обретения им собственной смыслогенерирующей устойчивости в коммуникации, указывает на закрепляющуюся роль самого этого термина в мышлении и речи человека современной электронной культуры. Указание на собственно психологические преференции в обоснование именно такого выбора в основе своей имеет предпочтения человека, отдаваемые собаке в сфере общения и взаимодействия. Нет другого такого животного, прирученного человеком и являющегося частью *Mundus Humanis*, которое выполняло бы такое количество достаточно разнообразных функций и тем самым являлось бы подспорьем человеку в столь же многих видах его деятельности. Следование за человеком и сопровождение его, умение выполнять отдаваемые человеком команды — все это характеризует (и проверено многовековой практикой общения) не только *Canis Naturalis*, но и создаваемый его образ в виде технической формы *Canis Artificialis*. Человек любит своих питомцев — кошек и попугаев, хомячков и морских свинок, — но в этом отношении никто из вышеперечисленных собаке не конкурент, а способность точно и быстро исполнять отдаваемые оператором (человеком) команды следует счесть одним из важнейших качеств любого технического устройства вообще.

Психика человека в роли оператора устроена таким образом, что он принципиально не станет создавать никакие неуправляемые и не откликающиеся на команды технические устройства, потому что в большинстве своем они окажутся не просто бесполезны, но и опасны для самого человека.

Человек останавливает свой выбор на образе собаки вследствие сочетанного действия двух основных когнитивно-психологических механизмов: аналогизации и ассоциации, благодаря действию которых формируемые качества создаваемого роботизированного устройства переносятся с натурального прообраза по принципу аналогизации, в то же время ассоциируясь в восприятии и сознании человека — оператора, управляющего кибердогом, — с реакциями и поведением настоящей собаки. Совокупное действие обоих этих механизмов в итоге создает у оператора ощущение качественной обратной связи, уверенности и предсказуемости поведения кибердога и тем самым необходимого оператору уровня собственного психологического комфорта.

С точки зрения наличия возможных культурных оснований, реализуемых в обоснование выбора именно собаки, следует отметить выраженно прагматический характер современной массовой культуры, ее сфокусированность на решении, прежде всего, практических задач. В этом отношении

и актуализируется образ собаки как помощника человека в сфере его профессиональной реализации: подобно настоящим собакам-профессионалам, находящимся на службе у человека именно в различных сферах профессиональной деятельности последнего, кибердоги способны выполнять значительную часть функций собак-службистов в тех же самых сферах профессионального *Mundus Humanis* [Яксяргин, 2022, с. 127].

Существуют, конечно, крайне узкоспециализированные сферы профессиональной реализации настоящей, биологической собаки с ее сверхчувствительным, по меркам человека, обонянием. Например, контроль провоза наркотических и взрывчатых веществ, огнестрельного оружия в местах организованного и массового пересечения государственной границы или зон безопасности, или же поиск собаками-спасателями пострадавших под завалами зданий, т. е. это те узкие места, где и живую, биологическую собаку, по существу, на настоящее время человеку заменить нечем и нечем.

Однако современные технологии в сфере электроники и робототехники не говорят по этому поводу человеку категорическое нет: скорее, они говорят нечто вроде «сегодня пока не могу». Таким образом, сегодня — «пока нет», а завтра (и этого нельзя исключать, поскольку технологии не стоят на месте [Иманбаева, 2024]) эта же самая проблема может быть решена путем создания высокоспециализированного кибердога, сохраняющего механическое подобие образа живой собаки, но в то же время созданного под решение какой-либо крайне специфичной практической задачи¹.

За пределами сфер возможной профессиональной реализации в пространстве и времени *Mundus Humanis* возникает множество ситуаций, когда человеку оказывается необходима собака — живая или кибердог. Иногда это различие вследствие неограниченного многообразия обстоятельств человеческого бытия просто перестает иметь значение. Так, если собака достаточно продолжительное время живет в семье, демонстрируя наряду с привязанностью своим хозяевам также и вполне достойный для *Canis Naturalis* уровень своего собачьего интеллекта, то взрослые члены семьи при необходимости отлучиться куда-либо из дома на время оставляют на попечение такой сознательной и преданной собаки или маленьких детей, или же членов семьи, нуждающихся в каком-либо специфическом уходе, например инвалидов или лежачих больных. Решение этих практических задач чаще всего не требует наличия у кибердога сверхчувствительного обоняния уровня живой собаки, следовательно, для потенциальных создателей такого роботизированного помощника (или компаньона, или сиделки) задача технического и технологического его воплощения тем самым сильно упрощается².

¹ Cyberdogs bring cuteness to gaming market // The Sydney Morning Herald. URL: www.smh.com.au/technology/cyberdogs-bring-cuteness-to-gaming-market-20050 (дата обращения: 05.10.2024).

² Собачка будущего — кибердог // Расфокус.ру: сайт любителей фотографии. URL: <http://rasfokus.ru/photos/photo4163731.html> (дата обращения: 10.11.2024).

Результаты и обсуждение

Можно по-разному относиться — как в культурном, так и в психологическом плане — не только к самой возможности, но и к оправданности такого рода замены естественного целенаправленно создаваемым под решение конкретной задачи искусственным, однако это есть тот путь, которым уже давно пользуется историческое человечество с эффективностью, зависящей от достигнутого уровня научно-технического и инженерно-конструкторского прогресса напрямую. Здесь обращает на себя внимание человека (не только как субъекта, но и как реципиента продуктов культурного процесса) в первую очередь то, что между живым (настоящим) и искусственно создаваемым не прослеживается ни прагматического (функционального), ни символического антагонизма. Таковой существует в восприятии и сознании либо немногочисленных кинофобов (лиц, боящихся и сторонящихся собак вообще), либо еще менее многочисленных ретроградов-технофобов — этаких условных «луддитов века кибернетики и робототехники», не испытывающих каких-либо личных симпатий к технике вообще, равно как и к любым техническим устройствам в частности.

Сравним двух персонажей произведений Р. Брэдбери.

1-й эпизод — «431 градус по Фарингейту»³ (научно-фантастический роман-антиутопия, изданный в 1953 году):

«Механический пес спал и в то же время бодрствовал, жил и в то же время был мертв в своей мягко гудящей, мягко вибрирующей, слабо освещенной конуре в конце темного коридора пожарной станции. Бледный свет ночного неба проникал через большое квадратное окно, и блики играли то тут, то там на медных, бронзовых и стальных частях механического зверя. Свет отражался в кусочках рубинового стекла, слабо переливался и мерцал на тончайших, как капилляры, чувствительных нейлоновых волосках в ноздрях этого странного чудовища, чуть заметно вздрагивающего на своих восьми паучьих, подбитых резиной лапах.

Монтэг соскользнул вниз по бронзовому шесту и вышел поглядеть на спящий го-род. Тучи рассеялись, небо было чисто. Он закурил и, вернувшись в коридор, нагнулся и заглянул в конуру. Механический пес напоминал гигантскую пчелу, возвратившуюся в улей с поля, где нектар цветов напоен ядом, рождающим безумие и кошмары. Тело пса напиталось этим густым сладким дурманом, и теперь он спал, сном пытаясь побороть злую силу яда.

— Здравствуй, — прошептал Монтэг, как всегда зачарованно глядя на мертвого и в то же время живого зверя.

По ночам, когда становилось скучно, — а это бывало каждую ночь, пожарники спускались вниз по медным шестам и, настроив тикающий механизм обонятельной системы пса на определенный запах, пускали в подвал крыс, цыплят, а иногда кошек, которых все равно предстояло утопить. Держали пари, которую из жертв пес схватит первой.

³ URL: https://y2.school/st/o/451_градус_по_Фаренгейту__ata.pdf (дата обращения: 30.07.2024).

Через несколько секунд игра заканчивалась. Цыпленок, кошка или крыса, не успев пробежать и несколько метров, оказывались в мягких лапах пса, и четырехдюймовая стальная игла, высунувшись, словно жало, из его морды, впрыскивала жертве изрядную дозу морфия, или прокаина. Затем убитого зверька бросали в печь для сжигания мусора, и игра начиналась снова».

Р. Брэдбери, создав символ механического пса, реанимировал в коллективной памяти собирательный символ всех мифологических псов-чудовищ, стражей или проводников ада (Анибуса, Цербера, Шарбаров, Гарма и др.) С другой стороны, показав риски технического развития, писатель создал приближенный к сегодняшним реалиям прогноз. Так, архетипическая амбивалентность образа собаки послужила метафорой рисков, связанных с тем, что технические разработки в области медицины, строительства, спасательных работ могут стать одновременно инструментами агрессии, угнетения, вероломства. В романе Р. Бредбери приводится справка о том, что механические гончие изначально были полезным изобретением: они находили людей, которые могли быть ранены или без сознания, они были хорошими инструментами, однако со временем они превратились в оружие тирании.

Литературный персонаж Р. Брэдбери кажется прототипом кинематографического образа охранных роботов-собак в четвертом сезоне, пятом эпизоде («Металлист», 2017) британского сериала «Черное зеркало». В сериале изображено, как группа людей пытается украсть некую коробку со склада, но всех, кроме одной женщины, убивает охранная собака-робот. Всю серию героя убегают от смертоносной машины, но пес ловок, быстр и мастерски выслеживает жертву. Однако к моменту создания данного эпизода робопсы уже выпускались. «Boston Dynamics, дочерняя компания Google, представила нового робота-собаку по кличке Спот, предназначенного для применения в поисково-спасательных работах, а также при погонях за правонарушителями. Некоторые даже полагают, что робота можно снабдить смертоносным оружием и использовать для сдерживания толпы»⁴. Реальный робот-пес Спот внешне стал все больше похожим на изображение в «Черном зеркале». С 2019 года его может купить для промышленных и коммерческих целей. В реальности Спот безобидный, может анализировать местность и рельеф, открывать двери, таскать тяжести, даже танцевать.

Роботы Spot представляют собой вид передовых многофункциональных роботов, способных выполнять разнообразные задачи благодаря своей уникальной конструкции и высокому уровню автономности. Эти машины, напоминающие четвероногих животных, имеют широкий спектр применения — от обследования строительных площадок до выполнения сложных научных исследований.

Роботы Spot оснащены множеством современных технологий, которые обеспечивают их эффективность и функциональность:

⁴ Эксперт: Использование роботов для сдерживания толпы может привести к непредвиденным последствиям // RT на русском. 15 февраля 2015. URL: <https://russian.rt.com/article/74487> (дата обращения: 21.06.2024).

1) маневренность и мобильность: Spot может передвигаться по различным типам местности, включая лестницы, неровные поверхности и даже препятствия. Это достигается благодаря системе подвески и использованию четырех конечностей;

2) датчики и восприятие: роботы оборудованы различными датчиками, включая камеры, лидар (лазерное сканирование) и другие сенсоры, что позволяет им строить трехмерные карты окружающей среды и обнаруживать препятствия в реальном времени;

3) автономность: Spot может работать автономно в течение длительного времени, следуя заранее заданным маршрутам и реагируя на изменения в окружении. Пользователь может управлять роботом дистанционно или задавать ему команды через мобильное приложение.

2-й эпизод — «Гонец»⁵ (рассказ 1975 года):

«Пес, вернувшийся со двора, принес с собой запах холодного ветра, первых заморозков и терпкий аромат тронутых гнильцой опавших яблок. В его жесткой курчавой шерсти запутались лепестки золотарника, последняя паутина лета, опилки только что спиленного дерева, перышко малиновки и первый побуревший лист с огненно-красного клена. Пес радостно вертелся около кровати, стряхивая на одеяло свою драгоценную добычу — хрупкие сухие листья папоротника, веточку ежевики, тоненькие травинки болотного мха. ...

— Хватит, дружище, хватит!

Пес примостился ближе к теплему телу мальчика, отдавая ему собранные неповторимые запахи осени, ее голых полей, тяжелых туманов и аромат увядающих лесов. Весной шерсть пса пахнет расцветшей сиренью, ирисом и свежескошенной лужайкой, летом — фисташковым мороженым, каруселями и первым загаром. Но осень!

— Скажи, дружище, как там на воле?

И пес рассказывал, а прикованный к постели мальчик слушал и вспоминал, какой бывала осень, когда он сам ее встречал. Теперь его связным, его гонцом на волю стал пес. Он был частью его самого, той ловкой и быстрой его частью, которую он посылал познать внешний мир, мир вещей и быстротечного времени. Пес вместо него бегал по улицам городка и его окрестностям, к реке, озеру или ручью, или же совсем поблизости — в дровяной сарай, кладовую или на чердак. И неизменно возвращался с подарками. Иногда это были запахи подсолнечника, гаревой дорожки школьного двора или же молочая с лугов, а то свежеочищенных каштанов, перезревшей, забытой на огороде тыквы. Пес везде успевал побывать».

Р. Брэдбери создает пронзительный образ живой собаки-друга, компаньона, помощника, но и в этом произведении двойственность не могла не проявиться: в финале пес оказывается проводником между мирами живых и усопших.

Еще одной художественной иллюстрацией наших идей является фильм Анны Меликян «Фея» (2020 года выпуска, Россия), главный герой которого, Евгений Войгин, выступает в качестве успешного создателя игры «Коловрат»,

⁵ URL: <https://raybradbury.ru/library/story/47/7/1> (дата обращения: 30.07.2024).

в которой главный персонаж «очищает» культуру от «всякой нечисти». Главным же персонажем игры под названием «Реальная жизнь» становится Евгений. Подобно тому как он проектирует игру, так он проектирует и свою жизнь. Главный герой выступает в образе рационального индивида, который строит игру (жизнь) по своим правилам, идет цинично к тому, что он задумал и не сомневается в реализации своих планов. В фильме неоднократно звучат слова главного героя: «Я гений», «Я создал самую лучшую игру в мире». Однако рациональный мир, как и игровой, главного героя ломается, когда он встречается активистку Таню. Именно благодаря Татьяне и последующим событиям в фильме герой открывает темную, потаенную сторону своей личности, которую не хочет принимать. Столкновение со смертью усиливает страх смерти у героя, управляет им и выводит героя на новый уровень столкновения с самой жизнью — уровень его собственных смыслов существования, которые подчас для него непонятны. В конце фильма образом, вместилищем данных смыслов становится подвал с многочисленными комнатами, подобно античному царству Аида, куда спускается главный герой к Татьяне.

Если в начале фильма Евгений находится полностью в мире экранном, виртуальном, в мире своей игры, то затем, с помощью регрессивного психолога, он проходит трансформацию (инициацию) в реальный мир и испытывает столкновение с реальностью. При этом в реальном мире, как часто встречается в фантастических сюжетах экранной культуры, герой существует не один. В качестве его alter ego выступает его дочь, которую связывает с героем собака. Образ собаки можно рассматривать как образ тотемного животного, который присутствует в любой традиционной культуре. Именно через тотемное животное мы видим трансформацию внутреннего мира главного героя: от виртуального, поддельного, рационального к реальному. Если обратиться к языческой славянской мифологии, то тотемное животное выступало как часть самой личности героя, оно связано с ним духовно и отсылает к силам предков, рода, истории, самой культуры. В фильме тотемное животное осуществляет связь героя и русской культуры в целом с христианством.

Тотемное животное фигурирует в начале фильма, когда герой отгоняет собаку от дочери, затем во время сеанса регрессивной психотерапии появляется кошка как проводник души героя в другой мир, и в конце появляется снова щенок собаки, которого герой оставляет своей дочери.

Важно, что образ собаки, как и образ кибердогов, выражает в современном обществе особый способ восприятия современным человеком действительности, который конституируется техникой. Возникает эффект, при котором та искусственная реальность в образе, например, кибердогов, которую человек создает, часто не поддается логике людей, которые играют в игру или ее создают, но воспринимается как нечто вовлекающее и самостоятельное на бессознательном уровне. Складывается впечатление, что технические образы обретают самостоятельную реальность в культуре, но в то же время сама техника проявляет себя как парадоксальный, амбивалентный феномен,

который, вовлекая в свою действительность, обнаруживает смыслы человеческого существования, раскрывает их помимо воли и желания вовлеченных в воображаемую, образную, виртуальную действительность самих индивидов.

Образ собаки, соотнесенный с реальной действительностью, все чаще становится персонажем, указывающим на воздействие техники и технологий на внутренний мир человека.

Споты, о которых упоминалось выше, как и роботы-собаки, имеют широкое применение — от сферы развлечения и обучения программированию до промышленности и строительства⁶ [Никашин, Корчагин, 2023; Хабаров и др., 2016]. Однако с развитием технологий и искусственного интеллекта (ИИ) нарастают дискуссии о месте кибернетических систем в социальной, этической и философской плоскостях. Исследованию взаимодействия между человеком и роботом посвящены работы таких авторов, как Д. Гоулман [Гоулман, 2013], А. А. Кузнецов [Кузнецов, 2022], А. В. Шиллер [Шиллер, 2020], А. А. Карташева [Карташева, 2020].

Выводы

Кибердоги, являющиеся одним из примеров интеграции искусственного интеллекта в повседневную жизнь, представляют собой уникальный объект, прежде всего для социально-философского анализа. Благодаря анализу предмета исследования — кибердогов, мы приходим к заключению о том, что для современной потребительской культуры в значительной степени характерно научно-технологическое насыщение, а именно требование пользователя того или иного технического устройства относительно минимизации времени, затрачиваемого на управление им, при сохранении полного контроля за процессом его целенаправленного (программируемого) функционирования со стороны человека. Например, в современную стиральную машину следует положить белье и залить (засыпать) моющее средство, после чего просто включить и задать программу стирки, потому что далее машина все сделает сама. Робот-пылесос достаточно просто зарядить и запустить в «самостоятельное плавание» по квартире, целью которого будет истребление им пыли на полу и в коврах: тот будет «ворчать» и огибать препятствия, но дело свое будет делать без отвлечения вашего внимания. Другой вопрос в том, что чаще всего корпус таких пылесосов изготавливается в форме круглой шайбы или диска для удобства огибания препятствий, но ничто не мешает сделать тот же пылесос в виде, например, ежа или черепахи, и тогда с ним интересно будет взаимодействовать даже маленькому ребенку, поскольку это будет одновременно и игра, и польза. В стремлении взрослого человека создать тот или иной роботизированный функционал непременно в виде хорошо знакомого ему домашнего животного прослеживается устойчивое, но плохо рационализируемое

⁶ Бионические роботы-собаки // Robosobaka: сайт. URL: <https://robosobaka.ru/products/robots/bionic-robots/?ysclid=mbz4c69382172297183> (дата обращения: 14.03.2024).

желание совместить прагматическую компоненту общения внутри системы «человек – кибердог» с его эмоционально-эстетической компонентой.

Последнее есть крайне важный аспект современной экономики впечатлений: для того чтобы какой-либо товар обрел своего покупателя, он должен быть привлекательным для этого потенциального покупателя, т. е. обладать соответствующей формой, цветом, пропорциями, быть удобным, красиво упакованным и т. п. Иными словами, в этом товаре обязательно должно быть что-то такое, что сможет зацепить в восприятии покупателя какой-нибудь его потаенный личный аспект — склонность, или выраженную преференцию, или что-то еще глубоко индивидуальное. Почему этим личным не может быть любовь к собакам в форме глубокой личной симпатии по отношению к ним? Такому человеку обязательно захочется погладить кибердога по «голове», почесать его за «ухом» (при наличии «головы» и «ушей» в конструкции) и т. п. Эти аспекты общения не имеют, конечно, никакого прагматического измерения, но зато они же бесспорно заключают в себе измерение эмоционально-эстетическое.

Проблема состоит в том, что это, по существу, есть вопрос не столько об обоснованности выбора формы, сколько о возможности универсализации и последующей импликации культурного образа в восприятие и сознание человека, а этот процесс, оказывается, парадоксальным образом мало зависит от возраста человека.

Исследователь сталкивается здесь с совершенно иной проблемой, которая значительно глубже, нежели преимущественно эстетическая по своему содержанию проблема обоснованности выбора анималистических преференций. «Киноцентрический» дискурс современного роботостроения [Банников, 2023] с точки зрения доминирования той или иной культурной семиотики, не исключаяющей и анималистические образы, вполне может быть спровоцирован, помимо проанализированных выше причин, также и неудовлетворенностью реципиента современного культурного процесса его традиционными образами, а вслед за ними также и преобладающей культурной аксиологией, поскольку внутри окружающего его культурного универсума он обнаруживает образы, которые лично для себя он определяет как более значимые. В то же время достигнутый уровень технологий внутри современной электронной культуры становится лишь инструментарием воплощения результатов этого культурного пересмотра в наиболее технически и технологически совершенной на данное время форме, имеющей отношение к самой действительности, что и воплощено в парадоксальном характере роботизации действительности и техники в целом.

Список источников

1. Лоренц К. Человек находит друга; Кольцо царя Соломона / пер. с англ. М.: Армада, 1995. 393 с.
2. Марек И. Собачья звезда Сириус, или Похвальное слово собаке / пер. с чеш. В. Петровой. М.: Радуга, 1988. 280 с.

3. Ивушкина Н. В. Концепт «собака» в английском и русском языках с лингвокультурологической точки зрения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4. С. 64–67.
4. Маругина Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. № 2. С. 11–30.
5. Яксяргин Л. М. Зооантропологический континуум в мире культуры: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2022. 182 с.
6. Иманбаева Ж. М. Роль техники в системе культуры // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 1 (49). С. 90–97. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.49.1.7>
7. Никашин А. К., Корчагин А. С. Разновидности шагающих роботов // Альманах «Крым». 2023. № 37. С. 101–105.
8. Хабаров А. С., Семенов С. Е., Ковальчук А. К., Вережкин А. А. Вопросы разработки и исследования четырехногого робота-собаки // Актуальные проблемы современной науки. 2016. № 2 (87). С. 287–298.
9. Гулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / пер. с англ. А. П. Исаевой; [науч. ред. Е. Ефимова]. 11-е изд., переработанное и дополненное. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 544 с.
10. Кузнецов А. А. Исследование технических особенностей социальных эмоций в робототехнике для социально сознательных роботов // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 12 (57). С. 372–375.
11. Шиллер А. В. Искажения и ошибки моделирования эмоций в искусственном интеллекте // Ценности и смыслы. 2020. № 5 (69). С. 93–107. <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10047>
12. Карташева А. А. Подходы к распознаванию эмоций в интеллектуальных системах // Технологос. 2020. № 2. С. 15–24. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.2.02>
13. Банников С. А. Мировые тренды роботизации и перспективы ее развития в России // BENEFICIUM. 2023. № 2 (47). С. 6–12. [https://doi.org/10.34680.BENEFICIUM.2023.2\(47\).6-12](https://doi.org/10.34680.BENEFICIUM.2023.2(47).6-12)

References

1. Lorenz, K. (1995). *Man finds a friend*. Armada. (In Russian).
2. Marek, I. (1988). *The dog star Sirius, or Eulogy for a dog*. Raduga. (In Russian).
3. Ivushkina, N. V. (2012). Concept of “dog” in English and Russian languages from linguo-culturological viewpoint. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 4, 64–67. (In Russian).
4. Marugina, N. I. (2009). The concept of “dog” as an element of the Russian linguistic picture of the world. *Language and Culture*, 2, 11–30. (In Russian).
5. Yaksyargin, L. M. (2022). *Zoanthropological continuum in the world of culture* (PhD dissertation, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. (In Russian). <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003056437?page=1&rotate=0&theme=white>
6. Imanbayeva, Zh. M. (2024). The role of technology in the cultural system. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (49), 90–97. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.49.1.7>
7. Nikashin, A. K., & Korchagin, A. S. (2023). Variety of walking robots. *Almanac Crimea*, 37, 101–105. (In Russian).

8. Khabarov, A. S., Semenov, S. E., Kovalchuk, A. K., & Vereikin, A. A. (2016). Issues of development and research of a four-legged robot dog. *Actual problems of modern science*, 2 (87), 287–298. (In Russian).
9. Goleman, D. (2021). Emotional intelligence. Why it can matter more than IQ? (11th ed., revised and expanded). Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian).
10. Kuznetsov, A. A. (2022). Research of technical features of social emotions in robotics for socially conscious robots. *Vestnik nauki*, 3 (12 (57)), 372–375. (In Russian).
11. Schiller, A. V. (2020). Biases and errors in AI's modeling of emotions. *Values and Meanings*, 5 (69), 93–107. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10047>
12. Kartasheva, A. A. (2020). Approaches to emotion recognition in intelligent systems. *Technologos*, 2, 15–24. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.2.02>
13. Bannikov, S. A. (2023). World trends in robotization and prospects for its development in Russia. *BENEFICIUM*, 2 (47), 6–12. (In Russian). [https://doi.org/10.34680.BENEFICIUM.2023.2\(47\).6-12](https://doi.org/10.34680.BENEFICIUM.2023.2(47).6-12)

Информация об авторах / Information about the authors:

Наталья Николаевна Плужникова — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Московский политехнический университет, Москва, Россия.

Natalya N. Pluzhnikova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia.

pluzhnikova@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

Наталья Ряфиковна Саенко — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Московский политехнический университет, Москва, Россия.

Natalya R. Saenko — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia.

rilke@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9422-064X>

Научно-теоретическая

УДК 32.019.52

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-48-62

КОГНИТИВНЫЕ (ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ) УСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Михаил Юрьевич Опенков

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия,

m.openkov@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1500-0401>

Николай Борисович Тетенков

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия,

tenibo@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4159-7419>

Аннотация. В условиях трансформации современной политики, характеризующихся отходом от традиционных основ международной политической жизни с одновременно развивающейся практикой опоры на эфемерные правила, а не на нормы международного права, а также в условиях господства в современной политике и в научных исследованиях политологической направленности идеи постмодернизма, опирающейся на парадигмальную установку толерантности в методологических основах, особую актуальность приобретает исследование когнитивных (парадигмальных) основ в современных политологических исследованиях тех процессов, которые развиваются как в условиях сохраняющегося критического отношения к традиционной ценностно ориентированной политической науки, так и при получающих все большую значимость исследованиях идеологической направленности.

В процессе анализа исследуемой информации авторы приходят к выводу о противоречивости научной ценности применения когнитивных (парадигмальных)

установок в современных политологических исследованиях и в исследовании проблематики, характерной для политико-философских исследований, поскольку когнитивно-парадигмальный подход зачастую не приводит к появлению объективного научного знания, но помогает выявить причины возникновения новых векторов в политических процессах.

Ключевые слова: научное познание, познавательные установки, когнитивные (парадигмальные) установки, парадигма, политология, политическая философия

Для цитирования: Опенков М. Ю., Тетенков Н. Б. Когнитивные (парадигмальные) установки в современных политологических исследованиях // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 48–62. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-48-62>

Scientific and theoretical article

UDC 32.019.52

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-48-62

COGNITIVE (PARADIGMATIC) ATTITUDES IN MODERN POLITICAL SCIENCE RESEARCH

Mikhail Yu. Openkov

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
m.openkov@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1500-0401>

Nikolay B. Tetenkov

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
tenibo@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4159-7419>

Abstract. In the context of the transformation of modern politics, characterized by a departure from the traditional foundations of international political life with a simultaneously developing practice of relying on ephemeral “rules” rather than norms of international law, as well as in the conditions of domination in modern politics and in scientific research of the political orientation of the idea of postmodernism, based on the paradigmatic attitude of tolerance in methodological foundations, it acquires special relevance the study of cognitive (paradigmatic) foundations in modern political science studies of those processes, which are developing both in the context of a continuing critical attitude towards traditional value-oriented political science, and with ideological research becoming increasingly important.

In the process of analyzing the information under study, the author comes to the conclusion about the inconsistency of the scientific value of the application of cognitive (paradigm) attitudes in modern political science research and in the study of issues characteristic of political and philosophical research, since the cognitive-paradigm approach often does not lead to the emergence of objective scientific knowledge, but helps to identify the causes of the emergence of new vectors in political processes.

Keywords: scientific cognition, cognitive attitudes, cognitive (paradigmatic) attitudes, paradigm, political science, political philosophy

For citation: Openkov, M. Yu., & Tetenkov, N. B. Cognitive (paradigmatic) attitudes in modern political science research. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 48–62. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-48-62>

Введение

В современных политологических исследованиях в целях придания им научной обусловленности, объективизации выводов и научности прогнозирования активно применяются методы и научный инструментарий комплекса философских и социальных наук, что усложняет методологию научного исследования проблематики политологической направленности, его предмет, но в то же время использование комплексного подхода как основы научно-познавательной деятельности позволяет получить более объективное знание, нежели в рамках отраслевого познания. Как отмечают Т. А. Бондаренко и В. С. Власова, в научно-познавательной деятельности необходимо совпадение двух условий: «...во-первых, знаний основных принципов фундаментальной теории и, во-вторых, владения системой познавательных установок» [Бондаренко, Власова, 2021, с. 29].

Целью исследования является изучение научно-философских основ современных политологических исследований, основывающихся на применении когнитивного (парадигмального) подхода к научному познанию социальных и политических явлений и процессов, возможностей расширения практики применения когнитивных установок при научном познании проблематики политико-философского характера.

Методы / методологические основания

Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход к научно-познавательной деятельности, основанный на сочетании применения общенаучных методов, таких как методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации научных источников по проблеме исследования, а также методы, применяемые при исследовании проблем философской и политологической направленности: системно-структурный, функциональный методы, методы классического философского и политологического исследования, ретроспективный метод и метод дискурс-анализа.

Результаты

Парадигмальный подход к исследованию проблематики политологической направленности сложился в мировой науке достаточно давно, однако только на рубеже XX–XXI веков сформировались концептуальные основы понимания

применения философско-теоретической базы в политологических исследованиях, построенных в рамках определенной идеологической направленности. В это же время складывается и концепция мультипарадигмальных исследований, предполагающих возможность концептуального анализа целой совокупности подходов, опирающихся на различные по своей сущности и идейной направленности парадигмы, но подлежащих исследованию в комплексе, как это утверждает канадский ученый У. Кимлика в предисловии ко второму изданию своей монографии [Kymlicka, 2000, с. 12].

Согласно признанной концепции систематизации развития политической науки в настоящее время мы переживаем третий период ее эволюции, который принято обозначать как постнеклассический, характеризующийся господством идеи постмодернизма с его парадигмальной толерантностью¹. Однако целый ряд политических событий, произошедших в последнее десятилетие, нашедших отражение и в научных работах политологической направленности, свидетельствует о невозможности безапелляционного утверждения господства парадигмальной толерантности не только в политической жизни, но и в научных концепциях, посредством которых делаются попытки обоснования новых явлений политической жизни как в рамках политологических дискурсов, так и в открытой полемике, возобновляющей традиции холодной войны, не стремящейся к поиску определенных точек соприкосновения, компромиссов.

Процесс изучения методологических подходов в исследованиях политико-философского и политологического характера в последние годы получил дальнейшее развитие и в монографии, изданной в 2019 году. Авторы указанной работы рассматривают уже более тридцати методологических концепций, применяемых в политологических исследованиях, и делают вывод о практической ценности всех подходов к научному познанию [Современная политическая наука, 2019, с. 3].

Парадокс когнитивного подхода в современной политической философии и политологии начиная с 1990-х годов и по настоящее время состоит в идеологизации научных исследований на фоне прекращения противостояния двух ключевых политических и экономических систем, а в последние несколько лет идеологизация исследований в области политической философии только усиливается. И. В. Мельникова отмечает, что «известность приобретают не только идеологизированные концепции таких авторов, как, например, Амитай Этциони, Ноам Хомский, но и философские работы, осмысливающие политические процессы: Ричарда Рорти, Брайана Бэрри, Норберто Боббио, Роберта Гудина» [Мельникова, 2017, с. 226].

Следует также согласиться с мнением Ю. А. Кимелева, утверждающего, что в современной политической философии происходит трансформация ключевых методологических основ: размежевание аналитико-рациональной

¹ Жуковский А. Г. Современные парадигмы политологического исследования: модели взаимодействия: автореф. ... д-ра полит. наук. Ростов на/Д, 2011. С. 3.

диагностической и нормативной составляющих [Кимелев, 2021, с. 11] — на фоне признания связи политической идеи и морали как личностного восприятия исследователем философских основ политических явлений и процессов, что можно оценить как свободу выбора парадигмы научного познания. Однако так ли свободен исследователь в выборе парадигмы своей научной деятельности?

Когнитивные установки в научном познании объектов политической реальности отечественными исследователями рассматриваются как элемент мультипарадигмального подхода к изучению течений политической мысли [Русакова, 2009, с. 204], т. е. применяются в целях поиска основ выбора отдельным автором или группой авторов направленности изложения собственного видения политических процессов, их оценке. Следовательно, именно выявление когнитивных установок автора позволяет оценить степень его свободы в познавательной деятельности и, наоборот, степень влияния на направленность познавательной деятельности и оценочную функцию при анализе исследователем явлений политической жизни.

Если мы сталкиваемся с независимым исследователем, т. е. автором, изучающим политическую жизнь общества самостоятельно, на основе поиска объективного знания, не зависящего от установок работодателя, политических кругов, заказчика, результат его работы будет лишен идеологием, принятых в обществе установок в понимании определенных явлений политической жизни, подчиненности самой исследовательской деятельности целеполаганию, характерному для официально признанных мировоззренческих установок, принятых в обществе и политической жизни «правил» как эфемерной совокупности признанных правящими элитами образцов поведения, не имеющих нормативного закрепления.

Следует признать, что и независимый исследователь, самостоятельно формирующий свои когнитивные установки в научной познавательной деятельности, не является нейтральным в познании объектов политической реальности, поскольку его деятельность осуществляется в рамках социогуманитарной сферы, где, по утверждению А. В. Жукоцкой, невозможно получить ценностно-нейтральное знание [Жукоцкая, 2021, с. 91].

Исследователь, находящийся под давлением перечисленных выше факторов, не в состоянии самостоятельно формулировать в своей исследовательской деятельности когнитивные установки как основу научного творчества, поскольку для него эти факторы приобретают объективный характер, несмотря на то что изначально в процессе формирования факторы, влияющие на выбор когнитивной установки, имели субъективный характер, поскольку формулировались политиками и общественными деятелями, преследующими определенные цели, обозначенные как политические. Указанную трансформацию, характерную для многих современных политологических исследований, можно рассматривать и в рамках концепции политизации самой науки, когда ученый, перед которым не стоит задача прийти во власть, своими научными

разработками способствует закреплению во власти определенного круга политиков, утверждению в массовом сознании правильности определенных идеологем [Масланов, 2021, с. 52], причем эти явления становятся уже характерными не только для авторитарных и тоталитарных моделей, как утверждают некоторые российские исследователи [Порус, Бажанов, 2021, с. 28], этот процесс характерен уже и для демократических, в условно западном понимании, государственно организованных обществ.

Зарубежные исследователи признают, что некоторые когнитивные установки уже объективного свойства могут влиять на выбор исследователем направленности своего научного творчества даже в демократическом обществе, а в качестве примера часто приводится эволюция роли экологических учений от простого понимания необходимости защиты благоприятной окружающей среды к комплексу идей уже философского содержания категории «благоприятная среда», что приводит к определенным ограничениям в экономической и социальной жизни, а сам комплекс экологических постулатов становится политической программой, направленной на ограничение прав и свобод [Carayannis, 2021, с. 14]. В качестве еще одного примера можно привести получившую популярность концепцию существования гражданской науки, строящейся на понимании взаимовлияния общества и науки, что должно предполагать открытость научного знания и механизма его появления, а также оценочную деятельность общественных институтов в понимании результатов научного познания [Peters, Besley, 2019, с. 1301–1302]. Опираясь на приведенное понимание роли научного знания, можно сделать вывод о зависимости когнитивных установок современного исследователя явлений и процессов политической жизни от оценки со стороны общества практической полезности полученного научного знания, что также можно рассматривать как фактор влияния на направленность научных исследований: то, что не имеет ценности для общественных институтов, влияющих на процесс получения научного знания, противоречит его мировоззренческим установкам, не имеет права на существование.

Таким образом, свобода выбора когнитивной установки в политологическом исследовании далеко не всегда зависит от того типа политического режима, в рамках которого развивается научное знание. Конечно, в условиях демократии исследователь более свободен и не в той степени зависим от объективных факторов, влияющих на свободу его научного творчества, прежде всего в предметной сфере, однако и в условиях демократии политические круги могут таким образом формировать мировоззренческие установки, что это будет влиять и на направленность научного творчества отдельного исследователя.

Хотя, если воспользоваться понятием постдемократии как научной категорией, характеризующей современное состояние общественно-политических связей и отношений в тех странах, которые провозглашают приверженность демократическому политическому режиму [Крауч, 2023, с. 16–17], ментальные ограничения при выборе исследователем когнитивной установки в рамках

научного творчества становятся понятны: обществом будут приняты только те результаты научного творчества, которые вписываются в общее понимание сущности и содержания политических процессов.

Парадигмальный подход к определению ключевых установок политологических исследований позволяет выявить не только философские основы концептуальных идей, представленных в исследовании, но и направленность философско-политической мысли автора при исследовании отдельных институтов и научных категорий политической и социальной философии. Так, например, отечественные исследователи применяют парадигмальный подход при изучении современного состояния методологических основ изучения политической культуры, не указывая при этом когнитивный (парадигмальный) подход как методологическую основу современных концепций изучения феномена политической культуры [Припечкин, Балахонский, 2019, с. 97–99]. В то же время при характеристике либерально-демократического подхода к исследованию феномена современной политической культуры фактически признается значимость изучения психологизированного концепта в эволюции политической культуры, т. е. идеи, предложенной Р. Инглхартom [Припечкин, Балахонский, 2019, с. 113], что, несомненно, является признанием значимости когнитивных установок в современных исследованиях категорий политической философии.

Практически до настоящего времени парадигмальный подход в политологических исследованиях применяется весьма ограниченно, что вызвано господством традиционной методологии научного познания в рассматриваемой сфере и подвергается справедливой критике с предложением развития методологической базы с привлечением методов и подходов, применяемых в отдельных сферах научного познания, связанных с политической философией [Тульчинский, 2019].

Одной из парадигм современной политической философии принято считать «этико-политический комплекс идей, связанных с концептом толерантности» [Гуторов, 22, с. 12]. Однако когнитивная установка толерантности в современных либеральных демократиях постоянно сталкивается с проблемой нетерпимости, что находит выражение и в политической философии, а сама нетерпимость рассматривается зарубежными исследователями, например М. Эйзенштейн, как глобальная угроза либеральной демократии [Eisenstein, 2008, с. 6]. Анализируя политические метаморфозы, произошедшие в массовом сознании и в среде политических лидеров стран условного Запада относительно восприятия не только политических лидеров России, но и всего российского общества после событий февраля 2022 года, проблема нетерпимости не рассматривалась политологами и философами данных стран в качестве угрозы толерантности как основному направлению философско-политического научного понимания либеральных ценностей.

Когнитивная установка толерантности в политической философии и в политологических исследованиях предполагает тесное взаимодействие с идеями

не только политической философии, но и политической этики, что оставляет мало места для ее применения [Heyd, 2021, с. 64], да и политическая этика в той же степени, что и мораль, признается в современных когнитивных установках зачастую не коррелирующей с самой категорией политики². Аналогичные идеи можно увидеть в работах целого ряда зарубежных исследователей, например в работе Р. Т. Витенберг о психологии толерантности [Witenberg, 2019, с. 4].

Следует также признать, что любая из когнитивных (парадигмальных) установок как основа политологического исследования должна рассматриваться как установка, построенная на субъективном восприятии автором объективной реальности, что зачастую приводит к умалению роли научности в политологическом исследовании, к исследованию субъективных факторов в политической жизни, к умалению значимости факторов объективного характера, а в совокупности с концепцией универсального плюрализма³, характерной для многих современных политологических исследований, такой подход и приводит к формированию знания, не построенного на принципах объективности и научности.

При выборе когнитивной установки в качестве методологической основы политологического исследования особое значение получает эмпирическое исследование, что весьма характерно для современных политологических исследователей Европы. Так, например, в работе Ф. Майер и А. Бехтигера выводы о границах принятия поведения демонстрантов делаются на основе опросов общественного мнения с тремя сотнями респондентов, а на основе полученной информации делается вывод об отношении жителей Германии к политическим беспорядкам, с которыми все чаще сталкивается немецкое общество на массовых мероприятиях политической направленности, а основной характерной особенностью определяется растущий скептицизм относительно прав мигрантов, причем авторы признаются, что сознательно строили свой опрос таким образом, что фактически предопределяли ответы респондентов [Maier, Baechtiger, 2024, с. 498–499]. Таким образом, заранее определенная когнитивная установка предопределила и результаты исследования, которое нельзя характеризовать как научное, поскольку строится оно исключительно на эмпирическом знании, полученном при изучении спонтанно определенной референтной группы, совершенно незначительной для изучения общественного мнения и социальных настроений жителей Германии.

Аналогичный подход можно увидеть и при применении когнитивных установок для научного познания более сложных политических явлений, как это делает, например, Л. Янссен при исследовании психологических процессов, проходящих в странах победившей и проигравшей партий в политической борьбе за избирателя, исходя из начальной посылки значимости признания

² Шишкин Д. А. Развитие политической этики на современном этапе: автореф. ... канд. филос. наук. Шуя, 2009. С. 9.

³ Жуковский А. Г. Указ. соч. С. 41–43.

факта поражения в политической борьбе для стабильности демократии. Автор также строит свои выводы, во-первых, исходя из заранее определенной идеи, во-вторых, опираясь на исследование весьма незначительного числа результатов выборов в Великобритании в 2015 и 2019 годах [Janssen, 2024, с. 455].

Приведенные примеры современных зарубежных исследований политологического характера показывают несовершенство методологии, построенной на когнитивной установке, поскольку авторы, используя минимум информации о предмете исследования, делают выводы, полностью соответствующие начальным установкам.

Следует согласиться с тем, что когнитивные установки применимы в исследованиях, предметом которых выступает политическая конфликтология, поскольку позволяет применить рассматриваемую методологию в рамках изучения не только объективных, но и субъективных факторов, влияющих на генезис политического процесса, причем в политической истории такой подход позволяет получить позитивное знание, что, впрочем, не является гарантией от неверных или необъективных выводов. Так, например, в исследовании М. М. Груничева, предметом которого стало изучение причин и следствий наиболее значимых социально-политических конфликтов в современной истории России. Однако результатом стало подтверждение начальной установки: социально-политические конфликты в истории современной России характеризуются как реакционные, поскольку власть не получает зависимости от общества, не опирается на обратную связь, а только делает более понятными основные парадигмы развития общественных отношений [Груничев, 2021, с. 6], что само по себе весьма дискуссионно, но в полной мере соответствует той установке, которую изначально автор для себя определил.

Когнитивный подход применим и в изучении психологических аспектов, связанных с политическим поведением индивида, формированием массового сознания, формированием индивидуальной концепции политического поведения, особенно в отношении субъектов, активно пользующихся сетевыми ресурсами, которые могут оказывать определяющее воздействие на оценочную функцию, что и объясняет направленность восприятия личностью ценностей участия в политической жизни, что обусловлено «ускорением социальной и политической жизни, медиатизацией политики, цифровизацией и прогрессирующей демократизацией коммуникативных процессов» [Константинов, 2022, с. 91].

Дискуссионные вопросы

Ключевым дискуссионным вопросом исследуемой темы является само использование термина «когнитивные (парадигмальные) установки» в научном познании, поскольку для отечественных исследований философской и гуманитарной направленности более традиционным является применение термина

«познавательные установки», а критика применения нового термина опирается на более широкое содержание и сохраняющуюся дискуссионность понимания сущности относительно новой научной категории. Несмотря на множественность методологических подходов в исследовании парадигмальных установок в различных сферах научного познания в целом, что характерно для российской науки, методологические установки и система методов научных исследований остаются прежними, что может в итоге поставить под сомнение и само направление когнитивных исследований [Максимов, 2013, с. 23].

Исследования отечественных авторов, предметом научных изысканий которых становятся вопросы, связанные с систематизацией методологий научного познания явлений и процессов политической жизни и концепций политического развития, часто находятся в рамках эволюционного понимания развития методологии, когда осуществляется привязка определенных методов научного познания к определенным этапам развития науки. Применение же парадигмального подхода к научным изысканиям в рамках предмета политической философии позволяет утверждать, что многие методологические подходы, характерные для различных этапов научного познания, приобретают новую значимость в современных политологических исследованиях, что ставит под сомнение принцип сменяемости методологий научного познания в сфере политологических исследований, поскольку мы сталкиваемся и с ценностно ориентированным, и с идеологическим, и с неопозитивистским, и с иными подходами к пониманию явлений и процессов в политологических исследованиях, которые, исходя из классификаций методологий, представленных в отечественной науке, были характерны для предыдущих периодов развития науки, но применяются в политологических исследованиях, что вызвано рядом факторов объективного и субъективного свойства, рассмотренных выше.

Дискуссионной следует признать и проблему ценностного определения политики при применении когнитивного подхода как методологии научного познания, поскольку именно в рамках политико-психологических исследований политические ценности выступают «идеологическим концептом» [Селезнева, 2019, с. 178], а результатом становятся выводы о степени совершенства той или иной политической идеологии. Данному выводу не противоречит и методология мультипарадигмального подхода к изучению политических процессов, поскольку в рамках каждой парадигмы также формируется оценка практической ценности определенного направления осуществления политической деятельности. Если исследователем применяется комплексный подход к изучению феноменов политической жизни, политических взглядов, политологических концепций, то в целях достижения научности полученного знания ценностный подход, если и применяется, то только в рамках подведения итогов научно-познавательной деятельности, что объясняется тем, что в рамках политико-психологического исследования специалист получает более субъективное, нежели объективное знание.

Заключение

Характерный для исследований в области политической философии и политологии оптимизм в отношении понимания возможности конвергенции основных парадигмальных подходов к пониманию сущности политических явлений и процессов, что было характерно для науки XX–XXI веков, причем в той же степени, что и противопоставление и взаимное исключение парадигм научного познания в сфере политологических исследований в предшествующий период развития научных представлений о политической жизни общества, в настоящее время мы вновь сталкиваемся с противопоставлением когнитивных (парадигмальных) установок с противоречащими друг другу идеологемами, но уже идеологемами иного рода, нежели это было характерно для науки XX века: идеологемы современности уже не строятся на дихотомии глобального масштаба (коммунистическая (социалистическая) идеология – капиталистическая идеология; противопоставление способов производства и т. д.). Теперь это идеологемы гораздо более сложные и по своему содержанию, и по структуре: они, как правило, имеют комплексный характер, включают в себя противоречивые начала, которые ранее никак не применялись в едином комплексе.

Ценность когнитивного (парадигмального) подхода к научному познанию явлений и процессов в рамках политологических исследований и исследований в области политической философии состоит в плюрализме методологических установок, что позволяет в полной мере выявить не только закономерности, но и ментальные основы тех политических процессов, которые характерны для современной политической жизни как отдельных государств, так и мирового сообщества, а также понять, какие цели ставит перед собой автор политологического исследования, на какие философские установки он опирается.

Когнитивные установки в познании явлений политической действительности позволяют выявить ценностные ориентиры политиков, отраженные в различных концептуальных актах, составляющих основу национальной политики государств и межгосударственных объединений, что доказывает тот факт, что ценностно ориентированные исследования политико-философской направленности не утратили актуальности даже в условиях современного состояния науки политической философии.

Когнитивный (парадигмальный) подход ценен в исследовании политологической проблематики, связанной с поиском причин принятия политическими лидерами определенных решений, с исследованием феномена политической культуры, политической этики, но он не дает целостного объективного знания при комплексном исследовании явлений политической жизни и политических процессов, поэтому и остается в научной литературе дискуссионным вопрос о возможности применения когнитивных установок как самостоятельной методологии научного исследования. В то же время посредством изменения парадигмальных установок можно более оперативно, чем с использованием

традиционных методологических подходов, давать научную оценку тем процессам политической жизни, которые в определенные промежутки времени начинают развиваться настолько быстро, что возникает острая необходимость в научном анализе их динамики.

Список источников

1. Бондаренко Т. А., Власова В. С. Когнитивные установки как методологический каркас научного познания // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021. Т. 17. № 4 (26). С. 29–36. <https://doi.org/10.34708/GSTOU.2021.57.65.005>
2. Kymlicka W. Contemporary political philosophy: An introduction. 2nd ed. Oxford University Press, 2000. 497 p.
3. Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2019. 773 с.
4. Мельникова И. В. Условия возникновения, ключевые этапы развития и основные представители современной западной политической философии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 219–227. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.219-227>
5. Кимелев Ю. А. Западная политическая философия в конце XX – начале XXI века: аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2021. 100 с.
6. Русакова О. Ф. Современные трактовки предметной области политической философии: методологический анализ // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 203–229.
7. Жукоцкая А. В. Размышления о современной гуманитаристике // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2021. № 1 (41). С. 89–99. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2021.41.1.11>
8. Масланов Е. В. Может ли наука, не борясь за власть, быть политическим субъектом? // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 44–56. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-44-56>
9. Порус В. Н., Бажанов В. А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политического знания // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 15–33. <https://doi.org/10.17323/2597-2021-4-15-33>
10. Carayannis E. G., Campbell D. F. J., Grigoroudis E. Democracy and the environment: How political freedom is linked with environmental sustainability // Sustainability. 2021. Vol. 13. 5522. P. 1–15. <https://doi.org/10.3390/su13105522>
11. Peters M. A., Besley T. Citizen science and post-normal science in a post-truth era: Democratising knowledge; socialising responsibility // Educational Philosophy and Theory. 2019. Vol. 51. P. 1293–1303. <https://doi.org/10.1080/00131859.2019.1577036>
12. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М.: ИД Высшей школы экономики, 2023. 192 с.
13. Припечкин В. В., Балахонский В. В. Современные концепции политической культуры: проблемы генезиса, развития и гносеолого-методологических оснований: монография / под науч. ред. А. А. Лугового. СПб.: Астерион, 2019. 160 с.
14. Тульчинский Г. Л. Три нарратива политической науки: перспективы междисциплинарности политических исследований // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 2. С. 174–200. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.202>

15. Гуторов В. А. Современные концепции толерантности: философские и политико-теологические аспекты (опыт дискурсивной аналитики) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 1. С. 11–24. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2022.23.1.001>
16. Eisenstein M. Religion and politics of tolerance: How christianity builds democracy. Waco, Texas: Baylor University Press, 2008. 195 p.
17. Heyd D. What toleration is not // The Palgrave handbook of toleration / ed. by Mitja Sardoc. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. P. 53–71.
18. Witenberg R. T. The psychology of tolerance: Conception and development. Singapore: Springer, 2019. 100 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-3789-5>
19. Maier F., Baechtiger F. Reflecting on the boundaries of the demos: A virtual deliberative experiment with German citizens // European Journal of Political Research. 2024. Vol. 63. № 4. P. 498–519. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12629>
20. Janssen L. Sweet victory, bitter defeat: The amplifying effects of affective and perceived ideological polarization on the winner — loser gap in political support // European Journal of Political Research. 2024. Vol. 63. № 4. P. 455–477. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12625>
21. Груничев М. М. Когнитивные аспекты трансформации российской политической мысли в условиях социально-политических конфликтов // Потитконсультант. 2021. Т. 1. № 1. <https://politicjournal.ru/PDF/04PK121.pdf>
22. Константинов М. С. Когнитивный подход к исследованию политических идеологий // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-5-1122>
23. Максимов Л. В. Когнитивная наука: новая жизнь старых парадигм // Философская мысль. 2017. № 11. С. 11–24. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2017.11.24657>
24. Селезнева А. В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>

References

1. Bondarenko, T. A., & Vlasova, V. S. (2021). Cognitive installations as a methodological framework of scientific knowledge. *Herald of GSTOU. Humanitarian, social and economic sciences*, 17 (4 (26)), 29–36. (In Russian). <https://doi.org/10.34708/GSTOU.2021.57.65.005>
2. Kymlicka, W. (2000). *Contemporary political philosophy: An introduction* (2nd ed.). Oxford University Press.
3. Gaman-Golutvin, O. V., & Nikitin, A. I. (Eds.). (2019). *Contemporary political science: Methodology* (2nd ed., revised and expanded). Aspect Press. (In Russian).
4. Melnikova, I. V. (2017). Conditions of emergence, key stages of development and main representatives of modern western political philosophy. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 4 (16), 219–227. (In Russian). <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.219-227>
5. Kimelev, Yu. A. (2021). *Western political philosophy at the end of the XX – beginning of the XXI century: an analytical review*. INION RAS. (In Russian).
6. Rusakova, O. F. (2009). Modern interpretations of the subject area of political philosophy: methodological analysis. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 9, 203–229. (In Russian).

7. Zhukotskaya, A. V. (2021). Reflections on modern humanitarians. *MCU Journal of Historical Studies*, 1 (41), 89–99. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2021.41.1.11>
8. Maslanov, Ye. V. (2021). Can science be a political agent without a race for power? *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 5 (4), 44–56. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-44-56>
9. Porus, V. N., & Bazhanov, V. A. (2021). Post-normal science: Passing the Scylla of uncertainty and the Charybdis of the politicization of knowledge. *Philosophy: Journal of the Higher School of Economics*, 5 (4), 15–33. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2597-2021-4-15-33>
10. Carayannis, E. G., Campbell, D. F. J., & Grigoroudis, E. (2021). Democracy and the environment: How political freedom is linked with environmental sustainability. *Sustainability*, 13, 5522. <https://doi.org/10.3390/su13105522>
11. Peters, M. A., & Besley, T. (2019). Citizen science and post-normal science in a post-truth era: Democratising knowledge; socialising responsibility. *Educational Philosophy and Theory*, 51, 1293–1303. <https://doi.org/10.1080/00131859.2019.1577036>
12. Crouch, K. (2023). *Post-democracy*. HSE Publishing House. (In Russian).
13. Pripechkin, V. V., & Balakhonsky, V. V. (2019). *Modern concepts of political culture: problems of genesis, development and epistemological and methodological foundations: monograph*. Asterion. (In Russian).
14. Tulchinskii, G. L. (2019). Three narratives of political science: perspectives of interdisciplinary political studies. *Political Expertise: POLITEX*, 15 (2), 174–200. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.202>
15. Gutorov, V. A. (2022). Modern concepts of tolerance: philosophical and politico-theological aspects (an experience of discursive analytics). *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 23 (1), 11–24. (In Russian). <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2022.23.1.001>
16. Eisenstein, M. (2008). *Religion and politics of tolerance: How christianity builds democracy*. Baylor University Press.
17. Heyd, D. (2021). What toleration is not. In M. Sardoc (Ed.), *The Palgrave handbook of toleration* (pp. 53–71). Palgrave Macmillan.
18. Witenberg, R. T. (2019). *The psychology of tolerance: Conception and development*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-3789-5>
19. Maier, F., & Baechtiger, F. (2024). Reflecting on the boundaries of the demos: A virtual deliberative experiment with German citizens. *European Journal of Political Research*, 63 (4), 498–519. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12629>
20. Janssen, L. (2024). Sweet victory, bitter defeat: The amplifying effects of affective and perceived ideological polarization on the winner – loser gap in political support. *European Journal of Political Research*, 63 (4), 455–477. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12625>
21. Grunichev, M. M. (2021). Cognitive aspects of the transformation of Russian political thought in conditions of socio-political conflicts. *Political Science and Technology*, 1 (1), 04PK121. (In Russian). <https://politicjournal.ru/PDF/04PK121.pdf>
22. Konstantinov, M. S. (2022). Cognitive approach to the study of political ideologies. *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)*, 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-5-1122>
23. Maximov, L. V. (2017). Cognitive science: a new life of old paradigms. *Philosophical Thought*, 11, 11–24. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2017.11.24657>

24. Selezneva, A. V. (2019). Conceptual and methodological foundations of the political and psychological analysis of political values *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 49, 177–192. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>

Информация об авторах / Information about the authors:

Михаил Юрьевич Опенков — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

Mikhail Yu. Openkov — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

m.openkov@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1500-0401>

Николай Борисович Тетенков — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

Nikolay B. Tetenkov — PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

tenibo@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4159-741>

Научно-теоретическая статья

УДК 101

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-63-77

ФИЛОСОФИЯ И МОЗГ. МЕЖПОЛУШАРНАЯ АСИММЕТРИЯ МОЗГА В ОНТОЛОГИИ, ГНОСЕОЛОГИИ И ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

Дмитрий Христофорович Шишков

Костромская государственная сельскохозяйственная академия,

Кострома, Россия,

schischkov2010@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2081-6253>

Елена Юрьевна Волкова

Костромской государственный университет,

Кострома, Россия,

v-0-8@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Владислав Александрович Колесников

Костромская государственная сельскохозяйственная академия,

Кострома, Россия,

vladkoles95@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6928-9605>

Аннотация. Цель данной работы — показать значение и специфическую роль обоих полушарий мозга в различных отраслях философского знания. Анализируется функциональная асимметрия полушарий мозга в онтологии, гносеологии и прикладной философии. Показана роль правого и левого полушарий в диалектическом и метафизическом (антидиалектическом) мышлении на примере основных законов и категорий диалектики. В работе представлено то, как формируется целостная картина мира и обосновывается тезис о том, что из всех наук именно в философии используется наиболее эффективная организация работы обоих полушарий мозга.

Ключевые слова: философия, целостная картина мира, большие полушария мозга, функциональная асимметрия мозга, диалектика, диалектический метод, метафизика

Для цитирования: Шишков Д. Х., Волкова Е. Ю., Колесников В. А. Философия и мозг. Межполушарная асимметрия мозга в онтологии, гносеологии и прикладной философии // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 63–77. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-63-77>

Scientific and theoretical article

UDC 101

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-63-77

PHILOSOPHY AND THE BRAIN. HEMISPHERIC ASYMMETRY OF THE BRAIN IN ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, AND APPLIED PHILOSOPHY

Dmitry Kh. Shishkov

Kostroma State Agricultural Academy,
Kostroma, Russia,
schischkov2010@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2081-6253>

Elena Yu. Volkova

Kostroma State University,
Kostroma, Russia,
v-0-8@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Vladislav A. Kolesnikov

Kostroma State Agricultural Academy,
Kostroma, Russia,
vladkoles95@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6928-9605>

Abstract. The article aims at showing the significance and specific role of both hemispheres of the brain in various branches of philosophical knowledge. The functional asymmetry of the cerebral hemispheres in ontology, epistemology and applied philosophy is analyzed. The role of the right and left hemispheres in dialectical and metaphysical (anti-dialectical) thinking is shown on the example of the main and categories of dialectics. The article presents how a holistic picture of the world is formed and substantiates the thesis that of all sciences, it is in philosophy that the most effective organization of the work of both hemispheres of the brain is used.

Keywords: philosophy, holistic picture of the world, cerebral hemispheres, dialectics, dialectical method, metaphysics

For citation: Shishkov, D. Kh., Volkova, E. Yu., & Kolesnikov, V. A. Philosophy and the brain. Hemispheric asymmetry of the brain in ontology, epistemology, and applied philosophy. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 63–77. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-63-77>

Введение

Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) как-то заметил, что если спросить десять математиков, что такое математика, то все десять математиков дадут примерно одно и то же определение математики. Если же мы спросим у десяти философов, что такое философия, то получим

от них настолько разные ответы, что практически невозможно их будет свести к какому-то одному общему определению [Виндельбанд, 1995, с. 22].

Цель нашего исследования — показать, что самый главный аргумент в пользу значения философии как науки наук — это специфика функционирования наших больших полушарий мозга. В данной работе мы попытались продемонстрировать, что философия — это наука, в которой работа наших обоих полушарий, правого и левого, организована наиболее эффективным образом.

Материалы и методы исследования

При исследовании функционирования мозга применяют самые разные методы. Из них можно выделить три как основные, а именно: электрический, химический и томографию на основе позитронной эмиссии и магнитного резонанса.

Электрический метод исследования сводится к тому, что на голову человека накладываются электроды, через которые подается электрический ток. При подаче слабого тока в несколько вольт в мозг происходит активация того или иного участка коры больших полушарий. При подаче же более сильного тока, напряжением до 100 вольт, происходит его отключение, т. е. инактивация этого участка, что можно сравнить со срабатыванием защиты в электрической цепи. Всем хорошо знакомо выбивание пробок на счетчике при повышении напряжения. Эти электроды на голове можно расположить таким образом, чтобы можно было инактивировать только одно полушарие, а второе при этом осталось бы работающим [Сергеев, 2010, с. 105].

Химический способ исследования по сути аналогичен электрическому. Только вместо подачи тока к коре больших полушарий применяются различные химические вещества. В зависимости от того, какое именно вещество применяется и его дозировки, можно добиться аналогичного эффекта, т. е. активации или инактивации того или иного участка мозга. Разновидностью химического метода исследования является также и так называемый тест Вада [Реброва, Чернышева, 2004, с. 28].

В 1990-е годы появился *третий метод исследования мозга* с помощью МРТ. Этот метод позволяет на дисплее компьютера в режиме реального времени отслеживать, какая именно часть мозга является задействованной при решении мозгом той или иной задачи [Пиз А., Пиз Б., 2014, с. 74–75].

Теперь перейдем к тому, что касается главного, — к самому содержанию исследования и его *результатам*.

Выделим наиболее существенные моменты, которые имеют отношение к рассматриваемой нами теме.

1. Каждое из полушарий мозга обладает своим отдельным сознанием и мыслит автономно друг от друга, т. е. сознание каждого человека внутренне «раздвоено». То, что мы осознаем как сознание, — это одно из полушарий берет на себя роль главного, ведущего.

2. Левое полушарие — это логика, математика, речевой центр. Левое полушарие решает любую задачу от начала до конца, последовательно выполняя все промежуточные действия, не пропуская ничего. Главное преимущество левого полушария — это точность, четкость и ясность. Обратной стороной является то, что это долго и громоздко. Если левое полушарие сталкивается с нехваткой вводных данных или обрывом логической цепочки, то оно, подобно компьютеру, просто «зависает», будучи не в состоянии решить поставленную задачу.

3. Правое полушарие — это все чувства, эмоции, образы, ассоциации, интуиция. Правое полушарие при решении задач не следует какой-то логико-математической модели, оно не решает задачу от начала до конца, выполняя все промежуточные действия. Оно способно сразу выдавать готовый результат, полагаясь на интуицию и некое внутреннее чувство. Вместо последовательных и причинно-следственных связей (как в случае с левым полушарием) для правого полушария более существенными оказываются ассоциативные, символические или даже случайные связи. Главное его достоинство — это быстрое действие и скорость в обработке информации, которое намного превышает скорость и быстрое действие левого полушария. Кроме того, правое полушарие не «зависает» в принципе, как левое полушарие (и как его менее совершенный аналог — компьютер). Для правого полушария не имеют никакого значения нехватка вводных данных или обрыв логической цепочки. Правое полушарие дает скорее приблизительные или примерные варианты решения задачи. Здесь речь может идти о вероятностном подходе.

4. За чтение и письмо ответственно левое полушарие. Но только в том случае, если это алфавитная система письма, как во всех европейских языках. При иероглифической системе письма (как в китайском или японском) задействовано правое полушарие. Дело в том, что иероглифическое письмо представляет собой схематизированный рисунок, картину, некий образ.

Восприятие картин и зрительных образов правым и левым полушарием рассмотрим более подробно на двух примерах. Что получится, если, например, одну и ту же картину показать двум разным людям, у которых инактивировано одно из полушарий?

Пример первый. Если им обоим показать картину в стиле итальянского художника Джозеппе Арчимбольдо (1526 или 1527–1593), то что получится? Его картины, например портреты, выполнены в виде необычного сочетания разных овощей, фруктов, растений, животных, книг, банок и т. д. Эксперименты показали, что человек с рабочим левым полушарием, но с инактивированным правым, способен увидеть только сами единичные предметы, но портрета он не увидит. Человек с рабочим правым, но с инактивированным левым полушарием, видит при этом портрет [Кин, 2015, с. 344–345]. Для большей ясности ниже мы приведем в качестве примера портреты работы Арчимбольдо (рис. 1, 2).

Источник: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Библиотекарь_\(картина\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Библиотекарь_(картина))

Рис. 1. Библиотекарь

Источник: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Осень_\(картина_Арчимбольдо\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Осень_(картина_Арчимбольдо))

Рис. 2. Осень

Пример второй. Если людям с одним инактивированным полушарием мозга показать лес, то человек с рабочим правым полушарием увидит лес, а с левым — только деревья в этом лесу, но самого леса он не увидит [Реброва, Чернышева, 2004, с. 22].

Из этих экспериментов можно сделать два вывода.

1. **Только правое полушарие создает целостную картину**, целостный образ. Левое полушарие способно воспринимать лишь отдельные детали, но оно целостной картины не создает.

2. **Только правое полушарие способно различать качественные изменения.** Левое полушарие способно различать лишь количественные изменения, но переход одного, старого качества в другое, новое качество оно увидеть не способно. Другими словами, **диалектическое мышление основано не на левом, «логическом» полушарии, а на правом, где чувства, образы и ассоциации.**

Обзор литературы

Из огромного количества самых разных направлений изучения функционирования мозга постараемся выделить несколько основных:

1) биологические и нейрофизиологические аспекты межполушарной асимметрии мозга (работы Б. Ф. Сергеева [Сергеев, 2010, 1984, 2009]; М. Газзаниги

[Газзанига, 2017]; С. М. Косслина и Дж. У. Миллера [Косслин, Миллер, 2016], Н. П. Ребровой и М. П. Чернышевой [Реброва, Чернышева, 2004]);

2) медицинские аспекты проблемы (С. Кин [Кин, 2015]);

3) различия «мужского» и «женского» мозга (в работах Алана Пиза и Барбары Пиз [Пиз А., Пиз Б., 2014, 2010, 2017, 2012]; Джойс Бразерс [Бразерс, 1993]; В. Л. Бианки и И. Б. Филипповой [Бианки, Филиппова, 1993]);

4) индивидуальные различия мозга, а также функциональные различия мозга у правой и левой (в работах В. А. Москвина и Н. В. Москвиной [Москвин, Москвина, 2011]);

5) функционирование мозга с точки зрения психолингвистики (в работах А. А. Леонтьева [Леонтьев, 2003, 2014]);

6) восприятие зрительных образов обоими полушариями мозга (работы А. А. Невской и Л. И. Лешутиной [Невская, Лешутина, 1990]);

7) в данной работе нас больше всего интересуют именно *философские аспекты* межполушарной асимметрии мозга. А работ, посвященных именно философским вопросам, крайне мало, и они никак не затрагивают вопросы межполушарной асимметрии мозга. В качестве такого типичного примера можно привести работу Дж. З. Янга «Философия и мозг» [Young, 1988]. Янг пытается связать функционирование мозга с вопросами, касающимися физического строения и реального Я, осознания нашего морального чувства и того, чем человеческое сознание отличается от сознания животных. Он также исходит из тезиса о том, что восприятие — это не пассивный процесс, а активный поиск информации. Особо стоит выделить работы Ю. И. Сидоренко «Философия морали: новый подход» [Сидоренко, 2005] и С. В. Ковалевой «Концептуализация понятия “мудрость”» [Ковалева, 2024], в которых авторы исследуют психофизиологические основания философии в целом и морали в частности.

Данная статья представляет собой логическое продолжение опубликованной нами несколько ранее статьи «Философия, мозг и картина мира» [Shishkov, 2021]. В ней рассматривалась специфика философии как науки, отношение философии к частным наукам, искусству и религии, а также обоснован тезис о философии как науке наук с точки зрения функционирования больших полушарий мозга.

Результаты и обсуждение

Цель данной работы — показать специфику функционирования правого и левого полушарий мозга в различных отраслях философского знания: онтологии, гносеологии и прикладной философии. Исходя из главной цели нашего исследования, нам необходимо ограничиться кратким рассмотрением следующих вопросов: 1) роль правого и левого полушарий в формировании целостной картины мира; 2) восприятие правым и левым полушариями количественных и качественных различий.

Основные отрасли философского знания

В философии можно выделить три основных раздела: 1) онтологию, 2) гносеологию и 3) прикладную философию. Нам представляется такая классификация наиболее логичной, хотя каждый автор предлагает свои варианты классификации, где добавляются такие разделы, как антропология, философия истории, философия права, этика, эстетика, иногда объединяют этику и эстетику в аксиологию и т. д. Все эти разделы представляют собой прикладные философские дисциплины. Теперь рассмотрим три основных раздела философии с точки зрения особенностей функционирования правого и левого полушарий мозга.

Онтология — это учение о бытии, или учение о сущем (от *греч.* «онтос» — ‘сущее’, ‘то, что существует’ + «логос» — ‘учение’, ‘наука’). А что такое бытие? Очевидно, что слово «бытие» происходит от глагола «быть». Английское *being*, французское *être*, немецкое *Sein* также происходят от глагола «быть».

Онтология — это первый раздел философии, который стремится построить целостную картину мира.

Бытие — это наиболее общая категория, включающая в себя все существующее в мире. Бытие есть существование, охватывающее все существующее — и живое, и неживое, и физическое, и духовное. Нас в данной работе в первую очередь интересует вопрос: ***в чем конкретно в онтологии выражается работа обоих полушарий мозга, а именно лево- и правополушарный подходы?***

Если мы утверждаем, что философия — это наука, которая опирается на науку — физику, химию, биологию, — что философия опирается также на научную методологию, на математику и логику, то, следовательно, это чисто ***левополушарный тип мышления***.

В отличие от всех отдельных, частных наук, таких как математика, физика, химия, биология, история, философия стремится на основе данных этих наук создать единую картину мира. А когда мы пытаемся собрать данные всех наук в единую, взаимосвязанную картину, то тогда все неточности, все диспропорции и искажения становятся заметными. Это как в приведенных нами примерах восприятия изображения — картин Джузеппе Арчимбольдо. ***А целостную картину может создавать только правое полушарие.***

Поскольку целостную картину мира создает именно правое полушарие головного мозга, а чувства и эмоции — это именно правое полушарие, то из этого следует, что любая попытка построения целостной картины мира неизбежно связана с его чувственно-эмоциональной окраской, она неотделима от *оценочных категорий этики и эстетики, таких как добро и зло, прекрасное и безобразное, нравственное и безнравственное* и т. д. Таким образом, любая попытка создания целостной картины мира неотделима от нашего чувственно-эмоционального его восприятия. Позитивисты во главе с Огюстом Контом считали, что наука только констатирует и описывает факты и она отвечает на вопрос «Как?», а не «Почему?». При этом позитивисты отстаивали принципиальный отказ от каких-либо оценочных категорий как ненаучный подход.

Но проблема состоит как раз в том, что если только мы попытаемся убрать из целостной картины мира наше чувственно-образное восприятие и все оценочные категории, а это именно то, что пытались осуществить адепты позитивизма, то у нас целостная, единая картина мира неизбежно рушится. И построение единой картины мира становится просто невозможной.

Следовательно, *мировоззрение* неотделимо от такого понятия, как мироощущение, т. е. мир именно такой потому, что я его таким ощущаю. Таким образом, философия — это не только мировоззрение и мироощущение, но и мое *субъективное отношение к миру* и это еще такой *образ жизни*.

Второй раздел философии — это *гносеология* — теория познания, наука о знании, наука о познании (от *греч.* «гносис» — ‘знание’ или ‘познание’ + «логос» — ‘слово’, ‘учение’). В Великобритании и США чаще используется и другой термин — *эпистемология* (от *греч.* «эпистеме» — ‘знание’ + «логос» — ‘слово’, ‘учение’). Некоторые авторы рассматривают гносеологию и эпистемологию как два совершенно разных понятия. В данной работе мы их рассматриваем как синонимичные.

Ко второму разделу философии относится и *логика* — наука о формах правильного, доказательного мышления.

Если в онтологии главная задача — построение целостной картины мира и центральной категорией там является бытие, то вся гносеология построена на ответе на вопрос «Что есть истина?», и истина является здесь центральной категорией.

И если мы говорим о гносеологии, то *в чем конкретно в гносеологии выражается работа обоих полушарий мозга, а именно лево- и правополушарный типы мышления?*

Если второй раздел философии включает в себя логику, то, как мы уже говорили, это чисто левополушарный тип мышления. А где же тогда правополушарный тип мышления?

Дело в том, что логика бывает разная. Есть математическая логика, формальная логика, силлогистика — это чисто левополушарные типы мышления. Но есть еще также и диалектическая логика, которая не вписывается в левополушарные подходы.

Подробное рассмотрение диалектического метода и основных законов диалектики выходит за рамки нашего исследования. Наша задача в данной работе носит более ограниченный характер — показать, что *диалектическая логика, так же как и диалектический метод в целом, это правополушарный тип мышления, и они не вписываются в левополушарный, формально-логический и математический подходы*.

Существует три основных закона диалектики. Первый закон — закон единства и борьбы противоположностей. У Г. Гегеля (1770–1831) и у Ф. Энгельса (1820–1895) этот же закон назывался законом единства и взаимопроникновения противоположностей. Второй закон — закон взаимного перехода количественных и качественных изменений. Этот же второй закон у Гегеля

назывался законом перехода качества в количество, а у Энгельса, наоборот, — законом перехода количества в качество. И третий закон — закон отрицания отрицания, т. е. закон двойного отрицания. Называться эти законы могут по-разному, но это не должно вносить путаницу. Просто необходимо понимать, что, несмотря на разные названия, речь в них идет об одном и том же законе. Первый закон диалектики вскрывает причину развития, второй закон описывает механизм развития, а третий закон показывает направление, траекторию и результат развития.

Итак, начнем с первого закона диалектики. В чем именно здесь выражается правополушарный подход? Правополушарный подход вытекает здесь уже из названия закона — закона единства и *взаимопроникновения противоположностей*, а также из признания диалектическим методом того, что *все противоположности относительны, а не абсолютны*. С точки зрения левополушарного мышления — математического и формально-логического подходов — даже само только признание единства и взаимопроникновения противоположностей — это полный абсурд. Таким же абсурдом с точки зрения математического подхода является и признание относительности противоречий. Это как для математика признать, например, что $5 = -5$. Или что значит, например, для богослова признание единства и взаимопроникновения между Богом и дьяволом. Или признание того, что противоположность Бога и дьявола не является абсолютной, а только относительной. Таким образом, с точки зрения левополушарного, формально-логического и математического подходов, это полный абсурд, потому что этого просто не может быть никогда по определению. Другими словами, диалектическая логика не сводится к формальной логике и математике, хотя в конечном счете она к ним и сводится. Но лишь в конечном счете.

А в диалектической логике любые противоположности рассматриваются как относительные и взаимопроникающие, даже такие антагонистические, как Бог и дьявол. И это не просто допускается, а это исходная позиция. Соответственно, мы изначально исходим из этого, и уже исходя из этого, начинаем выстраивать дальнейшие логические построения.

Теперь рассмотрим второй закон диалектики — закон взаимного перехода количественных и качественных изменений. Где здесь просматривается правополушарный подход?

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений описывает механизм развития и характеризуется понятием меры. А мера — это категория, которая указывает предел, за которым чисто количественные изменения превращаются уже в качественные различия. Но как воспринимаются количественные и качественные изменения левым и правым полушариями? Восприятие чисто количественных изменений — это левополушарный тип мышления. Но левое полушарие не способно увидеть ни меру, ни переход одного качественного состояния в другое. Качественные изменения воспринимаются правым полушарием.

Напомним, что только правое полушарие способно фиксировать целостные образы: правое видит лес, а левое — деревья в этом лесу [Реброва, Чернышева, 2004, с. 25]. Левое полушарие не способно увидеть тот предел, после которого увеличение количества единичных деревьев превращается уже в новое качество — лес. Или, как в примерах с портретами работы Арчимбольдо: левое полушарие способно выделять и видеть только составные части, набор овощей и фруктов, но только правое полушарие способно увидеть то, когда простой набор из фруктов и овощей превращается в новое качество — портрет человека [Кин, 2015, с. 344–345]. Другими словами, только правое полушарие способно увидеть качественные различия и переход одного, старого качества в другое, новое качество.

Что касается третьего закона диалектики — закона отрицания отрицания, то в чем именно здесь заключается правополушарный подход?

Напомним, что в системе гегелевской диалектики развитие есть возникновение логического противоречия и его снятие. В этом смысле оно есть зарождение внутреннего отрицания предыдущей стадии, а затем и отрицание этого отрицания. Поскольку отрицание предыдущего отрицания происходит путем снятия, то оно всегда есть в известном смысле восстановление того, что уже было, что ранее отрицалось, возвращение к уже пройденной стадии развития. Но это не просто возврат к исходной точке, оно представляет собой уже «новое *понятие* (выделение наше. — *Авт.*), но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, в себе более, чем только его, и есть единство его противоположности» [Гегель, 1970, с. 108].

Таким образом, Гегель рассматривал закон отрицания отрицания как всеобщую форму раздвоения единого и перехода противоположностей друг в друга. Следовательно, закон отрицания отрицания — это всеобщее проявление единства и взаимопроникновения противоположностей. Другими словами, третий закон диалектики можно рассматривать как другую формулировку первого основного закона диалектики. Поэтому все, что говорилось нами при рассмотрении первого, основного закона диалектики, справедливо и в отношении третьего закона.

Кроме того, так как закон отрицания отрицания показывает направление, траекторию и результат развития, то увидеть это возможно только в рамках рассмотрения целостной картины: чтобы увидеть направление, траекторию и результат развития, необходимо видеть всю картину целиком. А целостное изображение дает только правое полушарие.

Кроме трех основных, или «больших», законов, есть еще и много «малых» законов. Это *диалектические парные категории, такие как содержание и форма, причина и следствие, сущность и явление, необходимость и случайность, единичное и общее, целое и часть* и т. д. Попробуем показать, каким образом и в «малых» законах оказываются задействованными оба полушария мозга.

Рассмотрим это на примере такой диалектической пары категорий, как целое и часть. Можно рассмотреть аналогичным образом и все остальные диалектические парные категории, но мы для краткости ограничимся рассмотрением только одной пары категорий.

Целое и часть — это философские категории, выражающие отношение между совокупностями предметов, или элементов системы, которые объединяют эти предметы и приводят к появлению новых, *интегративных свойств и закономерностей*, не присущих предметам в их разобщенности. Появление новых, интегративных свойств выражает переход его в новое *качество*.

Как мы уже отмечали ранее, для того чтобы увидеть новые интегративные свойства, также как и превращение их в новое качество, для этого необходимо видеть всю картину целиком. А целостное изображение создает правое полушарие.

Рассмотрим в качестве примера человеческий организм. В организме все части, органы и системы взаимосвязаны и взаимозависимы. Это означает, что любое изменение в любом из них неизбежно повлечет за собой изменение всех остальных органов или систем организма. Когда мы рассматриваем какие-либо изменения в отдельной части, то это левополушарный тип мышления. Но, если мы рассматриваем систему в целом, каким образом изменение одной из частей, отдельного органа или отдельного какого-то параметра системы повлекут за собой изменение всех остальных частей, а изменение уже всей системы в целом, в свою очередь, опять приводит к изменению в каждом отдельном органе, то для этого необходимо видеть целостную картину.

Другими словами, *если рассматривать организм с точки зрения формально-логического и математического подходов левого полушария, то тогда:*

1) целое сводится к простой сумме частей, которые не могут дать новых, интегративных свойств; 2) все изменения могут быть только чисто количественными, и никакие количественные изменения не могут привести к качественному скачку; 3) изменения в отдельной части не могут привести к изменениям во всех остальных частях и к изменению системы в целом; 4) любое изменение системы в целом не приводит к изменению отдельных частей. Это как раз все то, что характеризует *метафизический подход*. Здесь следует отметить, что сам термин «метафизика» в философии используется в разных значениях. В данном случае термин «метафизика» используется нами как противоположность диалектике и, соответственно, метафизический подход применяется нами как противоположность *диалектическому подходу*.

Таким образом, можно сделать вывод: *метафизический метод основан на левополушарном подходе, в то время как диалектический метод — это преимущественно правополушарный подход.*

Так же как существует фундаментальная наука, существует и наука прикладная. Фундаментальная наука занимается разработкой категорий и понятий, а прикладная наука применяет эти категории и понятия на практике. Если говорить о философии, то и философия может быть общей и приклад-

ной. Что такое *прикладная философия*? Это первые две части так называемой общей философии — онтологии и гносеологии — применительно к отдельной какой-то дисциплине, к какой-то отрасли. Прикладными философскими дисциплинами являются философия науки, философия техники, философия религии, философия права, философия истории, социальная философия, экономическая философия, политическая философия и т. д. Некоторые прикладные, частные философские дисциплины имеют свои собственные названия: так, философия морали — этика, философия искусства — эстетика.

Главным здесь является понимание специфики разделов философии с точки зрения особенностей работы правого и левого полушарий мозга. И поскольку третий раздел философии — прикладная философия — представляет собой первые два раздела, а именно онтологию и гносеологию, применительно к какой-то отдельной дисциплине, то все рассмотренное нами с точки зрения межполушарной асимметрии в полной мере относится и к прикладной философии тоже. Более подробно этот вопрос авторы надеются рассмотреть в специальном исследовании.

Заключение

Человека всегда, во все времена, интересовал и всегда будет интересовать мир, в котором мы живем. И уже хотя бы по этой причине философия как наука, которая стремится дать целостную картину мира, всегда будет представлять интерес, даже безотносительно ее «полезности» в чисто утилитарном смысле. Кроме привычных для нас материальных потребностей у человека существуют и не менее важные духовные, познавательные, эмоциональные, морально-нравственные и эстетические потребности. Другими словами, философия призвана помочь человеку обрести смысл жизни и выбрать свой путь. Как говорил Иисус, не хлебом единым жив человек (Мф. 4: 3-4). Если человек теряет смысл жизни, то и все остальное утрачивает свою ценность.

Исследования функциональной специализации полушарий головного мозга носят междисциплинарный характер. А результаты этих исследований имеют фундаментальное значение для многих самых разных областей знания — психологии, нейрофизиологии, педагогики, языкознания, медицины и философии. Часто научные достижения в какой-то одной из областей дают толчок для развития и во всех остальных смежных областях. Это тот самый случай, когда научные открытия даже в какой-то одной отдельно взятой сфере влекут за собой пересмотр и переосмысление знаний в других сферах. И философия в этом не исключение.

Список источников

1. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. 687 с.
2. Сергеев Б. Ф. Высшая форма организованной материи: Рассказы о мозге. 2-е изд., перераб. М.: КРАСАНД, 2010. 176 с.

3. Реброва Н. П., Чернышева М. П. Функциональная межполушарная асимметрия мозга человека и психические процессы. СПб.: Речь, 2004. 96 с.
4. Пиз А., Пиз Б. Язык взаимоотношений. Мужчина и женщина / пер. с англ. М. В. Звонарева. М.: Эксмо, 2014. 400 с.
5. Кин С. Дуэль нейрохирургов. Как открывали тайны мозга и почему смерть одного короля смогла перевернуть науку / пер. с англ. К. Савельева. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
6. Сергеев Б. Ф. Ум — хорошо... М.: Молодая гвардия, 1984. 192 с.
7. Сергеев Б. Ф. Феномен функциональной асимметрии мозга. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2009. 176 с.
8. Газзанига М. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии / пер. с англ. М.: Corpus, 2017. 434 с.
9. Косслин С. М., Миллер Дж. У. Два игрока на одном поле мозга / пер. с англ. О. С. Епимахова. М.: Изд-во «Э», 2016. 256 с.
10. Пиз А., Пиз Б. Как заставить мужчину слушать, а женщину молчать. Почему мы такие разные, но так нужны друг другу / пер. с англ. М. Звонарева. М.: Эксмо-Пресс, 2010. 352 с.
11. Пиз А., Пиз Б. Почему мужчины врут, а женщины ревут? / пер. с англ. Т. О. Новиковой. М.: Эксмо-Пресс, 2017. 416 с.
12. Пиз А., Пиз Б. Почему мужчины хотят секса, а женщины любви? / пер. с англ. Т. О. Новиковой. М.: Эксмо, 2012. 352 с.
13. Бразерс Дж. Что каждая женщина должна знать о мужчинах / пер. с англ. И. Маненок, Т. Крамовой, Р. Кохановской. М.: Автор, 1993. 272 с.
14. Бианки В. Л., Филиппова И. Б. Асимметрия мозга и пол. Л.: Наука, 1993. 201 с.
15. Москвин В. А., Москвина Н. В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М.: Смысл, 2011. 367 с.
16. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Лань; Смысл, 2003. 288 с.
17. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Ленанд, 2014. 224 с.
18. Невская А. А., Лешутина Л. И. Асимметрия полушарий головного мозга и опознание зрительных образов. Л.: Наука, 1990. 152 с.
19. Young J. Z. *Philosophy and the brain*. Oxford: Oxford University Press, 1988. 233 p.
20. Сидоренко Ю. И. *Философия морали: новый подход*. Кострома: Изд-во КГСХА, 2005. 463 с.
21. Ковалева С. В. Концептуализация понятия «мудрость» // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2024. № 3 (37). С. 101–107.
22. Shishkov D. K. *Philosophy, brain and the picture of the world* // Turismo: Estudos & Práticas. 2021. № 1.
23. Гегель Г. В. Ф. *Наука логики: в 3 т. Т. 1*. М.: Мысль, 1970. 501 с.

References

1. Windelband, V. (1995). *Selected: Spirit and history*. Jurist. (In Russian).
2. Sergeev, B. F. (2010). *The highest form of organized matter: Tales of the brain* (2nd ed., revised). KRASAND. (In Russian).
3. Rebrova, N. P., & Chernysheva, M. P. (2004). *Functional interhemispheric asymmetry of the human brain and mental processes*. Rech. (In Russian).

4. Pease, A., & Pease, B. (2014). *Language of relationships. Man and woman*. Eksmo. (In Russian).
5. Kean, S. (2015). *The tale of the dueling of neurosurgeons. How the secrets of the brain were discovered and why the death of one king was able to turn science around*. Eksmo. (In Russian).
6. Sergeev, B. F. (1984). *Mind is good...* Molodaya gvardiya. (In Russian).
7. Sergeev, B. F. (2009). *The phenomenon of functional asymmetry of the brain* (2nd ed., revised). KomKniga. (In Russian).
8. Gazzaniga, M. (2017). *Who is in charge? Free will from a neuroscience perspective*. Corpus. (In Russian).
9. Kosslyn, S. M., & Miller, J. W. (2016). *Top brain, bottom brain: Surprising insights into how you think*. Publishing house “E”. (In Russian).
10. Pease, A., & Pease, B. (2010). *How to make a man listen and a woman to be silent. Why we are so different, but we need each other so much*. Eksmo-Press. (In Russian).
11. Pease, A., & Pease, B. (2017). *Why men lie and women cry?* Eksmo-Press. (In Russian).
12. Pease, A., & Pease, B. (2012). *Why men want sex and women need love?* Eksmo. (In Russian).
13. Brothers, J. (1993). *What every woman should know about men*. Author. (In Russian).
14. Bianki, V. L., & Filippova, I. B. (1993). *Brain asymmetry and gender*. Nauka. (In Russian).
15. Moskvina, V. A., & Moskvina, N. V. (2011). *Interhemispheric asymmetries and individual differences in a person*. Smysl. (In Russian).
16. Leontiev, A. A. (2003). *Fundamentals of psycholinguistics*. Lan, Smysl. (In Russian).
17. Leontiev, A. A. (2014). *Language, speech, speech activity*. Lenand. (In Russian).
18. Nevskaya, A. A., & Leshutina, L. I. (1990). *Asymmetry of the cerebral hemispheres and recognition of visual images*. Nauka. (In Russian).
19. Young, J. Z. (1988). *Philosophy and the brain*. Oxford University Press. (In Russian).
20. Sidorenko, Yu. I. (2005). *Philosophy of morals: a new approach*. KGSHA. (In Russian).
21. Kovaleva, S. V. (2024). Conceptualization of the concept of “wisdom”. *Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces*, 3 (37), 101–107. (In Russian).
22. Shishkov, D. K. (2021). Philosophy, brain and the picture of the world. *Turismo: Estudos & Práticas*, 1.
23. Hegel, G. V. F. (1970). *Science of logic* (vol. 1). Mysl. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Шишков Дмитрий Христофорович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Кострома, Россия.

Shishkov Dmitry Khristoforovich — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Philosophy, History, Social and Humanitarian Disciplines, Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russia.

schischkov2010@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2081-6253>

Волкова Елена Юрьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Костромской государственной университет, Кострома, Россия.

Volkova Elena Yurievna — Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of History, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

v-0-8@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Колесников Владислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Кострома, Россия.

Kolesnikov Vladislav Alexandrovich — PhD in History, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Philosophy, History, Social and Humanitarian Disciplines, Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russia.

vladkoles95@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6928-9605>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научно-исследовательская статья

УДК 130.2

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-78-92

ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ (НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Геннадий Павлович Меньчиков

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Россия,

gpmenchikov@kpfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7416-6095>

Антон Сергеевич Краснов

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Россия,

askrasnov@ksu.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5828-901X>

Аннотация. До возникновения современной неоклассической философии, с изменением в ней основного вопроса философии, за время существования до нее классического и неклассического типов философии накопились многочисленные варианты понимания сущности культуры, более пятисот. Результаты исследования выявили проблему, состоящую в том, что, во-первых, в обществе и в теории культуры на сегодняшний день существует недопонимание «начал» — онтологических причин зарождения такого феномена бытия, как культура, у наших далеких предков. «Действительно, что заставило культуру появиться, с какой стати, зачем и почему она появилась; и что она тогда такое, когда общество уже выделилось из природы и, хотя оно и первобытное, но обеспечивало выживание, вплоть до Антропоцена?». Зачем она тогда появилась и существует, в чем ее смысл и сущность? Такой фундаментальный, проектирующий вопрос к такому необычному феномену бытия, как культура, всерьез, как представляется, еще не ставился или подспудно объяснялся исходя из презумпции Абсолюта, креационистски, вербалистски, цепляясь всякий раз за знак, отталкиваясь от означающего, от слова. А без этого остается размытым, неясным понимание в ней главного — ее глубинной сущности и возможного поверхност-

ного, неуважительного и оксиморонного к ней отношения. Во-вторых, выяснилось, что в силу изложенного обстоятельства в понимании сущности культуры встречаются крупные мировоззренческие и методологические ошибки. Их начало кроется в неправомерном отождествлении феноменов и понятий «культура» и «общество» («культура — это вторая природа», т. е. все то, что создает общество помимо природы, хотя оно создает всякое), что и определяет вытекающие ошибки в понимании настоящей, адекватной сущности культуры.

Когда культуру отождествляют: а) с любым производством общества; под культурой понимается все, что производит общество; б) с любым творчеством (под культурой нередко понимается все, что связано с творчеством, особенно с художественным творчеством, с любым творческим посылом в любом деле); в) с ценностями; с совокупностью любых ценностей; причем словно со складом ценностей, да еще готовых ценностей (не выработанных человечеством, а заданных потусторонним Абсолютом); г) с цивилизацией как со ступенью и уровнем развития человечества; д) с искусством, противопоставляя культуру науке и другим элементам структуры целостного культурного императива; е) отрывают культуру от человека, понимают культуру вне человека и над человеком, противопоставляя ее особенно трудящемуся человеку, словно не нуждаясь в нем как в помехе культуре (когда так называемый художник солипсистски полагает себя критерием культуры, говоря: «А я так вижу, считаю, слышу, читаю; культура — это послание мне и через меня свыше» и т. п.). Подобные ошибки способны запускать по ложному следу отношение к реальной сущностной культуре. К остаточному принципу, к парадоксальным сочетаниям, таким как «культура войны», «культура преступности», «культура порока», вдуматься только, и даже «культура расчеловечивания»; «девиантные субкультуры», «корпоративная культура».

Данные выводы получены с помощью методологии неоклассической философии, реалистического системно-ситуационно-сложностного подхода, современного фрактального детерминизма, компаративистики, герменевтики, логико-смыслового анализа, абдукции и других. Неоклассическая философия исследует и по возможности/необходимости пытается скорректировать прежде всего сами основания в понимании сущности культуры как фундирующего феномена бытия человека и общества, сами истоки вытекающих подобных ошибок и недопониманий, что и является целью данной статьи.

Ключевые слова: неоклассика, человек, личность, социальная реальность, облагораживание, экзистенциальная нехватка, культура, культурный императив; сущность, структура и содержание культуры

Для цитирования: Меньчиков Г. П., Краснов А. С. Об онтологической сущности культуры (неоклассический дискурс) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 78–92. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-78-92>

Scientific research article

UDC 130.2

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-78-92

ON THE ONTOLOGICAL ESSENCE OF CULTURE (NEOCLASSICAL DISCOURSE)

Gennady P. Menchikov

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russia,

gpmenchikov@kpfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7416-6095>

Anton S. Krasnov

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russia,

askrasnov@ksu.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5828-901X>

Abstract. Before the emergence of modern neoclassical philosophy, with the change in the main question of philosophy, during the existence of classical and non-classical types of philosophy before it, numerous understandings of the essence of culture, “more than five hundred”, had accumulated. The results of the study revealed a problem consisting, firstly, in the society and in the theory of culture today there is a misunderstanding of the “beginnings” — the ontological reasons for the emergence of such a phenomenon of being as “culture” among our distant ancestors. “Indeed, what made culture appear, for what reason, why and for what reason did it appear; and what is it then, when society has already separated from nature and, although it is primitive, but ensured survival, up to the Anthropocene?” Why did it appear and exist then, what is its meaning and essence? Such a fundamental design question, for such an unusual phenomenon of existence as culture, has not yet been seriously, as it seems, posed or has been latently explained based on the presumption of the Absolute, creationistically, verbalistically, clinging each time to a sign, starting from the signifier, from the word.

And without this, the understanding of the main thing in it remains vague and incomprehensible — its deep essence and possible superficial, disrespectful and oxymoronic attitude towards it. Secondly, it turned out that due to the stated circumstance, there are major ideological and methodological errors in understanding the essence of culture. Their origin lies in the unlawful identification of the phenomena and concepts of “culture” and “society” (“culture is a second nature”, that is, everything that society creates besides nature, although it creates everything), and this sets the resulting errors in understanding the real, adequate essence of culture.

When culture is identified: a) with any production of society; culture is understood as everything that society produces; b) with any creativity; culture is often considered to be everything related to creativity, especially with artistic creativity, with any creative message in any matter; c) culture is identified with values; with a set of any values; moreover, as if with a warehouse of values, and ready-made values at that (not developed by humanity, but biased, given by the otherworldly Absolute); d) they identify culture with civilization as a stage and level of development of humanity; d) they identify culture with art, opposing culture to science and other elements of the structure of the integral cultural imperative;

e) they tear culture away from man, understand culture outside of man and above man, opposing it especially to the working man, as if they do not need him as an obstacle to culture (when the so-called “artist” solipsistically considers himself the criterion of culture — “and this is how I see, think, hear, read; culture — “this is a message to me and through me from above”, etc.). Such errors can lead to a false trail in relation to the real essential culture. To the residual principle, to paradoxical combinations such as “war culture”, “crime culture”, “vice culture”, just think about it, and even “dehumanization culture”; “deviant subcultures”, “corporate culture”. These conclusions were obtained using the methodology of neoclassical philosophy, a realistic system-situational-complexity approach, modern fractal determinism, comparative studies, hermeneutics, logical-semantic analysis, abduction and others. Neoclassical philosophy studies and, if possible-necessary, tries to correct, first of all, the very foundations in understanding the essence of culture as the underlying phenomenon of human and social existence, the very sources of such errors and misunderstandings, which is the purpose of this article.

Keywords: neoclassicism, man, personality, social reality, ennoblement, existential lack, culture, cultural imperative; essence, structure and content of culture

For citation: Menchikov, G. P., & Krasnov, A. S. On the ontological essence of culture (neoclassical discourse). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 78–92. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-78-92>

Общее благополучие и перспектива рода человеческого не в последнюю очередь зависят от адекватного понимания сущности культуры, от опоры на ее возможности для разрешения многочисленных проблем как отдельной личности, так и всего общества. Именно здесь и становится понятной особая, не эпифеноменальная, а феноменальная спасительная роль культуры в жизни человечества. В стремительно изменяющемся мире культура может стать тем интегрирующим началом, которое в состоянии сбалансировать человеческую деятельность в мире, помочь в поиске смысла и цели жизни, сохранить человеческое в человеке, сохранить человечество. Но, пройдя свои периоды классического, неклассического/постмодернистского существования, проблема сущности культуры в обществе и в науке о ней по-прежнему многоаспектна, сложна и внутренне противоречива. Накопилось немало уточнений и искажений понятий сущности и зарождения этого понятия и явления. К настоящему времени ученые разделили их на несколько групп. В первую группу вошли *описательные определения*, в которых перечисляется все то, что охватывает понятие культуры. Например, определение культуры, данное Э. Б. Тайлором, складывается из «знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком, как членом общества» [Тайлор, 1989, с. 18]. Ко второй группе относятся *исторические определения*, которые связывают культуру с традициями или социальным наследием общества. Здесь культура — социально унаследованный комплекс практики и верований, определяющий основы нашей жизни. В третьей группе находятся *нормативные определения*, подчеркивающие значение для культуры ценностей и правил, организующих человеческое

поведение. В *психологических определениях* ученые чаще понимают культуру как средство приспособления общества к природной среде либо подчеркивают, что она продукт деятельности людей. Иногда о сущности культуры говорят как о совокупности форм приобретенного поведения, характерных для некоторой группы или общества и передающихся из поколения в поколение. Итак, несмотря на большое количество существующих определений, что есть культура, рассматривающих одну из ведущих сторон, свойств, функций культуры, определение сущности культуры, причин зарождения и ее значения у человечества еще продолжается. Проведенный профессором Р. Г. Нугмановым интересный лингвокультурологический анализ показывает, например, что термин *cultura* возникает не просто от латинского слова *culture*, но как отглагольное существительное от его формы *supinum* — *cultum* в 3-м лице единственного числа пассивного залога, перевод которого звучит примерно как «возделывать», «почитать», «чтобы сделать лучше» [Нугманов, 2002, с. 20]. Полученный перевод перекликается с предпочитаемым неоклассической философией началом, *онтологическим истоком* понимания ее сути. Но он лишь перекликается. Продолжая поиски понимания сущности культуры как феномена бытия, важно руководствоваться современным неоклассическим концентрированным *онтологическим* пониманием, а не только вербальным. Почему, зачем, с какой стати появилась культура, что заставило появиться тому, что человечество назвало таким термином, как «культура»? Лишь ответив на этот вопрос, можно понять в ней самое глубинное, значимое и объективно необходимое в ее защите.

Итак, существует широко распространенное выражение и понимание сущности культуры: культура — это вторая природа, все то, что создано и создает общество. **Почему такое понимание и определение культуры, как нам представляется, является большой ошибкой в теории и практике культуры, невольно запуская ризому других ошибок?** Из него видно, что корень исходной ошибки состоит в том, что общество и культура фактически неправомерно понимаются как *тождественные* сущности, понятия и явления.

Но дело в том, что человек — существо не бездомное, у него есть три дома бытия: природа, общество и культура. Природа для человека может быть некоторое время первым домом бытия, как это есть в животном мире и для животных; но этот дом не готов для человека, как и человек не готов для него. Второй дом бытия — общество со своим социальным — для человека необходим, но тоже недостаточен. Поскольку общество образуется и существует преимущественно для выживания человека, обеспечения его витальных потребностей и возможностей, и чтобы человек был исправной «совокупностью общественных отношений» (здесь главное выжить... «а там разберемся», «уж тут не до культуры»). Социальное — «это форма воспроизводства личности как рефлексивного субъекта посредством... институциональных форм, выраженных в социальных институтах», где «сама личность есть продукт объективации

социального, носитель социального... но могущая противопоставить себя обществу, общему социальному субъекту, чтобы выйти на позиции рефлексии» [Краснов, 2019, с. 62–63]. Социальное производит «социализацию», а практически адаптацию, «послушность» *институализированным* формам воспроизводства личности в обществе. Социальному тоже «некогда». («Вот решим свои социальные, особенно социально-политические задачи, потом возьмемся и за культуру...»). Итак, каждый из них — и общество, и социальное — заняты своим делом, имеют лишь свои возможности, свою ответственность, неизбежно относясь к человеку в них как средству для решения своих нужд и задач. Культура невольно остается у них *на остаточном принципе*.

Однако вся трудность, сложность, энигма (загадка) в том, что человек — живое существо бытия, но не животное и не вещь: это совершенно уникальное существо бытия, вечности — человек. Да, он «совокупность общественных отношений», но не только и не столько. Этого ему недостаточно, чтобы быть человеком, тем более если это общество «роевых отношений». В своей сущности человек есть культурное существо, так или иначе — субъект-объект культуры [Меньчиков, 2024, с. 409–423]. Ему необходимо не только выживание, но жизнь в качестве человека, да еще человека-сапиенса. Следовательно, ему нужен свой особый дом, какое-то *нечто*, которое поддерживало бы, формировало и сохраняло в нем как в человеке человеческое. А это уже так называемый третий дом бытия — особая часть, атмосфера общества, второго дома бытия, которая бы специально, деликатно и корректно заботилась и производила во всем функционировании у общества и в социальном такой, извините, специальный процесс-продукт, который назвали когда-то культурой. Следовательно, общество и культура — это пересекающиеся феномены и понятия, но не тождественные, к чему подчас сводится со всеми последствиями сущность культуры, отождествленной с обществом.

Поскольку культуру нередко сводят и к производству, то почему культуру некорректно отождествлять с производством? Конечно, без производства общества не бывает, разве что у викингов и «викинговости»: отобрать, отнять сделанное другим, другими, разбой — все это для них когда-то отождествлялось и все еще отождествляется с производством («добыл»). Но и само производство, по определению, обеспечивает главным образом лишь витальные, «выживательные» потребности людей, что необходимо, но тоже недостаточно для жизни человека как человека. Не говоря уже о том, что производство способно удовлетворять и удовлетворяет любые потребности, в том числе порочные и деструктивные [Уайт, 2004, с. 154, 220; Уайт, 2004а, с. 521, 550]. Да и саму экономику сегодня подчас понимают без ее первого, головного элемента — без производства, — отождествляя лишь с обменом, распределением и потреблением.

Поскольку культуру нередко отождествляют и с творчеством, то почему некорректно сводить культуру к творчеству как таковому? В общем-то, по таким же, как в случае с обществом и производством, основаниям. Тем более

что творчество как страсть может запустить (и запускает подчас) человечество по ложному следу, сотворяя любые ценности, способные быть опасными и токсичными для человека и человечества. Когда такие «неразличения» происходят, получается парадоксальное явление: в культуру начинает включаться что угодно — любое творчество, любое творение, любые ценности. А сегодня культурой в том числе называют и паракультуру, и субкультуру, и текстуру, даже антикультуру, черную культуру, включая даже такой оксиморон, как культура войны [Костина, Флиер, 2009]. Если из культуры уходят чувства, дух, душа и она опирается только на разум, рассудок, интеллект, она, как считает В. А. Кутырев, является текстурой [Кутырев, 2001, с. 53]. Текстура — это культура искусственного мира, технологического человека, когда происходит поглощение культуры техникой. Получается, что современность должна искать способ сохранения и защиты человечности среди машинизированного и компьютеризированного, тем более цифровизированного общества. И, действительно, попробуй не считаться, например, с атомным оружием, гильотиной, с цифрой и т. д., ибо в них тоже есть производство (-димое), творчество (-кое), да еще какое, начало. Значимое, важное для человека, в них тоже участвует творчество как страсть и даже талант людей. Но, а зачем, почему, для человека как какого существа, так понимаемую сущность культуры, отождествляемую с творчеством, — это не интересует и не волнует. Культура несводима к *технологии* создания и создания *лишь бы нового*. Безразлично к сущности человека и к сущности культуры ее понимание и в духе бартовской и лотмановской семиотики, когда под культурой понимаются ценные механизмы и тексты выработки и хранения программ деятельности соответствующего субъекта, которые можно воспринимать и осмысливать. Это тоже второй, но ачеловеченный (дочеловеческий) дом бытия. В нем могут жить и машины. Один из признаков культуры есть как раз разборчивость, в том числе и по отношению к себе самой.

Почему культура несводима и к искусству? Сужая культуру до искусства, мы тем самым, во-первых, искажаем сущность и культуры, и искусства и, во-вторых, представляем их для общества лишь эпифеноменами, а не объективными феноменами бытия, без которых человек как без воздуха не может быть, стать, сбыться. Отождествление культуры только с искусством недостаточно также для целостного раскрытия структуры культуры как культурного императива. К тому же в неоклассической философии искусство — это не только отражение действительности с помощью художественно-эмоциональных образов, к чему нередко сводится сущность искусства. Дело не в отражении. Искусство — это прежде всего вид духовно-культурной деятельности человеческого существа по конструированию третьей романтически-игровой реальности бытия (искусственной), без которой он не может выразить себя до конца как человек («душа просит»), как антропос (сбыться человеком как вид бытия в мироздании), стать самодостаточным, не может оставаться человеком и постепенно превращается в вещь или в дочеловеческий вид бытия.

Искусство — это вид духовно-культурной деятельности, оперирующей скорее не логическими, а художественно-эмоциональными, интуитивными образами, опирающийся на эстетические категории «прекрасное», «возвышенное», «трагическое», «комическое». Если вся культура есть возделывание человеческого в человеке, опосредствованное и опосредованное, то искусство есть прямое и непосредственное проявление, формирование и поддержание в человеке собственно человеческого. Искусство несводимо к культуре, как и культура к искусству. Искусство является ядром культуры, но не заслоняющим всю культуру, а скорее расширяющим и обогащающим проявленность культуры. Определяя культуру как таковую, как феномен, а не эпифеномен бытия, но сведенную к искусству, мы можем оставить в стороне вне культурного императива другие, так сказать, отраслевые, культуры: культуру производства, культуру экономики, культуру управления и т. д., — через которые культура собственно и онтологизирует себя как культура, проявляя свою сущность и в которых тоже может быть, есть и должна быть объективно необходимая и существующая по отношению к человеку облагораживающая интенция и ценность. Кроме того, важно иметь в виду, что само искусство как концентрированное проявление творчества и страсти тоже может создавать любые ценности, не только очеловечивающие, но и токсичные и расчеловечивающие человека и человечество. За примерами «некультурного и антикультурного искусства» ходить не надо. Затрагивая произведением искусства в человеке самые подвальные этажи его психики, которые подчас неведомы и ему самому, вытаскивающий их из какого-нибудь конкретного человека, ситуации «художник» получает «лакомство», потому что он, художник, — творец, демиург («Я так вижу»).

Было бы некорректно также определять сущность культуры только «по ценностям». Например, пишут, что культура — это своеобразная специальная деятельность по созданию совокупности материальных, социальных, политических, правовых, духовных ценностей... и на этом ставят точку, как это нередко бывает при определении, что такое культура. Но, как уже говорилось выше, попробуй с ними не считаться, например с атомным оружием, гильотиной, с цифрой и т. д. и т. п., ибо в них тоже есть производство (-димое), творчество (-кое), да еще какое, ценностное начало, значимое для человека; в них тоже участвует творчество как страсть и даже талант людей.

Культуру подчас неправомерно отождествляют и с цивилизацией. Объем публикации не позволяет подробно остановиться на интерпретации соотношения этих понятий и явлений. Отметим лишь, что культура по содержанию шире, объемнее и, главное, «она о другом», чем цивилизация. Тем более такая цивилизация, где пренебрежение нравственными принципами, регулирующими развитие, поведение и деятельность членов общества, сознанием ответственности каждого за судьбу всех возможно запросто, не способна обеспечить человечеству будущее. Если цивилизация как стадия и как уровень и характер развития человечества не перейдет, не перерастет в следующую свою стадию развития — в стадию собственно культуры [Назаретян, 2007, с. 105–113; Щипков, 2021, с. 59].

Подведем некоторые итоги. **Так что такое культура, почему и зачем она когда-то появилась?** В понятии «культура», в чем ее сущность, содержание и структура, происходят существенные неоклассические уточнения. Как уже говорилось, культура — это не любое производство, не любое творчество, совокупность не любых ценностей; она несводима к искусству, к цивилизации. А домом человека в бытии и как для человека является «культура как третий дом бытия». И логика выхода к пониманию сущности культуры здесь, как упоминалось, такова, что человек — существо не бездомное, но его домом бытия является не просто общество и даже не просто социальное («отношение к общественному отношению») (Н. А. Терещенко); не просто социум («форма воспроизводства личности как рефлексивного субъекта») и социальность («темпорально устойчивое состояние институционализированных форм воспроизводства личности») (А. С. Краснов). А тогда что? Ответ на этот вопрос, видимо, будет состоять в том, что более всего и прежде всего речь идет о качестве и соответствии дома бытия и живущего в нем человека — каково оно это общество; каково оно это социальное; какой он, этот социум; на кого и на что он рассчитан и соответствует ли он этому расчету, человеку-антропосу?

Иначе говоря, культура — это не просто бездушная, количественная, механистически-техническая, а онтологически качественная сторона сущего, «это живая вода социальности», как хорошо определяет и раскрывает сущность культуры известный исследователь В. А. Конев [Конев, 2016], латентно и тактично формирующая человеческое в человеке; конечно, это будет уже третий дом бытия. Итак, культура есть такая сфера деятельности общества, которая является создателем совокупности ценностей (материальных, социальных, экономических, политически-правовых и пронизывающих их духовных ценностей), в каждой из которых заложено очеловечивание человека, возвращение человеческого в человеке, всего того, что дальше отодвигает человека от края прегоминидности и почвенности; в процессе созидания таких особых ценностей, их хранения, защиты, распространения, применения, трансляции, потребления, их особого влияния на общество и человека в нем. Субстанциональным, основным и главным в сущности культуры является специальная качественная — хоть как-то облагороженная и облагораживающая — сторона бытия в ценностях, создаваемых человеком и для человека. Парадоксально, но культура и сама может быть подчас некультурной. Культура объясняется еще и самой ее собственной культурностью, субстратностью и субстанциональностью, «а не тем, что ее вызывает, порождает». Как поясняет эту мысль, Л. Уайт, «культура — это такая организация явлений — актов (моделей поведения), объектов (орудий и вещей, сделанных с помощью орудий), идей (представлений, знаний) и чувств (позиций, “ценностей”), — которая зависит от использования *символов* (курсив наш. — Г. М., А. К.)» и порождает в человеке *собственно человеческое*; «но стоит ей только возникнуть, она сразу же начинает жить собственной жизнью» [Уайт, 2004, с. 153, 154]. Культура есть третий дом бытия человека.

Культура как третий дом бытия, где она выступает особым императивом [Меньчиков, 2024, с. 409–423], облагораживающим человека, в своем составе не так проста. Помимо своей сущности она включает в себя целую симультанно действующую структуру «живой воды» социальности, а «кто окроплен “живой водой” совместности герменевтического сообщества, тот воскресает как человек, способный прощать и обещать» [Конев, 2016, с. 101]. И тогда в структуру действующего воскрешения, сбережения и формирования человечности в человеке непосредственно и опосредствованно входят и интегрально действуют такие ее *содержательные элементы*, как истина + ум + интеллект + + образованность + добро + красота + польза + технологичность мышления + + действие (умение осуществить, сделать, довести последовательно до результата — все это проявление интеллекта, менталитета и интенции, т. е. еще сами практические действия человека, поступки), а не только предложения и обещания + поступок (свободный, непринудительный, а самым выбранный, требующий своего утверждения/подтверждения, ответственности за свое бытие в мире — «не-алиби в бытии») [Бахтин, 1986, с. 112]. А поскольку такое сложное содержание культуры еще надо вырастить, создать, сформировать, развить, выпестовать, а не “добыть”, не приобрести готовым, что с таким феноменом бытия как культура не получится, то в культуру как добытчика и практического реализатора облагороженности бытия, в культуру как в целостный социальный институт своей культурной контекстуальной и непосредственной стороной каждая входят такие структуры, как наука + искусство + образование + воспитание + этикет + такт, благородство + «отраслевые» культуры (культура труда и т. п. + сегодня это и цифровая «постдефицитная культура» [Лешкевич, 2024, с. 110] + и сама «культурность культуры» (ее чтойность, ядерное свойство наподобие «экономика должна быть экономной»). Культура, сама ее сущность, включает интегративную самостоятельную и несуммативную систему.

Если не подменять тезисы, подходить к сущности культуры по определению, то у всех разновидностей человеческого вида землян культура не одна, но ее *сущность едина*. Неслучайно понятие «мультикультурность» не приживается, несмотря на накладывающие на нее свой отпечаток характерные зональные, пространственно-временные особенности, на естественные заимствования народов в культуре, встречающиеся различия в ее бытии, на меру и форму ее эволюционного проявления, стадию. В них культура — в своей сущности (как аналог с поэзией), она либо есть, либо ее нет, либо ее проблеск зарождается, формируется. Здесь важно не делать логических ошибок: не смешивать типы культур, эволюцию культуры, стадии развития культуры у народа с культурной историей народа в этнической истории народа [Уайт, 2004а, с. 521, 550].

Сложно ли учесть в сущности культуры все воедино и симультанно — содержание и структуру, тем более практически? Да. Но это — «другое дело». Однако в культуре как культурном императиве, как в специфическом феномене бытия было бы неправомерно противопоставлять, отрывать друг от друга

ее элементы, сводить культуру к одному из элементов культуры в целом; тем более когда часть, не несущая в себе сущность целого, еще доминирующая над ним и недооценивающая другие, может на время и нечаянно скомпрометировать целое. Но такова уж глубинная сущность и сложность культуры в целом как особого специфического феномена бытия в обществе.

Здесь важен, конечно, еще и *критерий человеческого в человеке*, благородства, облагороженности или культуры в целом как таковой, который исторически имел главным образом сословное понимание. Но, если обратиться к этике биофила и биофилии по такому непростому вопросу, как критерий добра и зла, а это фактически критерий всех критериев, то, в противоположность сословному, обобщенным критерием и человеческого в человеке, критерием облагороженности и благородства является отношение к соотношению жизни и смерти, бытия и небытия, отношение к жизни как к первоисточнику и первопричине бытия, высшей ценности, отношение к людям как к антропосам, к человеку — уникальной самооценности бытия, а не как к приложению к чему-то, средству, вещи, орудию, инструменту, функции, отношение к жизни и еще раз к жизни, к ее созиданию, а не к потреблению, паразитированию, тем более к разрушению и кажимости [Меньчиков, 2024, с. 409–423].

Кроме того, как показывает включенное наблюдение, люди труда и передовые мыслители прошлого вкладывали в понятие сущности культуры прежде всего такое содержание, как несолипсизм, порядочность, гуманность, честность, неподкупность, сознательное, ставшее привычкой и склонностью служение Отечеству, самоотверженность, А в обиходе — это удовлетворенность от помощи людям, верность, высокому, отсутствие циничности, уважение ко всему, что способствует росту и развитию жизни, чуткость к конкретным людям (особенно к людям труда (в его широком благородном смысле, форме) и «милость к падшим призывал»). А под неблагородством понимались прежде всего солипсизм, высокомерие и неблагодарность к жизни, то, что душит жизнь, сужает ее.

Учитывая все дискуссии, в собственном онтологическом ее понимании *культура — это не любая, а биофильная сторона делаемого, совершаемого обществом, поступками человека в бытии*. Как полагает Э. Фромм, «этика биофила имеет свои собственные критерии добра и зла. Добро — это все то, что служит жизни; зло — все то, что служит смерти. Поклонение жизни — это хорошо, ибо это уважение ко всему тому, что способствует росту и развитию. Зло — это то, что душит жизнь, сужает, зажимает (и в конце концов раздирает в клочья)» [Фромм, 1994, с. 316].

Но вернемся к истокам: **почему и зачем появилась и существует культура?** Глубинная сущность культуры, по-видимому, все-таки в смыкании человека с вечностью бытия, с жизнью как первопричиной бытия. Дело в том, что культура как феномен бытия, в том числе и бытия человека, появилась и существует и потому, что в силу своей уникальности любой человек, похоже, фрактально, как и человеческое сообщество, по своей сущности обладает

экзистенциальной нехваткой, незавершенностью. Наблюдения показывают, что так или иначе он подсознательно или сознаваемо, но привычно соревнуется, а то и конкурирует, сам того не замечая, не меньше как с мирозданием, с бытием. Ему почему-то хочется, как и у бытия, стопроцентной, идеальной онтологической завершенности: полноты, целостности, вечности, совершенства, бессмертия, постижения смысла существования как всего бытия, так и своего индивидуального, персонального и группового, парциального существования. По необходимости ее достижения человек как уникальный феномен бытия скучает, ее романтизирует, о ней мечтает, подчас томится («Бытие вечно и бесконечно, а я вот конечен... несправедливо» и т. д.). Иначе говоря, человек как таковой, как событие бытия, в принципе несамодостаточен и в этой нехватке нет ничего ущербного, неполноценного. Просто он другой. Он по видовой сущности своей антропос, т. е. человеческое существо, живущее не просто на планете, а чувствующее себя осознанно или по наитию, живущим в бытии — в целом, в мироздании. И это не преувеличение и не приукрашивание человека.

Однако, чтобы добиться экзистенциальной полноты и т. д., человек должен почему-то и как-то «совпасть» со свойствами всего бытия, что в принципе невозможно и нереально, по определению. Тем не менее, испытывая свою объективную незавершенность, он создает, создал между собой и бытием такое особое промежуточное звено — культуру. А как индивид, он алчет завершенности: либо ноет, жалуется и «психует», либо ищет себя, свою идентичность, либо «якает»¹, постепенно саморазрушаясь, и погибает. Либо начинает проявлять свое сущностное Я в биофильной деятельности. И сублимируется прежде всего в трудовой деятельности, ибо в труде «внешние цели теряют видимость всего лишь внешней, природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой сам индивид, следовательно, полагаются как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд» [Маркс, 1980, с. 111].

И вот здесь, вспомним, почему, отчего, зачем и как возникло это явление, понятие и сам такой емкий термин, как «культура». Да, слово «культура» возникло от *лат. cultura*, которым обозначалось все то, что облагорожено человеком, а в процессе такого делания-деяния и он сам, т. е. «все то, что возделано, воспитано, ухожено, образовано, развито, почитаемо и чему поклоняемо». (У общества и социума, социального, как уже говорилось, «другие заботы». Напомним, что общество и социум служат прежде всего для выживания и любыми способами тому, чтобы быть и быть адаптированным, послушному быть — производило и производит всякое и по-всякому, и т. д.). Но, видимо, впервые облагороженный, т. е. возделанный человеком, участок земли

¹ См.: Литвак М. Е. Не нойте! Практикум по психологическому айкидо. Ростов н/Д, 2005; Сайкина Г. К. Трудно быть человеком... (Метафизические маршруты человека). Казань, 2012; Разинов Ю. Я. «Я» как объективная ошибка. Самара, 2006.

по сравнению с диким при переходе к земледелию, названный позже словом culture, так удивил и вдохновил собой, своим изменением возделывающего его и себя в этом процессе и результате, что его назвали словом culture. Древний человек кожей почувствовал, что без такого факта, особого, специфического, специального и субстратного процесса-результата деятельности очеловечивания человека, которое он потом обобщил и обозначил словом «культура», он просто вымрет. Погибнет. Деградирует... Ему — не быть... Только медленно и незаметно...

Итак, «Красота спасет мир» Ф. М. Достоевского — это не только красивая мысль, крылатая фраза, это гениально-проницательно, дальновидно (до зависти). Здесь и становится понятной сконцентрированная, особая, повторим, спасительная сущность и миссия культуры, которая подобна биоте в жизни человечества [Назаретян, 2007, с. 105–113]; культура есть субстанциональная вещь; а субстанциональная — это значит существующая по причинам, содержанию и структуре, лежащим главным образом в ней самой.

Список источников

1. Тайлор Э. Б. Первобытная культура / пер. с англ. Д. А. Коропчевского. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
2. Нугманов Р. Г. Начала культурологии: учеб. пособие для студентов. Казань: КГЭУ, 2002. 151 с.
3. Краснов А. С. Очерки теории и истории социального. Казань: Казанский университет, 2019. 142 с.
4. Меньчиков Г. П. Из Хаоса Порядок. Неоклассическая философия: сущность изменений. М.: ДеЛибри. 2024. 620 с.
5. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / пер. с англ. О. Р. Газизова, П. В. Резвых М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
6. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004а. 1064 с.
7. Костина А. В., Флиер А. Я. Три типа культуры — три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 2 (18). С. 23–36.
8. Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 238 с.
9. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»): в 2 ч. М.: Политиздат, 1980. Ч. 2. 619 с.
10. Нестеров О. Г. Посттрудовое общество: синтетическая свобода и трудовая этика // Вопросы философии. 2023. № 2. С. 79–88. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-2-79-88>
11. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с. (Синергетика в гуманитарных науках).
12. Щипков А. В. Цивилизованный расизм и возможность исторических исследований в рамках цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 53–64. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-2-53-64>

13. Конев В. А. «Живая вода» социальности // Конев В. А. Смыслы культуры: сб. статей. Самара: Самарский университет, 2016. С. 94–101.
14. Бахтин М. М. К философии поступка / публ. и вступ. статья С. Г. Бочарова, прим. С. С. Аверинцева // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–161.
15. Лешкевич Т. Г. Метавселенная как макросдвиг современной культуры // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 107–115. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-4-107-115>
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М.: Республика, 1994. 447 с.

References

1. Tylor, E. B. (1989). *Primitive culture*. Politizdat. (In Russian).
2. Nugmanov, R. G. (2002). *The beginnings of cultural studies*. Kazan State Energy University Press. (In Russian).
3. Krasnov, A. S. (2019). *Essays on the theory and history of the social*. Kazan University Press. (In Russian).
4. Menchikov, G. P. (2024). *Order from Chaos. Neoclassical philosophy: the essence of change*. DeLibri. (In Russian).
5. White, L. (2004). *Selected works: The science of culture*. ROSSPEN. (In Russian).
6. White, L. (2004a). *Selected works: The evolution of culture*. ROSSPEN. (In Russian).
7. Kostina, A. V., & Flier, A. Ya. (2009). Three types of culture — three life activities functional strategies. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2 (18), 23–36. (In Russian).
9. Kutyrev, V. A. (2001). *Culture and technology: the struggle of worlds*. Progress-Tradition. (In Russian).
10. Marx, K. (1980). *Economic manuscripts of 1857–1861* (vol. 2). Politizdat. (In Russian).
11. Nesterov, O. G. (2023). Post-labor society: synthetic freedom and work ethic. *Voprosy Filosofii*, 2, 79–88. (In Russian).
12. Nazaretyan, A. P. (2007). *Anthropology of violence and culture of self-organization: Essays on evolutionary and historical psychology*. LKI Publishing House. (In Russian).
13. Shchipkov, A. V. (2021). Civilizational racism and reason-ability of historical research based on the civilizational approach. *VoprosyFilosofii*, 2, 53–64. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-2-53-64>
14. Bakhtin, M. M. (1986). Towards the philosophy of action. *Philosophy and Sociology of Science and Technology*. 1984–1985, 80–161. (In Russian).
15. Leshkevich, T. G. (2024). The metaverse as a macro-shift of modern culture. *Voprosy Filosofii*, 4, 107–115. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-4-107-115>
16. Fromm, E. (1994). *The anatomy of human destructiveness*. Republica. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Геннадий Павлович Меньчиков — доктор философских наук, профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.

Gennady P. Menchikov — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General Philosophy at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

gpmenchikov@kpfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7416-6095>

Антон Сергеевич Краснов — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.

Anton S. Krasnov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of General Philosophy at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

askrasnov@ksu.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5828-901X>

Обзорная статья

УДК 130.2

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-93-104

ПОНЯТИЕ КРАСОТЫ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА

Валентина Владимировна Виноградова

Международный Центр Рерихов,
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия,
valentina.v.vinogradova@yandex.ru

Аннотация. Понятие красоты является в русской космической философии ведущим принципом эволюции мироздания и человека как его части и микрокосма. В статье раскрывается понятие красоты в его онтологическом и гносеологическом аспектах в философии русского космизма у таких философов, как Вл. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов, Н. К. Рерих, Е. И. Рерих. Рассматривается сходство представлений упомянутых мыслителей о преобразующей роли красоты, творца и произведения искусства в этом процессе, связи красоты с трансцендентным миром; красоты как энергетического явления, а также связи красоты с русской культурной традицией. Понятие красоты осмысливается в контексте философии космической реальности живой этики и в связи с освещенным в ней понятием космического магнита — энергетической структуры Вселенной, определяющей развитие и бытие всех ее составных частей.

Ключевые слова: русский космизм, красота, гармония, хаос, творчество, теургия, русская духовная традиция, всеединство, искусство, русская культура, русская философия, живая этика, космический магнит

Для цитирования: Виноградова В. В. Понятие красоты в философии русского космизма // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 93–104. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-93-104>

Review article

UDC 130.2

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-93-104

THE CONCEPT OF BEAUTY IN THE PHILOSOPHY OF RUSSIAN COSMISM

Valentina V. Vinogradova

International Center of the Roerichs,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia,
valentina.v.vinogradova@yandex.ru

Abstract. The concept of beauty is the leading principle of evolution of the Universe and man as its part and microcosm in Russian cosmic philosophy. The article reveals the concept of beauty in its ontological and epistemological quality in the philosophy of Russian cosmism of such philosophers as V. Solovyov, P. Florensky, N. Berdyaev, V. Ivanov, N. Roerich, H. Roerich. The similarity of the mentioned thinkers' ideas about the transforming role of beauty, the creator and the work of art in this process, the connection of beauty with the transcendental world, beauty as an energetic phenomenon, as well as the connection of beauty with the Russian cultural tradition is considered. The notion of beauty is also comprehended in the context of the philosophy of cosmic reality of Living Ethics and in connection with the concept of Cosmic Magnet — the energy structure of the Universe, which determines the development and existence of all its constituent parts.

Keywords: Russian cosmism, beauty, harmony, chaos, creativity, theurgy, Russian spiritual tradition, all-unity, art, Russian culture, Russian philosophy, Living Ethics, Cosmic Magnet

For citation: Vinogradova, V. V. The concept of beauty in the philosophy of Russian cosmism. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 93–104. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-93-104>

Категория красоты играет в философии русского космизма одну из ключевых ролей. Это обусловлено всей предшествующей русской духовной традицией, в которой прекрасное становилось мерилом истины. Заслуживает упоминания показательный пример, связанный с основами русской истории и культуры: принятие христианства, когда, как принято считать, именно красота православного богослужения убедила князя Владимира в выборе конфессии. Красота и позже в русской мысли останется связанной с явлениями высшего порядка, будет категорией онтологической и гносеологической. Именно в силу ее иномирности, ее трансцендентности пути красоты в земном мире, возможности приобщения к ней, ее познание и претворение в жизнь часто (или даже всегда) требуют от познающего подвига, отречения от благ и условий мира земного, а если необходимо, и жертвы,

подобно той, что совершает всякий подвижник веры. Восхождение к чертогам красоты есть восхождение на голгофу духа — эта мысль будет звучать у многих русских космистов.

Философ, ученый, отец П. А. Флоренский воспринимает красоту в метафизической триаде, где истина, добро и красота предстают как три единых начала. Он отмечает, что это одна духовная жизнь человека, но воспринимаемая как бы с разных точек зрения: «Духовная жизнь, как из Я исходящая, в Я свое средоточие имеющая — есть Истина. Воспринимаемая как непосредственное действие другого — она есть Добро. Предметно же созерцаемая третьим, как во-вне лучающаяся — Красота» [Флоренский, 2003, с. 85]. Категория красоты для него неразрывно связана и с любовью, без которой подлинное познание для мыслителя невозможно, поскольку для Флоренского в контексте христианского понимания любовь есть Бог: «Явленная истина есть любовь. Осушествленная любовь есть красота» и «любовь, как предмет созерцания — есть красота» [Флоренский, 2003, с. 86].

Онтология и гносеология красоты для Флоренского неразрывно связаны с понятием Троицы, троичным культурным идеалом русской культуры, вхождением в Божественное Троиединство, вокруг которой он выстраивает свою философию: «Существенное познание Истины, т. е. приобщение самой Истины, есть, следовательно, реальное вхождение в недра Божественного Троиединства, а не только идеальное касание к внешней форме Его» [Флоренский, 2003, с. 85]. Таким образом, красота как зримое явление истины и любви дает возможность человеку приобщиться к высшей реальности. Флоренский утверждает реальность красоты и одновременно говорит о том, что красота и есть реальность. В процессе ее постижения человек проходит через обожение (в понятии исихазма, особенно в русской духовной традиции во времена преподобного Сергия Радонежского), т. е. преображение своей духовной сущности. Красота тем самым утверждается как действенная сила, чье воздействие подобно Фаворскому свету. Эта мысль была впервые озвучена в краткой формуле Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир», которая принадлежит герою романа «Идиот» князю Мышкину, в другом романе писателя «Бесы» звучит ее противопоставление: «Некрасивость убьет...». Именно поэтому процесс обожения, т. е. преображения, просветления человека называется «художеством из художеств». Вот что пишет Флоренский: «Да и в самом деле, аскетика создает не “добротного” человека, а прекрасного, и отличительная особенность святых подвижников — вовсе не их “доброта”, которая бывает и у плотских людей, даже у весьма грешных, а красота духовная, ослепительная красота лучезарной, светоносной личности, дебелому и плотскому человеку никак недоступная» [Флоренский, 2003, с. 103]. Познание абсолютной красоты он называет «ведением Духа Святого, полной духоносностью, полным обожением всей Твари, завершенным просветлением» [Флоренский, 2003, с. 112].

В философии В. С. Соловьева, близкого духовно и идейно этим размышлениям Флоренского, категория красоты занимает одно из главных мест.

Красота в его философской и эстетической системе связана с понятием эволюции, эволюционного творения и развития мира. В его размышлениях мы также находим тождественность понятий «свет», «светоносность» и «красота», источниками которых является трансцендентная реальность. Красоту Соловьев понимает как «преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала» [Соловьев, 1988, с. 358]. Творение мира, по Соловьеву, осуществляет космический ум, или «зиждательное начало природы» [Соловьев, 1988, с. 373], — логос, последовательно преодолевающий активное сопротивление первобытного хаоса. Категорию красоты он рассматривает в контексте греческой философии как космос, т. е. миропорядок. Он утверждает, что в процессе эволюции органический мир в каждой новой приобретенной форме, которые «от века намечены в уме всемирного художника» (цит. по: [Бычков, 2007, с. 61]), стремится как к полноте своего выражения и конечной задаче, т. е. к красоте. Этот поступательный эволюционный процесс «предполагая несовершенство, предполагает тем самым определенный прогресс, состоящий во все более и более глубоком и полном объединении материальных элементов и анархических сил, в преображении *хаоса в космос*, в живое тело, могущее послужить для воплощения Божественной Премудрости» [Бычков, 2007, с. 61]. Божественная Премудрость — это София — космический творческий принцип. София, душа мира, как и человечество, призванное ее в себе воплотить, есть двойное по своей природе — Божественное и тварное. Логос, преодолевая сопротивление хаоса (это и есть эволюция), реализует себя в мире через Софию, творит «великолепное тело нашей вселенной» [Соловьев, 1988, с. 388]. Процесс творения имеет две тесно связанные между собой цели — общую и особенную: «Общая есть воплощение реальной идеи, т. е. *света и жизни*, в различных формах природной красоты; особенная же цель есть создание человека, т. е. той формы, которая вместе с наивысшею телесною красотой представляет и высшее внутреннее потенцирование света и жизни, называемое самосознанием» [Соловьев, 1988, с. 389]. Человечество призвано сознательным усилием воплотить в себе высшее творческое начало, уподобиться Божественному. Процесс духовной эволюции подразумевает воплощение Софии (или красоты) во всем человечестве, т. е. осуществление положительного всеединства или «всемирной идеи» как реализацию высшего замысла о мире и человеке. Не только в философии, но и в поэзии Соловьева (прежде всего, это стихотворение «Три свидания») мы обнаруживаем связь понятия красоты с Софией как Божественной Премудростью и как женским космическим началом (Вечной женственностью). Ее образ мы находим в русской символистской поэзии Серебряного века, включая А. Блока, А. Белого и других. Полное воплощение Софии, по Соловьеву, — это осуществленная Вселенская религия.

Как и для П. Флоренского, для В. С. Соловьева «красота есть идея действительно осуществляемая, воплощаемая в мире прежде человеческого духа» [Соловьев, 1988, с. 361]. И Флоренский, и Соловьев, солидарны в мысли о том, что красота есть часть триединства истины, добра и красоты, т. е. трех ипостасей

единой всемирной идеи, их «неслитного соединения» [Соловьев, 1988а, с. 305–306] также связаны с троичным культурным идеалом, основываются на образе Троицы. Абсолютная красота может быть достижима при наличии двух компонентов: «непосредственной материализации духовной сущности» и «всецелого одухотворения материального явления как собственной неотделимой формы идеального содержания» [Соловьев, 1988b, с. 396]. В этом случае едиными становятся материя и дух: материя, подчиняясь силе преобразующего ее духа, воплощает в форме идею и тем самым «в красоте делается причастной к бессмертию идеи» [Бычков, 2007, с. 64].

Понятие безобразного для Соловьева равно непокоренному, непретворенному хаосу; в этом его мысль созвучна поэзии Ф. И. Тютчева: «Хаос, то есть отрицательная беспредельность, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного» [Соловьев, 1990, с. 113]. Владимиру Соловьеву вторит Н. А. Бердяев: «Судьба микрокосма и макрокосма нераздельны... Космос разделяет судьбу человека, и потому человек разделяет судьбу космоса. И только человек, занявший место в космосе, уготованное ему Творцом, в силах преобразить космос в новое небо и новую землю» [Бердяев, 1993, с. 172]. Воплощение красоты (или Софии) в мире есть процесс реализации всемирной идеи, победа над хаосом путем преобразования его в красоту и гармонию, т. е. в космос. Однако полная победа, по Соловьеву, невозможна и не нужна: хаос как природное начало есть та праматерия, из которой строится космос: «присутствие хаотического, иррационального начала в глубине бытия сообщает различным явлениям природы ту свободу и силу, без которых не было бы и самой жизни и красоты» [Соловьев, 1990, с. 114].

Одним из главных путей осуществления красоты является искусство, которое достигает своей задачи только в составе триады «истина, красота, добро (общее благо)», ибо искусство призвано служить воплощению всемирной идеи, которая есть единство всех трех ее ипостасей. Его задача — «в форме осязательной красоты» [Соловьев, 1990, с. 111] воплощать высший смысл жизни: в философии — это истина, а в нравственной жизни человека — сознание своего долга. Для искусства же — это явление чистой красоты, формула которой была дана Пушкиным, ибо красота, «уже сама по себе находится в должном соотношении с истиной и добром, как их осязательное проявление» [Бычков, 2007, с. 76]. Красота спасительна именно потому, что она «есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение уже во всем есть конец, и цель, и совершенство...» [Соловьев, 1988а, с. 306]. Достижение совершенства заключается в восстановлении и воссоединении добра, истины и красоты.

Именно поэтому Соловьев отмечает необходимость сопричастности художника высшим сферам бытия («Значение поэзии в стихотворениях Пушкина»): образ пушкинского пророка для него — идеал творца, призванного посредством искусства преображать мир, привести его к состоянию положительного,

или истинного, всеединства. Поэтому истинным, соответствующим своему назначению, может быть только то искусство, которое показывает подлинную сущность любого явления или предмета в его «окончательном состоянии, или в свете будущего мира» [Соловьев, 1988b, с. 399]. Единство религии и искусства, существовавшее в прежние эпохи, должно возникнуть вновь как свободный синтез на новом витке развития человечества: «художники и поэты опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, еще более важном и возвышенном смысле: не только религиозная идея будет владеть ими, но и они сами будут владеть ею и сознательно управлять ее земными воплощениями» [Соловьев, 1988a, с. 293].

В работе «Философские начала цельного знания» Соловьев выделяет творчество как отдельную категорию в сфере человеческой жизни. По Соловьеву, она состоит из трех этапов реализации (от высшей к низшей): мистики (высшая ступень), изящного художества (средняя ступень) и технического художества (низшая ступень). Предмет изящных искусств — красота, но это еще не полная, не всецелая, не абсолютная красота. Абсолютная красота не принадлежит земному миру, искусство может уловить «только отблеск от незримого очами», поэтому высшей степенью познания прекрасного Соловьев, как и Флоренский, считает то, что в практике монашества, русского исихазма называлось умным деланием или все тем же обожением. Соловьев называет этот процесс мистикой, т. е. наивысшей степенью творчества — «общением с высшим миром путем внутренней творческой деятельности» [Соловьев, 1988с, с. 174].

Согласно теории Соловьева о всеединстве, человечество переживает в данный момент второй, закономерный и неизбежный этап своего развития, т. е. период предельного разделения и дифференциации. Однако он считает, что за этим должен последовать следующий, третий этап, который приходит к единству или синтезу на новом, более высоком уровне. Человечество становится ближе к миру Божественному, человек — Богочеловеком, что открывает перед ним возможности теургии, или сотрудничества, сотворчества с Высшим. Ведущую роль, как отмечает философ, в этом должна сыграть Россия, русский народ.

С красотой связывал наступление новой эпохи и Н. А. Бердяев, называя ее Царством Духа, или эпохой свободы: «Императив творить красоту во всем и везде, в каждом акте жизни, начинает новую мировую эпоху, эпоху Духа, эпоху любви и свободы» [Бердяев, 2006, с. 121]. Пережив экзистенциальный опыт, потрясение от встречи с красотой в Италии, почувствовав ее причастность и ее происхождение в иных мирах, Бердяев возводит красоту в главную категорию своей философской системы, наряду с ее производными и последствиями ее воздействия — свободой и творчеством, в котором философ видит оправдание бытия человека. Именно поэтому Бердяев противопоставляет красоту, свободу и культуру мировой необходимости, миру причинности и цивилизации. Красота же освобождает человека, но она дается только в духовной борьбе, в духовном преодолении и восхождении, поскольку, как и у Вл. Соловьева, красота есть победа над хаосом.

Для того чтобы достичь красоты как реальности и воплотить ее в произведениях искусства, творец должен осуществить трудный подъем к ее вершинам или прорыв в область трансцендентного. Этот процесс описывает мыслитель и поэт-символист Вячеслав Иванов, также утверждающий теургичность человеческого творчества, способность искусства преображать мир. Иванов считает, что в нашем земном мире пребывают символы мира высшего (реальнейшего). Чтобы узреть их, художник должен совершить трудное, подчас мучительное восхождение в область трансцендентного, а затем совершить обратный и не менее сложный процесс нисхождения, чтобы верно и выразительно воплотить увиденные духовным зрением образы в своем творчестве, постичь сущность явлений, что делает художника носителем Божественного Откровения. Таким образом, художник не занимается, как принято говорить сегодня, самовыражением, «не сочиняет из себя образа, но лишь снимает покровы с уже, и притом примерно, сущего образа» [Флоренский, 1996, с. 383–384]. Образы иного мира, проходя через внутренний мир творца, вступая с ним во взаимодействие, в сложнейшем процессе творчества обретают свою форму в произведениях искусства, носящих на себе печать индивидуальности художника, но вместе с тем отражающих объективную, постижимую только через искусство истину, явленную в красоте.

Искусство, в этом Вяч. Иванов солидарен с Бердяевым, служит великому делу освобождения мира. Художник разрушает иллюзорность довольства, благополучия и достаточности условий земного существования, привнося в него элементы иной реальности, реальности высшего порядка: «Кто мой лик узрел, / Тот навек прозрел — / Дольний мир навек пред ним иной», — пишет он в стихотворении «Красота», посвященном В. С. Соловьеву¹. Лик красоты — это и лик Софии. Принимая красоту, будучи открытым ей духовно, постигая ее как истину, человек усваивает или открывает ее в себе как особый модус или инструмент зрения. В работе «Два маяка»², посвященной Пушкину, Иванов отмечает, что красота была показана поэту не как мечта, а как явная тайна, которая воссияла в его душе на всю жизнь и определила его жизнь и его творчество. Красота приходит в мир посредством творца, гения, который для мира есть дар Божественной благодати, действующей в согласии с добром. Убийцу гения — Сальери (чья фигура в данном случае — собирательный образ «хладного и надменного народа», «черни», которой он должен совершать жертвоприношение, принося с небес «сладкие звуки и молитвы») — Иванов называет богоубийцей. Ибо творец, художник (в широком смысле этого слова) приносит в мир спасительную красоту, Фаворский свет преображения, тем самым становясь подобным Богу (отсюда связь теургии и богочеловечества у Соловьева). Земной, материальный мир, как правило, величает избранника терновым венцом: он сопротивляется воплощению красоты в мире, реализации

¹ URL: <https://ivanov.lit-info.ru/ivanov/stihi/kormchie-zvezdy/krasota.htm> (дата обращения: 25.02.2025).

² URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0100.shtml (дата обращения: 25.02.2025).

положительного всеединства, ибо существуют «демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного — вот глубочайшая сущность мировой души и основа всего мироздания» [Соловьев, 1990, с. 113]. В этой связи, возвращаясь к мысли о том, что святой, подвижник есть осуществление высшей красоты на земле, можно понять причины столь трагической участи многих из них, как понятными становятся слова художника и философа Н. К. Рериха о том, что те, кто сжигали Жанну д'Арк на костре, сжигали мир и все человечество.

Философия космической реальности — живая этика, — которая стала синтезом магистральных идей русского космизма, созданная в 20-е годы XX века при содействии Н. К. Рериха и Е. И. Рерих, выдающихся философов своего времени, осветила новые грани понятия красоты. Живая этика рассматривает мироздание как грандиозную энергетическую систему, частью которой является человек, несущий в себе все его структурные уровни. Речь идет о мире земном, мире тонком и огненном (мире духа). Понятие мира огненного соответствует приведенным выше размышлениям П. А. Флоренского, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Вяч. И. Иванова и других русских космистов об источнике красоты в высшем мире. Человек понимается в живой этике как претворитель космических сил, а красота — как основа и одновременно цель бытия, объективный космический принцип, в согласии с которым происходит становление природной красоты, создается красота рукотворная и осуществляется красота в самом человеке.

Красота в философии живой этики связана с понятием космического магнита, который определяется как энергетическая и творческая структура мироздания, определяющая развитие всех планов бытия, как мира физического (плотного), так мира тонкого и огненного. О понятии космического магнита до того, как оно получит свое оформление в живой этике, размышлял К. Э. Циолковский, писавший о воле Вселенной и творящей ее первопричине, от которой исходит космос и все его порождения, в том числе и человек³. Ученый А. Л. Чижевский писал о внеземной силе, которая регулирует ритмы солнечной активности и циклы земной истории. Художник-космист М. К. Чюрленис воплощает образ космического магнита в своей последней картине *Rex* (1909)⁴. Раскрывая связь космического магнита с понятием красоты в живой этике, Л. В. Шапошникова пишет: «Красота, в ее истинном понимании, представляет собой тонкую и высоко вибрационную энергетику и является не только важнейшим фактором в эволюции человечества, но и олицетворяет собой творческую силу в космосе как таковом. Она возникает в таинственном пространстве Космического

³ Циолковский К. Э. Первопричина // Проект «Космическая философия Константина Циолковского»: сайт. URL: <https://www.tsioolkovsky.org/ru/kosmicheskaya-filosofiya/pervoprichina/> (дата обращения: 21.02.2025).

⁴ Чюрленис М. К. *Rex* // Национальный художественный музей имени М. К. Чюрлениса в Каунасе: официальный сайт. URL: <https://ciurlionis.eu/en/content/rex> (дата обращения: 05.03.2025).

Магнита, где в необозримом океане энергий складываются и рушатся бесчисленные формы различных состояний материи. И только она, Красота, придает им устойчивость и эволюционную завершенность. Сам же Космический Магнит, являясь Сердцем и Разумом Мироздания, творит и действует по строгим законам Красоты» [Шапошникова, 2006, с. 93].

Микрокосм человека, подобный макрокосму Вселенной, в своей сложной структуре содержит дух, являясь частью космической духоматерии, также обладает свойством магнита, мощным творческим потенциалом. «Космический Магнит есть основная Сила и Свойство Космического Огня» [Рерих, 1999, с. 55], как отмечает Е. И. Рерих, а «всеначала́ная энергия (которая также названа «всесвязующей мощью») «проявляется прежде всего в центре СЕРДЦА» [Рерих, 2007, с. 245]. В живой этике эта энергия, которой обладает человек, называется психической, а ее синонимом в религиозной христианской терминологии выступает Святой Дух. В книге живой этики «Аум» сказано, что «психическая энергия есть красота» [Аум, 2019, п. 478]. Таким образом, уже упомянутое видение Святого Духа, завершенное просветление, обожение в понимании живой этики есть раскрытие в человеке его духовного потенциала, т. е. проявление и реализация в его творчестве, как физическом, так и духовном, как индивидуальном, так и социальном, психической, или всеначала́ной, энергии мироздания в формах и образах красоты, ведущий к преобразованию мира от хаоса к космосу, т. е. порядку и гармонии. Соответственно, в терминологии В. С. Соловьева этот процесс имеет название теургии, а человек, раскрывший в себе этот потенциал, называется Богочеловеком. «Формула, что “Мир будет спасен осознанием красоты”, есть величайшая из формул, положенная в основание Нового Мира», — отмечала Е. И. Рерих [Рерих, 2001, п. 225]. Понятие красоты, будучи объективной категорией, в живой этике одновременно связано с сознанием человека: познание красоты — это познание объективных законов мироздания, а значит, мера нравственного совершенствования человека, его способности к взаимодействию с творящими силами космоса, а следовательно, творчеству на различных планах бытия, которое русскими космистами признавалась как главная способность человека, главное качество, отличающее человека новой эпохи.

«Сознание красоты спасет мир» [Община, 2004, п. 27] — так фраза Ф. М. Достоевского звучит в живой этике, что вносит в это понятие действенное начало. Международный документ об охране культурных ценностей — Пакт Рериха, — предложенный человечеству в 1935 году, подписанный рядом государств и поддержанный всемирной общественностью, стал практическим шагом, предпринятым художником, философом и общественным деятелем Н. К. Рерихом для сохранения красоты в ее наивысшем воплощении — культуре. Он подвел в XX веке промежуточный итог в осмыслении этого понятия красоты в русской духовной традиции и философии русского космизма и закрепил за культурой и ее смыслом и содержанием — красотой — статус основы человеческой жизни, ведущего закона мироздания. Символ Пакта

Рериха — знамя мира (знак триединства), — изображенный на иконе Андрея Рублева «Троица», совершенно очевидно связывает содержание и задачи Пакта с русской духовной традицией и русской философией.

Таким образом, понятие красоты в философии русского космизма является не только и не столько отвлеченной эстетической категорией, сколько базовым принципом эволюции космоса и человека как его части. Постигая его законы, совершенствуя себя нравственно и интеллектуально, человек оказывается способным перейти в своем развитии от объекта эволюции к ее субъекту, приобретая способность влиять на ее ход и качество. Именно в этом представлении красота становится синонимом реализации следующей эволюционной ступени человечества на планетарном уровне.

Список источников

1. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с. https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdenie-istiny/5
2. Соловьев В. С. Красота в природе // Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 351–389. https://psv4.userapi.com/s/v1/d/hRxDrq0VV6Kq3Cgi9FYXcuSEw1qab5nlAg7sVsodaYrTsR60BkGJ5RtYpQ24eDvOIRkrkI8smuId3iI3-4VGI1kul3NLMdsQGTidqF1QaaMXNMZO/Solovyov_V_S_-_Tom_2-2_-_1988.pdf
3. Бычков В. В. Русская теургическая эстетика М.: Ладомир, 2007. 743 с. <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/russkaja-teurgicheskaja-estetika/2>
4. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988а. С. 289–324. https://psv4.userapi.com/s/v1/d/hRxDrq0VV6Kq3Cgi9FYXcuSEw1qab5nlAg7sVsodaYrTsR60BkGJ5RtYpQ24eDvOIRkrkI8smuId3iI3-4VGI1kul3NLMdsQGTidqF1QaaMXNMZO/Solovyov_V_S_-_Tom_2-2_-_1988.pdf
5. Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988б. С. 390–404. https://psv4.userapi.com/s/v1/d/hRxDrq0VV6Kq3Cgi9FYXcuSEw1qab5nlAg7sVsodaYrTsR60BkGJ5RtYpQ24eDvOIRkrkI8smuId3iI3-4VGI1kul3NLMdsQGTidqF1QaaMXNMZO/Solovyov_V_S_-_Tom_2-2_-_1988.pdf
6. Соловьев В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева // Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 105–121. <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/solovjev.html>
7. Бердяев Н. А. Человек. Микрокосм и макрокосм <Отрывки> // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 171–175.
8. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988с. С. 139–288. https://psv4.userapi.com/s/v1/d/GvxmQD3meT9rYAwBCmK_p6kU8zZGm16pu6tEoTmc3Qb7GXU2oHH2JEvy9aEmSOv57EKu3eW3uQiEbgmwVY-dLW63uOI-WuqZ5cTwmXlou8mPRrJ/Solovyov_V_S_-_Tom_2-2_-_1988.pdf
9. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 412 с.

10. Флоренский П. А. Моленные иконы преподобного Сергия // Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 383–408. <https://djvu.online/file/9r0KQjxI0b1aN?ysclid=mc8v6s6aa6761550856>
11. Шапошникова Л. В. Тернистый путь красоты // Шапошникова Л. В. Держава Рерихов: сб. статей: в 2 т. Т. 2. М.: МЦР, 2006. С. 92–118. https://icr.su/rus/about/direction/director/ternist_put.php
12. Рерих Е. И. Беседы с Учителем // Новая Эпоха. 1999. № 1 (20). https://www.newepoch.ru/journals/20/eir_besedi.html
13. Рерих Е. И. У порога Нового Мира. М.: МЦР; Мастер-Банк, 2007. 464 с.
14. Аум. М.: МЦР, 2019. 416 с. (Учение Живой Этики). <https://roerich-lib.ru/index.php/zhivaya-etika/aum>
15. Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. 3 (1935 г.). М.: МЦР, 2001, 768 с. <https://roerich-lib.ru/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-iii/2222-225-e-i-rerikh-f-grant-z-g-im-likhtmanam-29-noyabrya-1935-g?ysclid=mc910p27vy8059163>
16. Община (Рига). М.: МЦР; Мастер-Банк, 2004. 328 с. <https://roerich-lib.ru/zhivaya-etika/obshchina> (дата обращения: 01.03.2025).

References

1. Florensky, P. A. (2003). *The pillar and the affirmation of truth: the experience of Orthodox theodicy*. AST. https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdennie-istiny/5 (In Russian).
2. Solovyov, V. S. (1988). Beauty in nature. In Solovyov, V. S. *Essays* (vol. 2, pp. 351–389). Mysl. (In Russian). https://psv4.userapi.com/s/v1/d/hRxDrq0VV6Kq3Cgi9FYX-cuSEw1qab5nlAg7sVsodaYrTsR60BkGJ5RtYpQ24eDvOIRkrkI8smuId3iI3-4VGIlkul3NLMdsQGTidqF1QaaMXNMZO/Solovyov_V_S_-_Tom_2-2_-_1988.pdf
3. Bychkov, V. V. (2007). *Russian theurgical aesthetics*. Ladomir. (In Russian). <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/russkaja-teurgicheskaja-estetika/2>
4. Solovyov, V. S. (1988a). Three speeches in memory of Dostoevsky. In Solovyov, V. S. *Essays* (vol. 2, pp. 289–324). Mysl. (In Russian). https://psv4.userapi.com/s/v1/d/hRxDrq0VV6Kq3Cgi9FYXcuSEw1qab5nlAg7sVsodaYrTsR60BkGJ5RtYpQ24eDvOIRkrkI8smuId3iI3-4VGIlkul3NLMdsQGTidqF1QaaMXNMZO/Solovyov_V_S_-_Tom_2-2_-_1988.pdf
5. Solovyov, V. S. (1988b). The general meaning of art. In Solovyov, V. S. *Essays* (vol. 2, pp. 390–404). Mysl. (In Russian). https://psv4.userapi.com/s/v1/d/hRxDrq0VV6Kq3Cgi9FYXcuSEw1qab5nlAg7sVsodaYrTsR60BkGJ5RtYpQ24eDvOIRkrkI8smuId3iI3-4VGIlkul3NLMdsQGTidqF1QaaMXNMZO/Solovyov_V_S_-_Tom_2-2_-_1988.pdf
6. Solovyov, V. S. (1990). Poetry of F. I. Tyutchev. In Solovyov, V. S. *Literary criticism* (pp. 105–121). Sovremennik. (In Russian). <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/solovjev.html>
7. Berdyaev, N. A. (1993). Man. Microcosm and macrocosm <Excerpts>. In Semenova, S. G., & Gacheva, A. G. (Compilers). *Russian cosmism: An anthology of philosophical thought* (pp. 171–175). Pedagogika-Press. (In Russian).
8. Solovyov, V. S. (1988c). Philosophical principles of integral knowledge. In Solovyov, V. S. *Essays* (vol. 2, pp. 139–288). Mysl. (In Russian). https://psv4.userapi.com/s/v1/d/GvxmQD3meT9rYAwBCmK_p6kU8zZGm16pu6tEoTmc3Qb7GXU2o-HH2JEvy9aEmSOv57EKu3eW3uQiEbgmwVY-dLW63uOI-WuqZ5cTwmXlou8mPRrrJ/Solovyov_V_S_-_Tom_2-2_-_1988.pdf

9. Berdyaev, N. A. (2006). *The meaning of creativity*. AST; Guardian. (In Russian).
10. Florensky, P. A. (1996). The prayer icons of St. Sergius. In Florensky, P. A. *Writings* (vol. 2, pp. 383–408). Mysl. (In Russian). <https://djvu.online/file/9r0KQjxI0b1aN?ysclid=mc8v6s6aa6761550856>
11. Shaposhnikova, L. V. (2006). The thorny path of beauty/ In Shaposhnikova, L. V. *The Power of the Roerichs: collection of articles* (vol. 2, pp. 92–118). ICR. (In Russian). https://icr.su/rus/about/direction/director/ternist_put.php
12. Roerich, E. I. (1999). Conversations with a Teacher. *New Era*, (1). (In Russian). https://www.newepoch.ru/journals/20/eir_besedi.html
13. Roerich, E. I. (2007). *At the threshold of a New World*. ICR; Master Bank. (In Russian).
14. *Aum* (2019). ICR. (The Teaching of Living Ethics). (In Russian). <https://roerich-lib.ru/index.php/zhivaya-etika/aum>
15. *Elena Ivanovna Roerich. Letters* (2001) (vol. 3 (1935)). ICR. (In Russian). <https://roerich-lib.ru/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-iii/2222-225-e-i-rerikh-f-grant-z-g-i-m-likhtmanam-29-noyabrya-1935-g?ysclid=mc910p27vy8059163>
16. *Community (Riga)* (2004). ICR; Master Bank. (In Russian). <https://roerich-lib.ru/zhivaya-etika/obshchina>

Информация об авторе / Information about the author:

Валентина Владимировна Виноградова — научный сотрудник Международного Центра Рерихов, аспирантка кафедры философии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

Valentina V. Vinogradova — Researcher of the International Center of the Roerichs, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

valentina.v.vinogradova@yandex.ru

Научно-исследовательская статья

УДК 008

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-105-114

ТЕХНОЛОГИИ XXI ВЕКА КАК УГРОЗА ЗДОРОВЬЮ И РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ирина Федоровна Понизовкина

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,

Москва, Россия,

ponizovkina.if@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3392-9521>

Аннотация. В статье рассматриваются философские проблемы процессов цифровизации, искусственного интеллекта и их каждодневного использования в разных сферах общественной жизни. Особое внимание автор уделяет последовательному анализу разнообразных аспектов негативного влияния новейших технологий на человека и общество. Цифровая революция — это антропологический вызов XXI века, который человечество не имеет право проигнорировать.

Ключевые слова: цифровая революция, искусственный интеллект, девайс, промт-менеджер, кибербуллинг, киберпреступление, технологическая безопасность

Для цитирования: Понизовкина И. Ф. Технологии XXI века как угроза здоровью и развитию человечества // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 105–114. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-105-114>

Scientific research article

UDC 008

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-105-114

TECHNOLOGIES OF THE XXI CENTURY AS A THREAT TO HUMAN HEALTH AND DEVELOPMENT

Irina F. Ponizovkina

Plekhanov Russian University of Economics,

Moscow, Russia,

ponizovkina.if@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3392-9521>

Abstract. The article examines the philosophical problems of digitalization processes, artificial intelligence and their daily use in various spheres of public life. The author pays special attention to the consistent analysis of various aspects of the negative impact of the latest technologies on humans and society. The digital revolution is an anthropological challenge of the 21st century that humanity has no right to ignore.

Keywords: digital revolution, artificial intelligence, device, industrial manager, cyberbullying, cybercrime, technological security

© Понизовкина И. Ф., 2025

For citation: Ponizovkina, I. F. Technologies of the XXI century as a threat to human health and development. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 105–114. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-105-114>

Введение

Переход к новому тысячелетию ознаменовался лавинообразным потоком принципиально новых изобретений в области технологий человеческой деятельности, прежде всего коммуникативной и производственной, что не могло не повлиять на все сферы деятельности человечества — экономическую, политическую, духовную и т. д. Каждый новый шаг в этом направлении воспринимался общественностью с восторгом, с полной уверенностью, что новые технологии помогут решить все проблемы человечества, стоит лишь поскорее внедрить эти достижения в повседневную жизнь.

Технологии XXI века, безусловно, принесли много преимуществ человечеству, с которыми мы хорошо познакомились заранее благодаря рекламе. Однако, когда человечество стало активно применять эти новшества в каждодневной практике, выявился эффект иллюзорности массового сознания относительно хайтека и двойственный характер последствий использования этих новшеств.

Постепенно стало выявляться разнообразное и весьма неоднозначное влияние новейших технологий на развитие человечества, которое сегодня вызывает серьезные опасения. Рассмотрим несколько ключевых аспектов, подчеркивающих угрозы для человека и общества, исходящие от современных технологий.

Угроза новейших технологий для здоровья человека

Цифровая трансформация общества, в частности медицины, ставила своей целью улучшение медицинского обслуживания и прорыв в оздоровлении общества. Многие в этом направлении сделано. Но неожиданно выявились побочные эффекты повседневной цифровой действительности.

Во-первых, нельзя не отметить негативное влияние использования современных технических новшеств на физическое здоровье человека, которое современная медицина пока не до конца изучила, но разрушающие последствия которого становятся очевидными. Хотя массовое внедрение технологий в повседневную жизнь и профессиональную деятельность человека наблюдалось в связи с попыткой избежать распространения пандемии ковида, впоследствии выяснились массовые жалобы на другие заболевания, связанные с малоподвижным образом жизни, такие как ожирение, сердечно-сосудистые заболевания и проблемы с опорно-двигательным аппаратом. Тем не менее люди уже не торопились отказываться от удобств дистанционной работы.

Особое влияние длительное использование IT-устройств оказывает на здоровье и развитие детей, которые нуждаются в подвижном образе жизни и естественном освоении окружающего мира с помощью органов чувств. Однако родители часто в своем воспитании детей чрезмерно доверяют различным девайсам. Упущенные возможности естественного детского развития в дальнейшем восполнить невозможно. Ведь в первые шесть лет закладываются основы всей будущей жизни и здоровья, формируются обменные процессы в организме, мозговая деятельность и ментальные способности [Сухарев, 2012; Tierney, Nelson, 2009].

Сегодня наблюдается массовая заболеваемость глаз в результате продолжительного использования экранов: снижение зрения, синдром сухого глаза, цифровое напряжение (синдромом компьютерного зрения) и другие. По заключению исследователей США, цифровым синдромом страдают более 60 % американцев¹.

Риску подвергается и слух в результате модного веяния постоянно прослушивать музыку в наушниках. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, 1,1 миллиарда молодых людей во всем мире подвержены риску потери слуха из-за постоянного шумового воздействия².

Недостаточно исследованным остается вопрос о влиянии на организм человека радиоволнового и электронного воздействия. Появилось такое понятие, как электромагнитная безопасность³, которое превращается в самостоятельную отрасль знания. Исследования в этой области продолжаются в разных странах на базе научно-исследовательских институтов, например в известном во всем мире Федеральном ведомстве радиационной безопасности Германии (Bundesamt für Strahlenschutz, BfS) и т. д. Для предотвращения возможной опасности в России действует СанПиН 2.2.4.1191-03 «Электромагнитные поля в производственных условиях», а также ряд других нормативных документов, в частности СанПиН 2.1.8/2.2.4.1383-03 «Гигиенические требования к размещению и эксплуатации передающих радиотехнических объектов», СанПиН 2.2.4.1329-03 «Требования по защите персонала от воздействия импульсных электромагнитных полей» и др., которые устанавливают предельно допустимые нормы излучений.

Второй аспект влияния связан с воздействием на психическое здоровье. С увеличением использования компьютеров, смартфонов и других цифровых устройств люди, особенно дети, стали чаще страдать неврозами⁴. Влияние синих светодиодов,

¹ What is digital eye strain? // Royal Society of Chemistry: website. URL: <https://americanrefrativesurgerycouncil.org/digital-device-use-eyes/> (дата обращения: 29.01.2025).

² Новый стандарт ВОЗ-МСЭ призван предупредить потерю слуха у 1,1 миллиарда молодых людей: пресс-релиз (12 февраля 2019 г.) // Всемирная организация здравоохранения: сайт. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/12-02-2019-new-who-itu-standard-aims-to-prevent-hearing-loss-among-1.1-billion-young-people> (дата обращения: 29.01.2025).

³ Electromagnetic fields and public health: mobile phones (2014). URL: <https://web.archive.org/web/20180620014250/http://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/electromagnetic-fields-and-public-health-mobile-phones> (дата обращения: 29.01.2025).

⁴ Исследование: каждый третий ребенок в РФ страдает от «цифрового невроза» (12.01.2025) // Красная весна: информационное агентство. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/63bfe62a?ysclid=mca7m7qwvi311231073> (дата обращения: 29.01.2025).

излучаемых экранами, на уровень мелатонина нарушает естественные циклы сна, увеличивая уровень стресса и приводя к психическим заболеваниям. Психическое здоровье людей подвергается опасности из-за повышения уровня тревожности, депрессии и чувства одиночества, особенно у молодежи. Наиболее уязвимой для цифрового невроза оказалась категория детей от 6 до 10 лет.

Казалось бы, социальные сети способствуют общению людей, налаживанию коммуникаций. Однако существует оборотная сторона такого онлайн-общения. «Просиживание жизни» на платформах (Facebook⁵, Instagram⁶, TikTok и др.) может вызывать чувство агрессии и даже ненависти к другим, подчас незнакомым людям под влиянием суггестии (эмоционального заражения), чувство неполноценности вследствие постоянного сравнения себя с идеализированными образами сетевой рекламы и других пользователей, вести к ложным путям повышения самооценки.

Более того, многочисленные чаты принесли с собой такое явление, как кибербуллинг — новую форму агрессии, безнаказанной жестокости, что способно довести жертву не только до нервного срыва, но и до больничной койки. Ведь кибербуллинг по всем признакам — более навязчивая, жестокая и опасная форма насилия, чем травля в реальной жизни. Он может не прекращаться ни днем, ни ночью, часто носит латентный характер для окружающих людей, и жертва не надеется на чью-либо помощь. Доктор Эрик Альсера из сети клиник Hackensack Meridian Behavioral Health говорит, что «в Интернете люди нередко говорят другим обидные и гадкие слова, которых они никогда не сказали бы при личной встрече» и если агрессор начинает распускать слухи или публикует компрометирующие фотографии, его сообщения и публикации могут распространиться по социальной сети за считанные минуты на огромную аудиторию⁷. Это может привести к самым печальным последствиям. По американской статистике, жертвы кибербуллинга совершают самоубийство или причиняют себе вред в два раза чаще, чем остальные⁸.

При этом сама эмоциональная зависимость от технологий, стойкая привязанность к цифровому контенту является формой психического отклонения. Человек функционально, ментально и психически уже не справляется с увеличением количества устройств и приложений. Так, вместо повышения качества жизни человека, для чего и предназначены различные девайсы, наблюдается, наоборот, снижение качества жизни и ухудшение межличностных отношений

⁵ Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

⁶ Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

⁷ What are the effects of cyberbullying? (26.08.2020) // TAPinto Middletown: site. URL: <https://www.tapinto.net/towns/middletown/sections/health-and-wellness/articles/what-are-the-effects-of-cyberbullying> (дата обращения: 29.01.2025).

⁸ Anderson M. A majority of teens have experienced some form of cyberbullying (27.09.2018) // Pew Research Center: site. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2018/09/27/a-majority-of-teens-have-experienced-some-form-of-cyberbullying/> (дата обращения: 29.01.2025).

как с ближайшим окружением человека (в результате уменьшения внимания с его стороны), так и с различными группами социума (в результате возникающих проблем социализации).

Цифровая безопасность в личной и общественной жизни

В-третьих, новые технологии порождают проблемы цифровой безопасности в личной, общественной жизни индивида и деятельности социальных институтов. Всем нам известен вред утечки личных данных (фишинг и т. п.), что создает угрозу безопасности — возможных финансовых потерь, мошенничества и нарушений конфиденциальности. С развитием технологий растет угроза новых видов преступности, к которым зачастую ни человек, ни государство оказываются не готовы. Взлом веб-сайтов учреждений и компаний, личных страниц пользователей на «Госуслугах» и т. п., вирусные атаки, создание сайтов-дублеров грозят не только потерей финансов, но и репутации, приостановкой деятельности и полным хаосом в работе, на преодоление которых потребуются значительные усилия.

По мнению экспертов, среда киберпреступности будет стоить миру в среднем 10,5 триллиона долларов в 2025 году. Это огромный рост за десять лет по сравнению с тремя триллионами долларов в 2015 году⁹. Согласно отчету Accenture об издержках, связанных с киберпреступностью, самым дорогостоящим компонентом любого взлома является потеря информации. Средняя стоимость взлома для каждой компании составляет около 3,86 миллиона долларов. Около 95 % всех нарушений кибербезопасности и хакерских атак вызваны человеческими ошибками. Среднее время выявления нарушения в 2020 году составило около 207 дней¹⁰. Таким образом, увеличение числа кибератак представляет реальную угрозу для организаций, учреждений и крупных кампаний, что может повлиять на экономическую и политическую стабильность стран и мира в целом.

Нельзя не учитывать отдаленные негативные социальные последствия цифровизации для поступательного развития общества в виде усиления социального тоталитарного контроля и внедрения его в личное пространство, проблемы с самоопределением и идентичностью, размещения вредоносного контента, манипуляции общественным сознанием с помощью медиасредств в политических целях, снижения уровня ментальных способностей учащихся и студентов в результате тотального внедрения цифровизации в образование [Понизовкина, 2021; Ponizovkina, Agibalova, 2020].

⁹ Morgan Steve. Cybercrime to Cost the world \$10.5 trillion annually by 2025 (13.11.2020) // Cybercrime Magazine: site. URL: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damage-costs-10-trillion-by-2025/> (дата обращения: 23.04.2025).

¹⁰ 2020 Cyber threatscape report. URL: <https://carterheavyindustries.wordpress.com/wp-content/uploads/2021/05/accenture-2020-cyber-threatscape-full-report.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).

Внедрение новшеств в экономическое развитие также имеет амбивалентный характер. О достижениях инновационной экономики написано немало [Лукашин, 2024]. Цифровая экономика, призванная ускорить экономические процессы, сделать их более производительными и результативными, в силу капиталистических законов максимизации прибыли действует часто прямо противоположно: направляет новые технологические возможности не на увеличение сроков использования качественного продукта потребителем, а на программирование его уменьшения (до срока обязательного гарантийного обслуживания).

Более того, технологический процесс часто направляется (программируется) не по пути оптимизации и удобств использования, а субъективно поставленных целей, что особенно касается программных продуктов. Много нареканий, например, вызывают «персонализированные» автоответчики ряда топовых компаний, которые заменили реальных операторов, весь «диалог» которых построен так, чтобы, потратив значительные временные ресурсы, никогда не получить ответ на возникшие вопросы.

Казалось бы, внедрением новых технологий автоматизируются решения рутинных задач, выполнение опасных и сложных операций. Однако становятся актуальными проблемы правильного обслуживания цифровых инструментов, установления четких границ их использования, возможности решения творческих задач в производственном процессе. В США со времен лавинообразной компьютеризации в XX веке известен феномен ложного профессионализма, когда высококвалифицированный программист не может справиться с задачами сложного анализа полученных цифровых данных и их интерпретации, часто недооценивая их, не может ставить перед цифровыми помощниками адекватные задачи. Эффект использования в этом случае новейших технологий оказывается иллюзорным. В связи с этим появляются новые специальности и большой спрос на них. Например, появилась профессия промт-менеджера, призванного правильно «общаться» с цифровым инструментарием, чтобы получить нужный результат.

Особенно это актуально для новых видов вооружений в силу большого риска и опасности любых сбоев или ошибок в их цифровом обслуживании. Примером может служить спутниковый интернет-сервис Starlink от И. Маска, используемый силами Запада в современном конфликте с Россией. Наблюдающиеся сбои с такими видами вооружений создают особую угрозу, так как требуют моментальной реакции и особого профессионализма для их преодоления. Ранее уже были зафиксированы случаи попыток уничтожения таким «военным» ИИ собственного оператора как помехи в выполнении задачи¹¹.

Следующий аспект, который вызывает тревогу, — это экологические последствия производства новейших технологий. Ведь процесс производства

¹¹ Colonel clarifies comments about ‘rogue AI drone’ that supposedly killed its operator (03.06.2023) // Guardian: site. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/jun/02/us-air-force-colonel-misspoke-drone-killing-pilot> (дата обращения: 29.01.2025).

электронных устройств наносит ущерб окружающей среде, включая загрязнение воды и воздуха, а также создание электронных отходов, которые часто невозможно эффективно утилизировать либо это слишком дорого стоит.

Цифровое неравенство

Актуальным является вопрос о таком новом явлении, как цифровое неравенство. Этот феномен можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, речь идет о неравенстве доступа разных групп населения к технологиям, хотя прежде возлагались большие надежды на взаимный обмен достижениями и информацией, который поможет выровнять уровень развития стран в глобализирующемся мире. Однако на практике оказалось, что в доступе ограничены беднейшие слои населения даже развитых стран, не имеющие домашнего интернета или современных девайсов, тем самым лишаясь возможностей для обучения, работы, самореализации и активного участия в жизни общества. Но даже тот, кто находится в гуще новейших достижений и потоков цифровой информации, рискует оказаться жертвой манипуляций, имеющих латентный характер: через отбор и расположение информации в поисковиках, визуально-эмоциональное воздействие материала и т. п.

С другой стороны, сегодня наблюдается такой международный феномен, как цифровая гонка между странами. Наступил момент в развитии новейших технологий, когда их уровень напрямую связан с технологической безопасностью государства. Каждая страна старается создать свою цифровую подушку безопасности во всех основных сферах жизнедеятельности общества. Так, «первая волна санкций в 2014 году побудила российские финансовые власти создать суверенную платежную систему, которая была призвана обеспечивать бесперебойную обработку платежей на территории РФ независимо от внешних факторов и международной обстановки»¹². Такая система — «Мир» — была запущена в России уже в 2015 году. Эта российская национальная платежная система занимается обработкой всех транзакций внутри страны и развитием выпуска собственных платежных карт. В 2022 году свою деятельность в России прекратили международные Visa, MasterCard и JCB. Глобальные сбои Windows подтвердили правильность курса России на цифровой суверенитет.

Международный скандал вокруг китайской нейросети DeepSeek, доступной для потребителя и не менее функциональной, чем западные аналоги, показал принципиальную важность этой темы. Эти события оказали влияние на мировые рынки технологий: акции крупных технологических компаний, включая Nvidia, рухнули на один триллион долларов из-за опасений по поводу растущей конкуренции со стороны китайских разработок в области

¹² Горбачева С. Карта «Мир»: плюсы и минусы, где работает и как ее получить (24.04.2023) // Финансовый маркетплейс Банки.ру. <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10975941> (дата обращения: 29.01.2025).

искусственного интеллекта. DeepSeek запретили в ряде стран из-за опасений по поводу безопасности данных и потенциальных угроз национальной безопасности¹³.

Влияние новейших технологий на изменение сущности человека

И, наконец, о самом важном — о возможности новейших технологий повлиять на изменение самой сущности человека и его жизнедеятельности. Суть этой опасности выразил в свое время известный философ Мартин Хайдеггер в работе «Вопрос о технологии»: «Угроза человеку исходит в первую очередь не от потенциально смертоносных машин и технологических аппаратов. Настоящая угроза всегда направлена против сущности человека» [Heidegger, 1977, р. 308]. Трансгуманизм набирает обороты параллельно с повышением технологического уровня. Развитие биотехнологий на основе внедрения цифровизации формирует преступную самоуверенность — мысль о возможности выступить в роли непосредственного Творца субъективно направляемой эволюции человечества. Эту тенденцию хорошо выразил в своей книге «Homo Deus. Краткая история будущего» израильский проповедник трансгуманизма Ю. Н. Харари: «...наш прошлый опыт и наши нынешние ценности дают основание полагать, что следующими целями человечества будут бессмертие, счастье и божественность. Сократив смертность от голода, болезней и насилия, мы постараемся победить старость и даже саму смерть. Избавив большинство людей от унижительной нищеты, мы постараемся сделать их реально счастливыми. Встав выше звериной борьбы за выживание, мы постараемся возвысить людей до богов и превратить *Homo Sapiens* в *Homo Deus*» [Харари, 2018, с. 30]. Кто будут эти Боги? Идеи Харари весьма противоречивы, подчас утопичны, а бесцеремонное внедрение в естественные процессы может привести к непредсказуемым результатам и даже самоуничтожению человечества.

Заключение

Российский философ академик В. А. Лекторский сформулировал поставленную нами проблему альтернативно: «“Цифровизация как катастрофа или как антропологическая революция?”, — ибо цифровизация может стать и тем и другим. В любом случае это антропологический вызов. От того, как человечество ответит на этот вызов, будет зависеть то, куда пойдет развитие человечества» [Лекторский, 2025, с. 48–49].

¹³ DeepSeek запретили в разных странах: что известно о блокировках? // TenChat: деловая социальная сеть в России. URL: <https://tenchat.ru/media/3001290-deepseek-zapretili-v-raznykh-stranakh-chto-izvestno-o-blokirovkakh> (дата обращения: 29.01.2025).

Технологии XXI века представляют собой мощный инструмент, который может как положительно, так и отрицательно влиять на здоровье и развитие человечества. Требуется научно-философский анализ проблемы, к обсуждению которой должны быть привлечены широкие слои общественности и специалистов. Важно на любом уровне управления и производства осознанно подходить к использованию технологий, разрабатывать и внедрять этические нормы и регуляции, которые помогут минимизировать выявленные потенциальные угрозы, сохраняя при этом все преимущества, которые они могут предложить. Важной задачей стало формирование у людей критического отношения к технологиям и создание здорового баланса между их использованием и реальной жизнью.

Список источников

1. Сухарев А. Г. Закономерности роста и развития детского организма: лекция. М.: РМАПО. 2012. 30 с.
2. Tierney A. L., Nelson C. A. 3rd. Brain development and the role of experience in the early years // *Zero to Three*. 2009. Vol. 30. № 2. P. 9–13.
3. Понизовкина И. Ф. Цифровизация обучения и личность // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сб. статей по итогам Международной научной конференции (Москва, 2 декабря 2020 г.) / под ред. Н. М. Мамедовой, М. И. Ивлевой. М.: Русайнс, 2021. С. 107–111.
4. Ponizovkina I. F., Agibalova E. L. Digitalization of higher education: Prospects and risks // *Education excellence and innovation management: a 2025 vision to sustain economic development during global challenges: 35th International Business Information Management Association conference (Seville, Spain, April 1–2, 2020)* / ed. by Kh. S. Soliman. Seville, Spain: IBIMA, 2020. P. 11849–11857.
5. Лукашин К. В. Экономические последствия внедрения новейших технологий в контексте четвертой промышленной революции // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 5. С. 611–617. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-5-611-617>
6. Heidegger M. The question concerning technology // *Basic writings* / ed. by D. F. Krell. New York: Harper & Row, 1977. P. 307–343.
7. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. А. Андреева. М.: Синдбад. 2018. 496 с.
8. Лекторский В. А. Цифровизация; антропологическая революция или антропологическая катастрофа? // *Альтернативы цифровизации: сохранится ли человек в цифровизации будущего?* / под. ред. Г. Л. Белкиной; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2025. С. 48–54.

References

1. Sukharev, A. G. (2012). *Patterns of growth and development of the child's body: Lecture*. RMAPO. (In Russian).
2. Tierney, A. L., & Nelson, C. A., 3rd (2009). Brain development and the role of experience in the early years. *Zero to Three*, 30 (2), 9–13.
3. Ponizovkina, I. F. (2021). Digitalization of learning and personality. In Mammadova, N. M., & Ivleva, M. I. (Eds.), *Personality in the context of global socio-cultural*

transformations of the digital information society: collection of articles based on the results of the International Scientific Conference (pp. 107–111). RuScience. (In Russian).

4. Ponizovkina, I. F., & Agibalova, E. L. (2020). Digitalization of higher education: Prospects and risks. In Soliman, Kh. S. (Ed.), *Education excellence and innovation management: a 2025 vision to sustain economic development during global challenges: 35th International Business Information Management Association conference* (pp. 11849–11857). IBIMA.

5. Lukashin, K. V. (2024). The economic impact of the adoption of emerging technologies in the context of the fourth industrial revolution. *Economics and Management*, 30 (5), 611–617. (In Russian). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-5-611-617>

6. Heidegger, M. (1977). The question concerning technology. In Heidegger, M. (Author), & Krell, D. F. (Ed.), *Basic writings* (pp. 307–343). Harper & Row.

7. Harari, Yu. N. (2018). *Homo Deus. A brief history of tomorrow*. Sindbad. (In Russian).

8. Lektorsky, V. A. (2025). Digitalization: Anthropological revolution or anthropological catastrophe? In Belkina, G. L., & Frolov, M. I. (Eds.), *Alternatives to digitalization: Will man survive in the digitalization of the future?* (pp. 48–54). Canon + ROOI “Rehabilitation”. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Ирина Федоровна Понизовкина — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Irina F. Ponizovkina — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

ponizovkina.if@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3392-9521>

Обзорная статья

УДК: 316.776.22

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-115-122

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ И МЕДИАСУВЕРЕНИТЕТ

Евгений Александрович Фалько

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия,
efalko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема информационного детерминизма в современной российской журналистике. Это один из наиболее важных социально-философских вопросов в контексте обеспечения медиасуверенитета Российской Федерации. Автор предлагает пути преодоления последствий неконтролируемого роста количества информации в эпоху постправды.

Ключевые слова: журналистика, детерминизм, медиасуверенитет, постправда

Для цитирования: Фалько Е. А. Информационный детерминизм в российской журналистике и медиасуверенитет // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 115–122. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-115-122>

Review article

UDC: 316.776.22

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-115-122

INFORMATION DETERMINISM IN RUSSIAN JOURNALISM AND MEDIA SOVEREIGNTY

Evgeny A. Falco

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia,
efalko@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of information determinism in modern Russian journalism. This is one of the most important socio-philosophical issues in the context of ensuring media sovereignty of the Russian Federation. The author suggests ways to overcome the consequences of the uncontrolled increase in the amount of information in the post-truth era.

Keywords: journalism, determinism, media sovereignty, post truth

For citation: Falco, E. A. Information determinism in Russian journalism and media sovereignty. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 115–122. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-115-122>

Россия в наши дни сталкивается с рядом внутри- и внешнеполитических проблем, которые невозможно решить за короткий промежуток времени. Речь, среди прочего, идет об эскалации украинского конфликта, расширении НАТО на Восток и, как следствие, дальнейшей деградации отношений между Россией и Соединенными Штатами. Во внутренних делах наибольшие опасения вызывают вопросы демографии, образования, а также общественной безопасности в свете крайне серьезной эскалации у западных границ РФ.

Названные международно-политические и внутренние проблемы современного российского государства напрямую связаны с вопросами развития отечественного медиапространства, особое внимание к которому со стороны властей поможет обеспечить информационный суверенитет нашей страны в условиях нарастания упомянутых выше кризисных явлений. В контексте крайне сложной ситуации в международных отношениях, связанной с эскалацией конфликта на Украине, тема информационного суверенитета приобретает особую актуальность для социума, поскольку отсутствие внимания к этой сфере жизни общества и государства ставит под угрозу сами основы самостоятельности России. Обращая внимание на принципы воздействия СМИ на человека, И. М. Дзялошинский отмечал, что «в современных условиях наибольшее распространение получили различные технологии коммуникативного воздействия». Такое воздействие определяется им как возможность управлять большими массами людей [Дзялошинский, 2012, с. 6].

В таком контексте проблему важности медиа для общественности также очень хорошо выразил В. В. Савчук, провозгласивший тезисы «медиа внутри нас» и «всё есть медиа». «Конкретный вид медиа создает свою реальность, свой способ восприятия, свои практики обхождения с ним», — подчеркивал он [Савчук, 2014, с. 39]. Отстаивая принцип «всё есть медиа», автор также обращает внимание на понятие «информационное неравенство» [Савчук, 2014, с. 45], которое, с нашей точки зрения, выступает ключевым в контексте обеспечения медиасуверенитета современной России.

Современные медиа на фоне стремительного развития технологического прогресса и вступления мира в эпоху искусственного интеллекта (ИИ) приобретают особую важность, создавая ту самую «свою реальность», о которой упоминал Савчук. Иными словами, медиареальность может быть создана, сконструирована с учетом интересов тех или иных политико-экономических групп, у которых есть средства, возможности и ресурсы для построения «своей реальности». Эти группы могут находиться как внутри нашей страны, так и за рубежом, что говорит российскому обществу о крайней степени важности медиасуверенитета сегодня, поскольку баланс того самого информационного неравенства может качнуться не в пользу России и медиаполе будет заполнено «своей реальностью», выгодной определенным группам. Конструирование «своей реальности», т. е. потенциальная возможность медиа создать некий параллельный мир для целого общества, отражается в понятии «постправда».

Американский философ Ли Макинтайр определяет это понятие как «подчинение реальности политике». С его точки зрения, такое положение дел оказалось весьма опасно для любого общества. «Это ужасно, потому что это во многом полная противоположность науке. Ты заранее определяешь, что есть истина, а потом пытаешься убедить в этом остальных», — подчеркивал он [Отрицание науки и постправда..., 2022, с. 94]. Другими словами, речь идет о том, что сегодня есть возможность построить свой собственный мир, свою медиареальность, просто убедив социум посредством медиа в том, что она истинна. «Большинству людей хорошо знакомо ощущение того, что ими манипулируют, навязывают против их воли определенное поведение или убеждения», — писал Дзялошинский, подчеркивая, что медиавоздействие на человека является скрытым [Дзялошинский, 2012, с. 7]. Автор справедливо полагает, что именно скрытое воздействие на человека является наиболее успешным, поскольку нужный определенным кругам месседж продвигается путем планомерного внедрения того или иного посыла в сознание индивидуума.

В этой связи ключевую значимость приобретает не только проблема обеспечения медиасуверенитета России. В данном контексте на первый план также выходит тема информационного детерминизма в современной российской журналистике. Не зря В. В. Савчук писал о том, что медиа разъединяет ближних и при этом может объединить тех, кто находится на разных континентах. Такое происходит на фоне стремительного роста количества подаваемой и потребляемой информации в современном медиаполе [Савчук, 2014, с. 79].

Информационный детерминизм понимается автором статьи в качестве современной проблемы журналистики как социально-политического явления в жизни общества и государства. Эту проблему заметили философы постмодерна. Так, еще Жан Бодрийяр, провозгласивший мир симуляцией, писал о том, что современным ему средствам массовой информации «недостает целей, заинтересованности, историй, слов». Перегруженность социального пространства, медиапространства информацией, которая зачастую не представляет собой необходимости для человека, считалась Бодрийяром «импловивным насилием». «...Импловивное насилие... является не результатом расширения системы, но ее перенасыщения и сжатия, как это происходит в звездных системах. Насилие, которое является результатом чрезмерного уплотнения социального, сверхрегулируемой системы, чрезмерной перегруженности сети (знаниями, информацией, мощностью) и гипертрофированного контроля, блокирующего все интерстициальные нервные импульсы», — писал он [Бодрийяр, 2015, с. 73, 100]. Современная эпоха с постоянно ускоряющимся развитием информационных технологий и создает проблему, на которую обращал внимание постмодернист Бодрийяр: слишком много количества, слишком много информации, но слишком мало качества, слишком мизерным оказывается тот смысл, который в себе несет упомянутая им «перегруженная сеть». «Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла», — отмечал он [Бодрийяр, 2015, с. 109]. В этой связи философ говорил о начавшемся на фоне технологического развития «вызове для смысла».

Мрачный тон эпохи постмодернизма ярко отразил стремительно увеличивающееся количество информации, которая проходит через человека каждый день и увеличивается как снежный ком. В этих условиях смысл, истина, правда, реальное проявляются лишь ограниченно, спорадически, теряются в океане шлаковой информации. Именно это является благоприятной почвой для прорастания постправды, где истина подчинена интересам определенных политико-экономических групп, элит, управляющих повесткой дня. Тут истина может вдруг перестать быть таковой, а неистина, наоборот, очень правдоподобно притвориться истиной. Это актуализирует вопросы о медиасуверенитете России.

Таким образом, суть информационного детерминизма в журналистике сводится к увеличению количества данных и одновременному снижению их качества, когда «информация вообще» становится самоцелью.

Такое положение дел напрямую коррелирует с поставленной выше проблемой медиасуверенитета России, поскольку индивидуум в современной нам медиареальности, характеризующейся сверхмассивным объемом информации, просто-напросто теряется в нем. А это, в свою очередь, является основой для манипулирования сознанием человека: в океане данных очень легко подкинуть фейк, полуправду, вырванную из контекста фразу.

Постправда ярко отражается в современном политико-идеологическом курсе западных стран на переписывание истории и реабилитацию нацизма, который сегодня вновь поднял голову у наших границ.

Увеличение количества предлагаемой потребителю, коммуниканту информации связано с техническим прогрессом, усовершенствованием медиасредств, направленных на воздействие на аудиторию. Современные сайты изданий, агентств предлагают обширное количество видео, фото, картинок, иллюстраций, которые помогают человеку визуализировать прочитанную им новость, отражая «иконический поворот» в медиа. «Образ становится сверхзначимым. В последующем западная цивилизация получила название “цивилизация образа”. <...> Окружая себя образами, человек экранирует реальность... мы сообщаемся образами, мы, наконец, думаем образами...», — подчеркивал Савчук [Савчук, 2014, с. 20].

«Иконический поворот» предоставляет возможности для манипуляций сознанием человека и общества. Манипулятивные медиатехнологии, вооруженные в том числе средствами искусственного интеллекта и принципами работы дипфейков (DeepFake), активным образом применяются для трансформирования политических взглядов общества, его моральных устоев, формирования нужного определенным группам покупательского спроса на товары и услуги [Аблеев, Кузьминская, 2024, с. 13].

Дипфейки, в том числе и визуальные, стали активно использоваться политико-экономическими группами определенных государств в целях дискредитации тех или иных политиков как внутри страны, так и за рубежом. Так, можно «подсадить» в голову индивидуума нужную мысль, даже несмотря на то что фейки весьма быстро развенчиваются официальными заявлениями тех, против кого они были использованы. К примеру, в 2024 году с весьма неприятной ситуацией, связанной с дипфейком столкнулась нынешний премьер-министр Италии Джорджия Мелони¹. Летом 2024 года Мелони вызывали в суд Сардинии для дачи показаний по гражданскому иску, который глава кабмина подала против двух граждан Италии. Они, как утверждалось в иске, с помощью дипфейков «накладывали ее лицо» на тела звезд фильмов для взрослых и размещали видеоролики на американском порносайте в 2020 году. Джорджия Мелони потребовала возмещения ущерба в размере 108 200 долларов США. Инцидент с премьером Италии лишь выглядит как безобидная забава двух недалеких людей, однако очевидным является тот факт, что дипфейк таким образом может быть использован в целях дискредитации того или иного публичного лица. Пускай даже фейк будет быстро развенчан. Все равно в подсознании остается, если так можно сказать, осадок.

Более наглядным примером политически мотивированного подключения современных технологических систем, алгоритмов, принципов работы ИИ к политической борьбе является метод переадресации запросов в поисковике «Гугл» (Google)². «Google необходимо срочно пересмотреть свою систему

¹ *Barbie Latza Nadeau*. Italian Prime Minister Giorgia Meloni seeking damages of \$108,200 in deepfake porn trial (22.03.2024) // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2024/03/22/europe/giorgia-meloni-italy-deepfake-porn-intl/index.html> (дата обращения: 29.01.2025).

² *Cadwalladr Carole*. Google ‘must review its search rankings because of rightwing manipulation’ (05.12.2026) // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/dec/05/google-must-review-its-search-rankings-because-of-rightwing-manipulation> (дата обращения: 29.01.2025).

ранжирования поиска из-за “убедительных” доказательств того, что ею “манипулируют и контролируют” правые пропагандисты», — писала газета The Guardian в 2016 году. В данном случае неважно, какие именно «пропагандисты» «манипулируют и контролируют» медиапространство. Важно именно то, что манипулируют, «подкручивая» алгоритмы системы «Гугл» так, чтобы при любом запросе поисковик выдавал нужный результат.

Еще во время первой президентской кампании Дональда Трампа американские эксперты и политтехнологи обратили внимание на роль системы «Гугл» в политических дебатах в США в преддверии выборов. Так, в частности, эксперты обратили внимание на то, что в определенный момент ответами на вопрос о дате рождения нациста Адольфа Гитлера поисковик выдавал не только самого Гитлера, но и Трампа (цит. по: [Аблеев, Кузьминская, 2024, с. 14]. «Вполне очевидно, что с помощью таких не прямых манипулятивных технологий предпринималась попытка сформировать устойчивый негативный образ одного из кандидатов...», — отмечают в этой связи авторы статьи о постмодерне и постправде С. Р. Аблеев и С. И. Кузьминская [Аблеев, Кузьминская, 2024, с. 14].

Подчеркнем, что появление алгоритмов Гугл и других поисковых систем, а также технологий дипфейков наглядно отражают тот постмодернистский кризис информации, о котором предупреждал еще Бодрийяр: много данных, но мало качества и смысла. С алгоритмами «Гугл», которые при запросе о Гитлере могут выдать человеку фотографию Трампа, или с дипфейком, посредством которого можно очернить кого угодно, количество информации в современной нам медиареальности наклонно и неумолимо растет.

В конце XVIII века английский священник и экономист Томас Мальтус выдвинул гипотезу, согласно которой население Земли увеличивается в геометрической прогрессии, а средства к существованию человека — в арифметической [Мальтус, 2023, с. 8, 13]. С точки зрения Мальтуса, неконтролируемое увеличение населения лишь приведет к необратимым последствиям. Мысль английского священника можно экстраполировать в плоскость информации, медиареальности: информационный груз растет в геометрической прогрессии, наполняя медиапространство все большим количеством данных, а средства у человека для того, чтобы разобраться в сверхмассивных объемах информации медиамира, развиваются в арифметической прогрессии.

Стремительный рост количества информации и потеря ее качества становятся весьма благоприятной почвой для развития манипулятивных технологий, направленных на дезорганизацию человека. На примере Украины мы видим, к чему может привести потеря медиаориентиров, потеря себя в медиапространстве, мы видим последствия того, что западные страны практически полностью взяли под контроль украинские средства массовой информации. В январе 2025 года директор Института массовой информации Украины Оксана Романюк заявила, что «практически 90 % украинских медиа выживали за счет грантов», направляемых с Запада. По ее словам, в первый же год боевых действий рекламный рынок на Украине в сфере медиа рухнул сразу на 92 %, так и не возродившись

спустя почти три года трагического конфликта³. Как известно, свято место пусто не бывает, поэтому украинские СМИ очень быстро попали в информационную и финансовую зависимость от западных интересантов, чья главная задача состоит в нанесении стратегического поражения России.

Все это, как упоминалось выше, актуализирует вопросы о медиасуверенитете России на фоне эпохи информационного детерминизма. Человек сегодня живет практически в неограниченном объеме информации, и нельзя допускать того, чтобы он «варился в собственном соку». Системы дипфейков, работа алгоритмов «Гугл», политика стран Запада, направленная на фальсификацию истории и возрождение нацизма — все это говорит о том, что кризис информации в XXI веке, скорее всего, будет продолжаться, так как ничего не указывает на решение проблемы, о которой говорил Бодрийяр. Смысл, правда, истина продолжают теряться в океане лжи, лицемерия, насилия, переписывания истории. В этой связи ключевым становится вопрос: *что делать человеку и государству для сохранения медиасуверенитета в эпоху постправды и потери смыслов?*

Американский философ Ли Макинтайр предложил свой ответ на этот вопрос — наука. «Откуда взялась постправда — вопрос спорный: думаю, источников несколько. Главный — отрицание науки. Люди весьма успешно отрицали эволюцию или изменение климата на протяжении семидесяти лет, и это не могло не привлечь внимания политиков», — считает он [Отрицание науки и постправда..., 2022, с. 95]. В этой связи необходимо особое внимание уделить продвижению научных принципов в рамках медиареальности, поскольку, как писал Маршалл Маклюэн, «именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия» [Маклюэн, 2003, с. 11]. И. М. Дзялошинский обращал внимание на возможность активизации у человека контрсценариев после того, как он получил то или иное сообщение [Дзялошинский, 2012, с. 24]. Иными словами, рациональный анализ полученного сообщения в медиа поможет человеку не впадать в эмоциональные качели, а спокойно проанализировать суть переданного. В таком случае уловки дипфейка, «Гугл», фальсификация истории не смогут завладеть разумом человека.

Список источников

1. Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии: монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
2. Савчук В. В. Медиafilософия. Приступ реальности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 350 с.
3. Отрицание науки и постправда: новые темные века. Беседа Ричарда Маршалла с философом Ли Макинтайром / пер. с англ. О. и П. Серебряных // Неприкосновенный запас. 2022. № 3 (143). С. 88–100.

³ В Киеве заявили о западном финансировании большинства украинских СМИ (29.01.2025) // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250129/smi-1996042094.html> (дата обращения: 02.02.2025).

4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с.
5. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Постмодерн и постправда: манипулятивные технологии в формировании массового сознания // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 2. С. 12–16. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-2-12-16>
6. Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении / пер. с англ. И. Вернера. М.: АСТ, 2023. 256 с.
7. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

References

1. Dzyaloshinsky, I. M. (2012). *Communicative impact: targets, strategies, technologies: monograph*. Higher School of Economics. (In Russian).
2. Savchuk, V. V. (2014). *Media philosophy. The attack of reality* (2nd ed., revised and expanded). Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. (In Russian).
3. Denial of science and post-truth: The new dark ages. A conversation between Richard Marshall and philosopher Lee McIntyre. (2022). *An Inviolable Reserve*, (3 (143)), 88–100. (In Russian).
4. Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and simulation*. Postum Publishing House. (In Russian).
5. Ableev, S. R., & Kuzminskaya, S. I. (2024). Postmodernism and post-truth: manipulative technologies in shaping mass consciousness. *Psychology and pedagogy of service activity*, (2), 12–16. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-2-12-16>
6. Malthus, T. R. (2023). *An essay on the principle of population*. AST. (In Russian).
7. McLuhan, G. M. (2003). *Understanding Media: The extensions of man* CANON-Press-C; Kuchkovo Pole. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Евгений Александрович Фалько — корреспондент издания «Газета.Ру», аспирант кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Evgeny A. Falco — Correspondent of the newspaper “Gazeta.Ru”, Postgraduate Student at the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

efalko@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

В журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени, а также всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Авторами статей могут быть ученые, исследователи, докторанты, аспиранты. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие требованиям журнала. Журнал публикует только высококачественные научные работы, отвечающие требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % для эмпирических по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>

При подготовке статей, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Философские науки», просим руководствоваться требованиями редакции журнала, основанными на рекомендациях ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление». Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте: <https://philosophy.mgpu.ru/instrukciya-dlya-avtorov/>

Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Электронные варианты статей прикрепляются на сайте журнала или присылаются на почту: vestnikphilosofya@mail.ru. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Научный журнал / Scientific Journal
Вестник МГПУ.
Серия «Философские науки».

MCU Journal
of Philosophical Sciences

2025, № 2 (54)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82101 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редакторы:
И. Е. Посоха, А. В. Лященко

Корректор:
К. М. Музамилова
Техническое редактирование и верстка:
Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36

Подписано в печать: 17.07.2025 г.
Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.
Объем: 7,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.